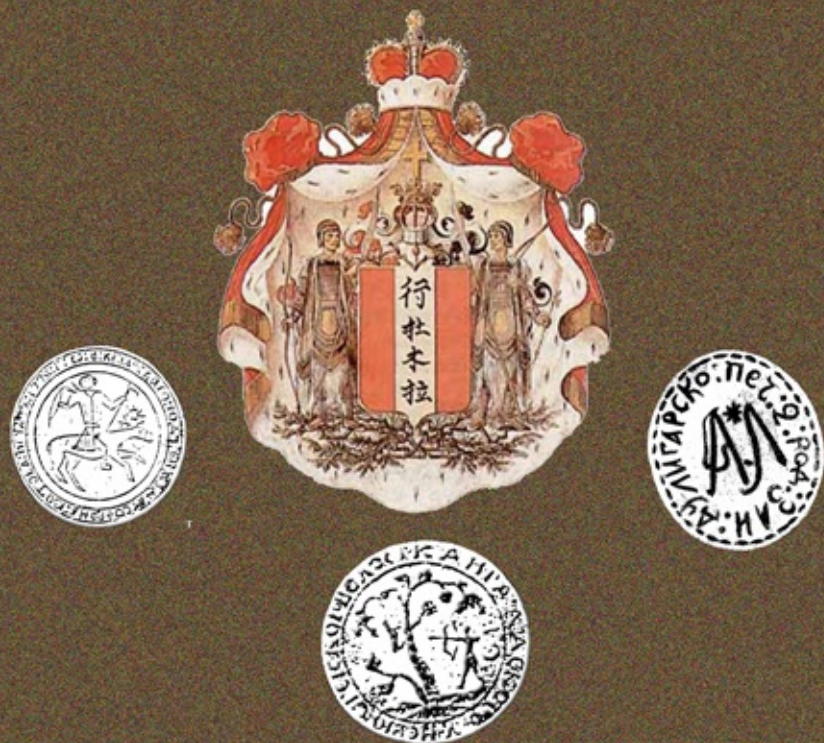

Р. Г. ЖАМСАРАНОВА

ТҮНГҮСЫ
КНЯЗЯ ГАНТИМУРА

Часть 1

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Забайкальский государственный университет»

Р. Г. ЖАМСАРАНОВА

ТУНГУСЫ КНЯЗЯ ГАНТИМУРА

Монография

Часть 1

Чита
Забайкальский государственный университет
2018

УДК 572.9
ББК 63.51(=65)
ББК Т52(=65)
Ж 266

Рекомендовано к изданию
Советом по научной и инновационной деятельности
Забайкальского государственного университета

*Исследование осуществлено на базе НИЛ
«Концептуальная систематика исчезающих и современных языков»*

Рецензенты

Н. Н. Ефремов, д-р филол. наук, Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск
Б. Д. Цыбенков, канд. ист. наук, Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

Жамсаранова, Раиса Гандыбаловна

Ж 266 Тунгусы князя Гантимура : монография : в 2 ч. / Р. Г. Жамсаранова ; Забайкал. гос. ун-т. – Чита : ЗабГУ, 2018.

ISBN 978-5-9293-2298-3

Ч. 1. – 2018. – 252 с.

ISBN 978-5-9293-2299-0

В монографии описаны и проанализированы архивные документы Государственного архива Читинской области, касающиеся одного из самых неизученных народов Центральной Азии – тунгусов Урульгинской степной думы Гантимура. Впервые комплексно представлены архивные сведения о численности их родов и родовом составе. Приведённый список исторического антропонимикона тунгусов углубит познания в области прошлого народов Восточного Забайкалья как с позиций истории, так и языкознания.

Факты, цифры и имена родов, извлечённые из архивных фондов, представляют несомненную ценность для историков, этнографов, религиоведов, культурологов, краеведов и будут интересны широкому кругу читателей.

УДК 572.9
ББК 63.51(=65)
ББК Т52(=65)

ISBN 978-5-9293-2299-0 (Ч. 1)

ISBN 978-5-9293-2298-3

© Забайкальский государственный
университет, 2018

Оглавление

Предисловие	5
Введение	6
Глава 1. Описание Урульгинской степной думы	8
1.1. Степные думы как административная единица государственного управления инородческим и тунгусским населением Сибири	8
1.2. Историко-документальный очерк о народонаселении Урульгинской степной думы	32
1.3. Историко-культурный очерк о численно-родовом составе, быте и других сторонах жизни тунгусов Гантимура	64
Глава 2. Генонимы тунгусских родов князя Гантимура	130
2.1. Документальное описание тунгусских родов: Улятского, Почегорского, Вакасылского, Мунгальского, Узоновского, Нероновского, Конурского и Бултегерского	135
2.2. Документальное описание тунгусских родов Телембинского соединённого рода: Луникерского, Почегорского, Шунинского, Казейского	168
2.3. Документальное описание Ярапинских/Еравнинских родов: Тавангутского, Почегорского, Второбаликагирского и Третьего Шунинского	173
2.4. Документальное описание Дулигатского, Первудулигарского, Дуларского и Долотского родов	182

2.5. Документальные данные Баягирского, Второбаягирских, Намятского, Намясинского и Намятинского, Кельтегирского, Желтоцкого/Дзалтотского родов	192
2.6. Документальное описание Тукчинского, Сартоцкого, Чимчагирского и Гуновского родов	203
2.7. Документальное описание Гучитского, Челкагирского, Чипчинютского, Кушелноцкого, Мальцовского родов	208
Заключение	240
Библиографический список	241

Предисловие

Данное издание является первым опытом комплексной попытки введения в научный оборот таких уникальных архивных документов, каковыми представляются ревизские описи тунгусского населения Урульгинской степной думы под началом князя Гантимура.

Автором в течение многих лет, начиная с 2000 по 2008 г., выписывались данные, факты, цифры, имена из фондов Государственного архива Читинской области (далее – ГАЧО), ныне – Государственный архив Забайкальского края (далее – ГАЗК)¹.

Известно, что именно имена собственные – топонимы, этнонимы, генонимы – отражают в своём значении глубокий этнический слой этногенеза отдельных народностей современности, отсылая к истокам этничности, к началу исторической судьбы как отдельной территории, так и отдельного народа. Бесценным материалом в этом аспекте являются «ревизские сказки», или описи переписи населения. Для реконструкции исторического и этнического прошлого тунгусов Гантимура как автохтонного населения исторической Даурии востребованы именно ревизские описи тунгусов и инородцев-бурят Нерчинского уезда.

Выражаем искреннюю признательность всем сотрудникам Государственного архива Забайкальского края за внимательное и доброжелательное отношение, а также за поддержку при работе с фондами и помощь при поиске нужных документов во время исследовательской работы с фондами учреждения. Автор благодарен уважаемым рецензентам за высказанные пожелания по содержанию данной монографии.

¹ В исследовании даны ссылки именно на фонды ГАЧО, а не ГАЗК.

Введение

Издание представляет собой монографию, состоящую из двух глав. Первая глава – это краткий обзор документов Государственного архива Читинской области (ГАЧО), в которых приведены данные о тунгусах, находившихся под началом князя Гантимура². В ней дано историко-культурное описание разных сторон жизни тунгусского населения Нерчинского уезда посредством изложения архивных документов ГАЧО и их компиляции с целью описания процесса русификации тунгусов, смены антропонимии, языкового сознания и образа жизни.

Впервые введены в научный оборот такие документы ГАЧО и Государственного архива Агинского Бурятского автономного округа (далее – ГААБАО), как «ревизские сказки», имеющие несомненную научную ценность.

Сложившееся мнение о тунгусо-маньчжурском начале тунгусов под предводительством князя Гантимура известно. Очевидно, что закрепившееся вслед за Г. М. Василевич, Б. О. Долгих, В. А. Туголуковым и другими исследователями мнение о языковой принадлежности нерчинских тунгусов к только эвенкам или эвенам не соответствует полностью последним результатам изученного состояния исторической ономастики (включая и этнонимии) Восточного Забайкалья. При анализе архивных документов ГАЧО (в частности, фондов 1о, 300, 55 и др.) возникает мнение, что тунгусы князя Гантимура – это не только эвены или эвенки, как общепринято в истории и этнографии, но и родовые сообщества, связанные этноязыковым происхождением с какими-то иными, нежели только тунгусо-маньчжурские народы, племенами и родами.

Детальное ознакомление с архивами выявило до сих пор малоизученный факт планомерного обращения тунгусского населения в население, исповедующее православную веру, т. е. в старожильческое русскоязычное население Забайкалья. В результате христианизации произошла смена прежней «тунгусской» антропонимии на русскую антропонимию, что

² В цитируемых названиях и текстах архивных документов сохранена орфография источников.

неизбежно повлекло за собой и смену языкового сознания. Отсюда вполне естественно возникают вопросы: «Каким образом при обращении в православную веру бывшее тунгусское население “превратилось” в старожильское русское население XIX в.? Почему подобного не случилось с теми же якутами, западными бурятами и эвенками, которые, как известно, также обращались православными миссионерами в “русскую веру”»? Опираясь на архивные данные, мы можем на них ответить и подвести таким образом солидную, документально обоснованную платформу под авторскую гипотезу об этнокультурной специфике тунгусского населения Нерчинского уезда XVII–XIX вв.

Вторая глава книги посвящена тунгусским генонимам. Помимо их описания представляют серьёзный научный интерес и так называемые языческие, или «до-русские» антропонимы тунгусов. По архивным документам известно, что тунгусское население Урульгинской степной думы³ делилось в начале XVIII в. на 43 рода, а к началу XIX столетия в связи с постепенным уменьшением их числа и вовсе исчезло вследствие процесса планомерного обращения тунгусов в православие посредством их крещения.

Дальнейшее исследование родоплеменных названий тунгусов Гантимура позволит понять причины столь успешного и скорого процесса обращения тунгусов в русское население Забайкалья.

³ Урульгинская степная дума – административный орган местного самоуправления тунгусов Нерчинского уезда в Российской империи.

Глава 1. Описание Урульгинской степной думы

Описанное в данной главе положение народонаселения Урульгинской степной думы, документальные и иные данные о нём позволят представить читателю тот период исторического прошлого современного Забайкалья, когда инородческое население (так в документах названы тунгусы и буряты) стало подчиняться законам и правилам российской имперской власти.

1.1. Степные думы как административная единица государственного управления инородческим и тунгусским населением Сибири

Территория современного Забайкалья известна в исторических анналах под названием исторической Даурии, а почти всё тунгусское население – под названием «дауры».

Даурия, более известная по отпискам первых русских как Даурская земля, представляет собой историко-географический регион в современных пределах Республики Бурятия, Забайкальского края и Амурской области.

О даурах, которые населяли регион до середины XVII в., впервые стало известно русским после экспедиции Еналея Бахтеярова в 1640 г. В Забайкалье от этого народа «остались» такие топонимические названия, как «станция Даурия», «Даурский хребет» и многие другие, которые объясняются только из даурского языка (см. рис. 1).

Альбрехт Доббин говорит о «реке Даурской, которая некогда принадлежала португальцам (?) и где можно видеть ещё многие, построенные ими города, живут дауры (Döigen)» [Алексеев, 1932, с. 31]. В примечаниях к его записям М. Алексеев приводит слова Л. Шренка о даурах: «...Насколько мне известно, это название впервые встречается в печати на карте Витсена от 1687 г., где верхне-амурский край обозначен надписью Даурия» [Шренк, 1863, с. 163].

Рис. 1. Давурский хребет (Забайкалье)

В сочинении Н. Витсена «Северная и Восточная Татария» (Noord en Oost Tartarye), изданной вскоре после появления его карты Сибири, дауры упоминаются под различными вариативными названиями – даурианы, даоры (Daugianen, Daorig, Daorig) и пр. Отмечено, что Н. Витсен черпал сведения главным образом из русских известий и рассказов: некоторые из употребляемых им названий очевидно обнаруживают русскую форму, например, даурцы, доурский, даверский народ.

Упоминает «даоров или, на древнем языке, дауров, даорцев, даурцев» и И. Идес, который, путешествуя в Пекин в 1693 г., проехал через всю Даурию.

В отписках русских казаков, в частности в донесении Максима Перфильева о том, что следуя в 1639 и 1640 гг. вверх по Витиму и притоку его Ципиру, узнал от тамошних тунгусов, что по верхнему Витиму, начиная с впадения в него реки Карги до озера Еравны, равно как и по Шилке до её устья (т. е. по Верхнему Амуру до Сунгари) живёт народ «дауры». Четыре года спустя, во время похода В. Пояркова на Амур, произошла первая встреча с даурами на реке Зее.

М. Алексеев далее пишет, что согласно донесениям В. Пояркова, даурские поселения встречались у устья реки Умлекан

и до устья реки Зея, вверх по рекам Амур, Аргунь, Шилка и в другую сторону – вниз по Амуру почти до устья реки Буряя.

Даурских городков, судя по донесениям казаков, было немало, некоторые из них имели значительное население в 500–1000 человек, как например, Гогударов городок. Из-за набегов русских казаков на эти городки жители их частью были истреблены, часть переселилась на территорию Маньчжурии, на берега реки Нонни.

М. Алексеев, ссылаясь на мнение А. Назарова, комментирует слова А. Доббина о том, что «на реке Даурской живут дауры», как указание на местожительство их по среднему течению реки Амур. Впоследствии оно было изменено благодаря усилению русского влияния и отчасти – колонизационной политике Цинской династии китайской империи [Алексеев, 1932].

По «прозвианию» дауров в «Отписках» служивого казака Петра Бекетова новые земли за Байкалом получили название земли Даурской или, как отписывали царю Алексею Михайловичу – «ходили в Дауры» [Балабанов, 2003, с. 67], землю ещё известную под названием «Даурия».

«Слухи о богатствах даурской земли побудили якутского воеводу Петра Петровича Головина послать в 1643 г. отряд из 133 казаков с пушкой под началом Василия Даниловича Пояркова. Пояркову был выдан судовой инструмент, парусина, боеприпасы, пищали, медные котлы, тазы, сукно и бисер для подарков местным жителям. Целью похода был сбор ясака (дани), поиски серебра, меди и свинца.

Поярков за три года похода, сопровождавшиеся бесчинствами среди местного населения, собрал ценные сведения о народах, живущих по Амуру. Дело, начатое Поярковым, продолжил Ерофей Павлович Хабаров. Прослышав о приближении нового отряда казаков, дауры оставляли селения и уходили. Казаки находили брошенные селения в сотни домов и большие хлебные запасы. В результате похода русских землепроходцев весь левый берег Амура опустел: спасаясь от произвола, все дауры переселились на правый берег Амура под защиту маньчжурских властей» [Магидович, 2003, с. 442–451].

Действительно, среди современного населения пограничной Забайкалью Маньчжурии находятся представители

народности дауров, которые относят себя к этническим даурам. Тогда как среди современных хори-бурят или эвенков севера Забайкалья уже нельзя найти людей, причисляющих себя к потомкам дауров XVI–XVII вв.

Различают несколько территорий в географическом отношении: Байкальскую Даурию (территории от озера Байкал до Яблонового хребта), Витимо-Олёкминскую Даурию (бассейн рек Витим и Олёкма – северная часть Забайкальского края, запад Амурской области), Селенгинскую Даурию (бассейн реки Селенги – юг Бурятии, юго-запад Забайкальского края) и Нерчинскую Даурию – территории к востоку от Яблонового хребта (юго-восточная часть Забайкальского края) (см. рис. 2).

Исходя из этого факта, очевидно, что под этнонимом «дауры» были известны многие племена, обитавшие на этих бескрайних просторах не только Циркумбайкалья, но и всей Северной Азии.

Нерчинскую Даурию населяли разные племена и народы, часть которых под именованием *тунгусы* позже объединили в Урульгинскую степную думу, а инородцев-бурят – в Агинскую степную думу, выделившуюся из Хоринской степной думы в 1839 г. Вероятно, что историографии так и остались неизвестными многие именованья родов или более мелкие племенные объединения, ведь население Даурии ко времени присоединения к России представляло собой достаточно пёстрое в этноязыковом отношении сообщество.

Б. Д. Цыбенков предлагает выделять три этнотерриториальные группы дауров [Цыбенков, 2012, с. 241], среди которых дауры князя Лавкая занимали примерно именно ту территорию, которая позже стала именоваться Нерчинским уездом. Исследование даурских генонимов и патронимов (подродовых названий), мест их обитания, в результате полевого сбора материала, позволило Б. Д. Цыбенкову сделать заключение о том, что «предварительное изучение местообитания дауров в XVII в. выявляет обширную территорию – от восточной части современной Республики Бурятия до границы Амурской области с Хабаровским краем, от южной части Республики Саха до приамурских районов провинции Хэйлунцзян» [Цыбенков, 2012, с. 245].

Рис. 2. Давурия (в пределах Российской и Китайской империй) на карте 1851 года

Таким образом, территориально Даурия и составляла прежде именно тот ареал обитания, который позже, уже в составе Российской империи, именовался как Нерчинский уезд, куда, в свою очередь, входила Урульгинская степная дума.

Центром Восточного Забайкалья в начале XVII в. во время появления собственно государственности в крае принято считать Нерчинский (Даурский) уезд, образованный в 1656 г. Первым из острогов на территории Восточного Забайкалья был Иргенский острог (1653 г.). Население Нерчинского уезда к концу XVII в. состояло из нерчинских тунгусов, телембинских и «ярапинских» (*еравинских – Р. Ж.*) тунгусов, аргунских тунгусов и «инородцев»-бурят.

Расширение территорий Российской империи в связи с её активным продвижением на восток породило необходимость усовершенствования системы административного управления. В XVI в. Сибирь Русского государства управлялась Посольским приказом, а с 1599 г. – приказом Казанского дворца. Позже, в 1637 г. управление Сибирью было выделено из ведения Казанского приказа и отдано в Сибирский приказ как вновь утверждённый.

Сибирскому приказу подчинялось все инородческое население Сибири в отношении всех управленческих, военных, финансовых, судебных и других дел. За основную единицу административного деления Сибири в XVII в. был принят уезд. Современный Забайкальский край входил в Нерчинский уезд, к которому относилась и территория современной Республики Бурятия.

В 1708 г. первой областной реформой была создана Сибирская губерния с центром в Тобольске, в состав которой входила вся Сибирь и приуральская часть Европейской России, она состояла из пяти провинций: Вятской, Соликамской, Тобольской, Енисейской, Иркутской. Последняя управляла населением на территориях современной Иркутской области, Бурятии и Забайкальского края, входивших в состав Иркутской провинции, во главе которой стоял вице-губернатор, подчинявшийся Сибирскому губернатору [Сыртыпова].

Стоит отметить, что царское правительство, осознавая необходимость опоры на родоплеменную знать инородцев Сибири, не стремилось разрушить традиционную систему управления родовым или племенным сообществом, наоборот, пыталось приспособиться к принятой системе администрирования. Изменялась структура управления органами самоуправления сверху. Так, в 1730 г. была проведена вторая областная реформа, восстановившая Сибирский приказ как руководящий и одновременно контролирующий орган. Позже, в 1736 г. Иркутская провинция была отделена и стала подчиняться особому вице-губернатору, находясь при этом под началом Сибирского приказа. Как пишет Н. Д. Сыртыпова, «таким образом, было положено начало административного деления Сибири на Западную и Восточную».

В 1764 г. Иркутская провинция выделилась в отдельную губернию, куда входили сама Иркутская провинция с Иркутским, Киренским и Балаганским уездами, Удинская (Верхнеудинская) провинция с Удинским, Селенгинским, Баргузинским и Нерчинским уездами и Якутская провинция с Якутским, Илимским, Алданским и Олёмкинским уездами.

Кроме провинций и городов с уездами в губерниях имелись комиссарства. Бурятское население Иркутского уезда находилось в ведении Кудинского, Верхоленского, Балаганского и Тункинского комиссаров. К Селенгинскому уезду причислялись селенгинские, кударинские и баргузинские буряты. Хоринские буряты числились в Нерчинском уезде, а тунгусы в Нерчинском и в Баргузинском уездах. При этом Нерчинские горные заводы имели своё собственное управление.

В 1782–1783 гг. в Сибири из-за учреждения трёх наместничеств – Тобольского, Кольванского и Иркутского – появилось деление на области. В связи с этим была учреждена Забайкальская область, к которой причислялись все инородческие роды – бурятские и тунгусские. Затем, в 1796 г. наместничества были упразднены. Территория Сибири была разделена на две губернии: Тобольскую и Иркутскую. Губернии

делились на области, области – на уезды. Бурятское и тунгусское население входило в состав Иркутского наместничества и Иркутской губернии.

В 1822 г. реформой М. М. Сперанского Сибирь была поделена на два генерал-губернаторства: Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское с административными центрами в Тобольске (с 1839 г. – в г. Омске) и Иркутске. Был создан специальный Сибирский комитет, ведавший всеми делами по управлению туземным населением. В этом же 1822 г. был принят «Устав об управлении инородцев», по которому учреждалось особое управление среди народностей Сибири вообще. Специальным «Уставом об управлении инородцами» М. М. Сперанский утвердил Степную думу как административно-хозяйственную единицу в Российской империи в пору его генерал-губернаторства в Сибири в 1819–1821 гг.

М. М. Сперанским было предложено разделение коренного населения Сибири по образу их жизни, на осёдлое, кочевое и бродячее. Впоследствии реформатор 19 января 1833 г. на специальном заседании Государственного совета представил императору Николаю 45 томов «Полного собрания законов Российской империи» (см. рис. 3) и 15 томов «Свода законов Российской империи» [Свод законов..., 1913], составленных под его руководством, куда вошли и те Уложения, которые были написаны им в пору его сибирского губернаторства.

Согласно Уставу было учреждено 12 степных дум: семь – у западных бурят, пять – у восточных. Тунгусское население Нерчинского уезда, к которому причислялись в том числе и родовые объединения бурятского населения, обитавшие по рекам Онон, Аргунь и Ингода, в районе озёрных систем – озера Телемба, Ивано-Арахлейских озёр и Еравнинских озёр, было включено в ведение Урульгинской степной думы.

Среди западных бурят были учреждены Аларская, Балаганская, Идинская, Кудинская, Верхоленская, Ольхонская, Тункинская степные думы. В Забайкалье – Кударинская, Баргузинская, Селенгинская, Хоринская степные думы.

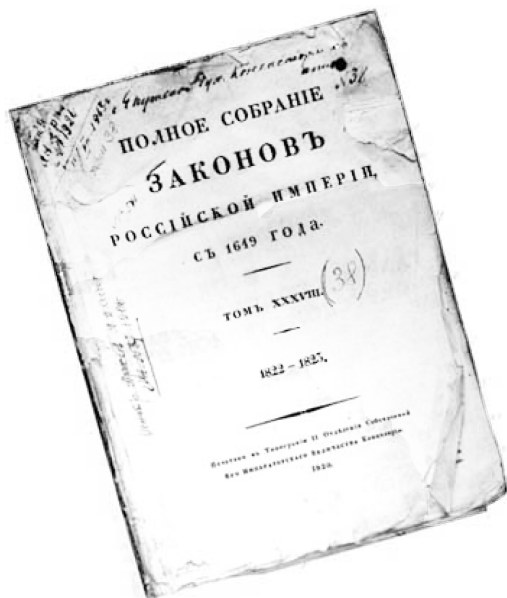

Рис. 3. Полное собрание законов Российской империи

Согласно Уставу об управлении инородцами от 1822 г., было принято трёхступенчатое инородческое самоуправление у сибирских народов, в том числе у бурят. Исследователь-историк Б. Ц. Жалсанова пишет, что «степные думы, инородные управы и родовые управления, как органы местного самоуправления сибирских народов, сыграли важную роль в их жизни, оказав огромное влияние на хозяйственную, социально-политическую и культурную жизнь. Основываясь на российских законах и нормах обычного права, они длительный период осуществляли функции органов местного самоуправления» [История Баргузинской..., 2012].

Основными обязанностями степных дум являлись: учёт численности населения; контроль распределения сборов; учёт общественных средств и имущества; распространение земледелия и промышленности среди инородцев; защита интересов сородичей перед высшим начальством. Входившие в Степ-

ную думу родовые управления и инородческие управы ведали местным благоустройством, а также распределением и сбором податей.

Низшей ступенью в структуре самоуправления становился улус или родовое управление, объединявшее 15 семейств и более. Во главе улуса или управления стояли старшина/староста и два его помощника.

Второй ступенью управления являлась инородная управа, объединявшая и подчинявшая себе несколько стойбищ и улусов. Руководили управой голова, выборные и письмоводитель, что говорит о наличии делопроизводства. Инородная управа подчинялась Степной думе.

В круг обязанностей управы входили: обнаружение и исполнение всех предписаний начальства; принятие предупредительных мер против повальных болезней, падежей скота, пожаров; подача сведений о происшествиях; раскладка и взнос ясака; контроль над выполнением повинностей; сбор недоимок; развитие хлебопашества в пригодных для этого местах; заведование хлебными экономическими магазинами; «попечение о продовольствии хлебом и солью».

В дальнейшем круг обязанностей дум расширился, они приобрели функции управления и суда. Инородная управа имела право «словесной расправы» 2-й степени, прежде чем человек мог обратиться к тайше как главному родоначальнику.

Высшим органом власти являлась Степная дума, в ведении и распоряжении которой было несколько инородных управ или родовые управления. Управлялась дума главным родоначальником – тайшой, которого утверждал в этой должности генерал-губернатор. В свою очередь, Степная дума подчинялась окружным управлениям, т. е. царской администрации, выполняя преимущественно хозяйственные функции. Важной функцией думы было наблюдение за состоянием хлебопашества, скотоводства и сенокосения.

Исполнение судебных функций, вызванных спорами, тяжбами и жалобами, осуществлялось и на уровне окружного управления как вышестоящего над степными думами государственного органа.

Подушевой учёт кочевого населения, у которого основной их хозяйственной жизни являлось скотоводство, имел несомненную важность в административно-хозяйственной деятельности Степной думы. Однако основной обязанностью думы на первых порах являлся сбор ясака и определение ясачной подушевой повинности.

Итак, согласно «Уставу» М. М. Сперанского в 1824–1825 гг. в Сибири было учреждено 18 степных дум, включая 12 степных дум у западных и восточных бурят и одну – у тунгусского населения – Урульгинскую. Первоначально Урульгинская степная дума была учреждена в составе Нерчинского округа Иркутской губернии, в 1851 г. в связи с образованием Забайкальской области стала относиться к последней. После 1901 г. в связи с упразднением системы управления инородцами Урульгинская степная дума, как и остальные степные думы, была ликвидирована [Энциклопедия Забайкалья..., с. 205].

Заметим, что если наиболее полно и основательно исследованы документы по Баргузинской степной думе [История Баргузинской..., 2012], то Урульгинская степная дума почти не изучена, за исключением ряда научных статей и тезисов.

В данном издании широко используются материалы архивных документов ГАЧО по Урульгинской степной думе. В целях описания Урульгинской степной думы приведём полностью текст предисловия, составленного архивариусом Т. С. Ивановой к описи фонда 55 «Урульгинская степная дума».

«22 июня 1822 г. был учреждён Устав об управлении малыми народностями Сибирской губернии, в состав которого входило и Забайкалье. Согласно этого устава система управления малыми народностями Забайкалья имела следующие звенья: степная дума, инородная управа, родовое управление. Степная дума являлась промежуточным звеном между инородной управой и окружным начальником. Буряты и эвенки (*тунгусы* – Р. Ж.) тех далёких времён жили родами. Многие роды, соединяясь в одну общую зависимость, образовывали Степную думу.

На территории Забайкалья были сформированы следующие степные думы: Баргузинская, Агинская, Кударинская, Хоринская, Урульгинская» [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 13, л. 1].

Урульгинская степная дума вошла в состав Нерчинского округа Иркутской губернии Восточно-Сибирского генерал-губернаторства. В 1851 г. на территории Восточно-Сибирского генерал-губернаторства была создана новая административно-территориальная единица – Забайкальская область. Нерчинский округ вошёл в её состав.

С 1871 г. образуется Читинский округ и территория Урульгинской степной думы попадает в его черту. В 1887 г. Забайкальская область, согласно административно-территориальному делению, входит в состав Иркутского генерал-губернаторства, с 1829 г. – Приамурского, с 1901 г. – вновь в состав Иркутского генерал-губернаторства. Соответственно этому менялась и административная подчинённость Урульгинской степной думы.

Степная дума состояла из главного родоначальника, избранных заседателей, число которых зависело от принятого обычая или от надобности, голов инородных управ, которые являются членами Степной думы. Состав её утверждался губернатором.

Урульгинскую степную думу возглавлял князь Николай Петрович Гантимуров. Все дела Степная дума производила письменно и имела своих письмоводителей – двоих. Письмоводители не имели права голоса при обсуждении каких-либо вопросов.

Урульгинская степная дума представляла собой общественное собрание и ведала одними хозяйственными вопросами. На Степную думу возлагались следующие функции: «перепись населения, раскладка сборов, правильный учёт всех сумм и имуществ, распределение земледелия и народной промышленности, ходатайства у высшего начальства о пользах родовичей». Урульгинская степная дума исполняла свои функции посредством глав инородных управ. Подчинялась Нерчинскому окружному управлению с 1851 г., с 1871 г. Читинскому окружному управлению, с 1901 г. – Читинскому уездному управлению.

Члены Степной думы могли быть отстранены от своих должностей по приказу губернатора. Причинами для отстра-

нения могли быть: уголовное преступление; злоупотребление властью, которое было доказано судом; просьба подведомственных родовичей; долги, если должник имел только одно средство к их оплате – поступление на работу. При этом уволенный не лишался права быть избранным на следующий год. Письмоводителей могла принимать на работу и увольнять сама Степная дума.

Урульгинская степная дума как общественное собрание исполняла хозяйственные функции и действовала подобно Городской думе. Без точного назначения Степная дума не могла предписать никакой сбор податей и повинностей с бурят и эвенков (*тунгусов – Р. Ж.*). В свою очередь Степная дума не назначала никакого сбора без точного предписания от правительства. Все внутренние расходы по Степной думе регистрировались в специальной книге записи. По окончании года Степной думой составлялся отчёт о расходовании денежных сумм и о произведённых за год расходах, и об этом уведомлялись родовые управления.

Урульгинская степная дума следила за тем, чтобы вверенные ей буряты и эвенки (*тунгусы – Р. Ж.*) не нуждались в продовольствии, чтобы они имели хороший промысел и сбыт своих товаров. Дума заключала контракты о поставке белки, соболей, о найме бурят и эвенков на перевозку тяжестей, предварительно оговорив условия с родовыми управлениями через глав.

Дума чётко следила за сбором податей. Это были следующие сборы:

- 1) подать (именуемая ясаком), поступающая в Кабинет императора;
- 2) земская повинность;
- 3) повинность (внутренняя) на содержание Степного управления.

Сборы на внутренние повинности определялись самой думой. Прибавка к ним разрешалась только по новому положению думы [Свод законов... , кн. 7, с. 5–12].

По Уставу 1822 г. в ведение Урульгинской степной думы вошло шесть инородных управ: Урульгинская, Оловская,

Шундуинская, Маньковская, Кужертаевская, Онгоцонская [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 146, л. 6]. Позже была образована Улдургинская инородная управа.

Инородная управа состояла из головы, двух выборных и письмоводителя. Родовые управления получали своё звание наследственно или выборно. Выборные и письмоводители назначались всегда по выбору родовичей (членов родовых управ) на определённое или неопределённое время. Начальник инородных управлений и члены инородных управ утверждались губернатором.

Инородные управы Урульгинской степной думы несли функции:

А. По полиции: 1) обнаружение и исполнение всех предписаний начальства; 2) меры предупреждения против повальных болезней и падежа скота; 3) противопожарные меры; 4) сведения о происшествиях.

Б. По хозяйству: 1) раскладка ясака и повинностей, сбор и взнос их в Казначейство, сбор недоимок; 2) развитие хлебопашества; 3) содержание хлебных (экономических) магазинов; 4) попечение о продовольствии хлебом и солью; 5) составление ведомостей по различным вопросам.

В. По суду: 1) исполнение определения высших властей по делам гражданским и уголовным; 2) суд по незначительным нарушениям закона и взысканиям по особому положению.

Инородные управы объединяли родовые управления бурят и эвенков (*тунгусов – Р. Ж.*). Подавляющее большинство тунгусов и бурят Урульгинской степной думы относились к разряду кочевых и бродячих. Каждое стойбище или улус, в котором было не менее 15 семейств, образовывало своё родовое управление. Если в стойбище или улусе было менее 15 семейств, то оно причислялось к близлежащему родовому управлению.

Родовое управление состояло из старосты и одного или двух его помощников. Староста управления избирался. В некоторых родах это звание, согласно обычаям рода, было наследственным. Помощники старосты назначались всегда по выбору членов рода на определённое или неопределённое вре-

мя. Стойбищу присваивалось определённое название, или оно называлось именем первого старосты. Родовые управления все свои дела вели словесно [Свод законов..., кн. 7, с. 1–4].

В ведение Урульгинской степной думы входило семь родовых управ.

Губернатор обязан был лично или через доверенного чиновника, по его выбору, один раз в два года посещать стойбища бурят и эвенков (*тунгусов – Р. Ж.*) Урульгинской степной думы, подробно входить в их дела, обращать внимание на их жалобы и нужды.

В 1901 г. округа были заменены уездами [ГАЧО, ф. 23, оп. 2, д. 656, л. 118]. Урульгинская степная дума вошла в состав Читинского уезда. 23 апреля 1901 г. Государственным советом было утверждено временное положение об устройстве общественного управления и суда малых народностей Забайкальской области, согласно которому это население разделялось на волости и сельские общества. Каждая волость состояла из нескольких сельских общин [ГАЧО, ф. 29, оп. 1, д. 38, л. 5].

Согласно журналу № 192 Забайкальской области по крестьянским делам присутствия от 30 сентября 1902 г., реорганизация общественного управления и суда у бурят и эвенков (*тунгусов – Р. Ж.*) Читинского уезда Урульгинской степной думы должна была произойти следующим образом. Территориально ведомство Урульгинской степной думы образовывало волости с сельскими обществами:

1. Урульгинская инородная управа – Урульгинскую волость с волостным правлением в селе Князе-Урульга. В волостное правление вошли сельские общества: Урульгинское, Верхне-Талачинское, Байцетуевское, Береинское, Бургенское.

2. Оловская инородная управа – Зюльзенскую волость с волостным правлением в селе Зюльзинское. Волость включала сельские общества: Зюльзинское, Илимское, Кокуйское, Цагакшинское, Наринзорское.

3. Маньковская инородная управа – Маньковскую волость с правлением в селе Маньковское. Сельские общества: Маньковское, Кутугуйское, Акурайское, Олдондинское, Нижне-Гирюнинское, Барунь-Кондуевское.

4. Шундуинская инородная управа – Шундуинскую волость. Волостное правление в селе Шундуинское объединяло сельские общества: Шундуинское, Шивиинское, Усть-Караксарское, Хара-Быркинское, Больше-Соктуевское, Быркинское, Эдартуйское.

5. Улдургинская инородная управа – Улдургинское отдельное сельское общество.

6. Кужертаевская инородная управа – Кужертаевскую волость. Волостное управление в селении Кужертаевское объединяло сельские общества Тулутаевское, Кужертаевское.

7. Онгоцонская инородная управа – Онгоцонскую волость с волостным правлением в селении Бырцинское, объединяя сельские общества: Тарбальджейское, Бырцинское [ГАЧО, ф. 29, оп. 1, д. 38, л. 32–33].

По приказу № 1 военного губернатора Забайкальской области от 5 января 1903 г., с 1 января 1903 г. у тунгусов Урульгинской, Шундуинской и Оловской инородных управ Урульгинской степной думы входит в силу временное положение.

С 1 января 1903 г. были упразднены Урульгинская, Маньковская, Шундуинская, Оловская инородные управы.

По приказу № 2 Управляющего Забайкальской областью от 29 января 1903 г., по 1 февраля 1903 г. была упразднена Кужертаевская инородная управа.

Улдургинская инородная управа упразднилась в декабре 1903 г. Согласно приказу № 84 военного губернатора Забайкальской области от 11 декабря 1903 г., к 31 декабря 1903 г. были ликвидированы все существующие степные думы, в том числе Урульгинская [ГАЧО, ф. 29, оп. 1, д. 38, л. 66, 130, 148]. Заведывание инородными волостями было возложено на крестьянских начальников [ГАЧО, ф. 20, оп. 1, д. 5553, л. 7].

Таковой была система структурного управления тунгуса князя Гантимура вплоть до 1900-х гг., когда степные думы стали расформировываться за их ненадобностью. Как пишет А. Литвинцев, в марте 1898 г. в Урульге состоялся очередной суглан (народное собрание) нерчинских тунгусов, на котором был избран главным родоначальником и головой Степной думы И. Гантимуров. До этой поры место головы оста-

валось незамещённым, т. к. прежний родоначальник (Павел?) умер, старший брат Николай оставил урульгинское ведомство по причине своей непопулярности среди своих сородичей. Избранного на суглане нового князя Гантимурова генерал-губернатор несколько месяцев не утверждал, что служит доказательством предстоящего упразднения и этой должности, и самой думы. В 1900 г. Урульгинскую степную думу распустили, введя вместо неё волостное управление [Литвинцев, 2013].

Очевидно, что уже к 1900 г. намечалось упразднение степных дум и всего правления, чем и была обусловлена волокита по утверждению нового головы.

Такова история Урульгинской степной думы, просуществовавшей с 1824–1825 гг. по 1903 г. на территории, именуемой в прошлом Даурией, в настоящее время – Восточным Забайкальем и Забайкальским краем.

Важно определить, какого рода население называлось тунгусами Гантимура. В этих целях следует проанализировать исторические документы, касающиеся тунгусского и инородческого населения Сибири.

Во-первых, в этом аспекте особый интерес представляет изложение основных положений «Свода законов Российской империи», т. к. этот исторический документ способен пояснить принцип деления народов для объединения их в степные думы в административных целях. Известно, что тип хозяйствования (например, кочевой или осёдлый) предопределяет и их этническую, соответственно и языковую принадлежность.

В «Своде законов Российской империи» имеющееся Положение об инородцах, подразделяет «все обитающие в Сибири инородческие племена по образу жизни, а именно, по качеству их промысла, составляющего главный предмет их пропитания на три разряда: на осёдлых, кочевых и бродячих. К первому разряду принадлежат те инородцы, которые имеют постоянную осёдлость, хлебопашество и живут деревнями или в городах, занимаясь торговлею и промыслом городских обывателей. Ко второму разряду принадлежат те, которые имеют осёдлость хотя постоянную, но по временам года пе-

ременяемую, и не живут деревнями. К третьему разряду принадлежат те инородцы, которые, не имея никакой осёдлости, переходят с одного места на другое, по лесам и рекам, или урочищам, для звероловного и рыболовного их промысла отдельными родами или семействами» [Свод законов..., кн. 1, с. 1251]. По характеру управления оседлые инородцы приравнивались в своих правах и обязанностях к волостям «... из Рос-сиян состоящих» [Там же, с. 1255].

В отношении кочующих инородцев в главе II Указом было установлено, что «каждое стойбище или улус, в котором считается не менее 15 семейств, имеет собственное родовое управление... Родовое управление состоит из старосты и одного или двух помощников из почётных и лучших родовичей. Староста избирается или наследует сие звание по обычаям. Между своими родовичами он может носить именование князца, зайсана и прочее, но в сношениях с Правительством имеет название староста. ... Несколько стойбищ или улусов одного рода почитают Управу. Инородная управа состоит из головы, двух выборных... Головы получают звание наследственно или по выбору съ степными обычаями каждого племени» [ГАЧО, ф. 10, оп. 1, д. 17513, л. 1].

Очевидно, что тунгусское население исторической Даурии могло быть отнесено, прежде всего, к кочующим инородцам. Потому в Урульгинской степной думе было несколько управ, голова Управы и даже родоначальник – князь Гантимур.

В главе III Указа говорится о составе управления бродячими инородцами, или *ловцами*. «Родовое управление ловцов состоит из одного старосты. Но поелику законы сии и обычаи в каждом племени имеют некоторое и часто важное от других отличие, при том же. Сохраняясь поныне чрез одни изустные предания, могут быть и сбивчивы и неопределёны. То по сим причинам предоставляется местному начальству от почётнейших людей собрать полный и подробный о сих законах сведения, рассмотреть оныя по Губерниям в особых временных комитетах, смягчить все дикое и жестокое, отменить все несообразное с другими установлениями, и расположить в надлежащем порядке и представить местному Главному Управле-

нию на утверждение... Недостаток в степных законах при решении дел дополняется Российскими узаконениями» [ГАЧО, ф. 1о, оп. 1, д. 17513, л. 2].

Так называемые «бродячие» инородцы или «ловцы» соотносились, по-видимому, с теми родовыми объединениями, которые занимались охотой и «бродили» в поисках лучших пастбищ со своими оленями. Известно, что оленеводство требует постоянного перемещения по лесным угодьям эвенков и эвенов в целях не только лучших пастбищ, богатых ягелем, но тем, что оленей нельзя содержать на одной и той же территории подолгу, дольше 5–6 суток, из-за риска развития у них болезни копыт [Василевич, 1969; Туров, 1990].

Глава IX Указа посвящена «инородцам, несовершенно зависящим от Правительства». Эти инородцы «управлялись и судились по своим обычаям и обрядам. Суду Российскому подлежали только в случае убийства или насилия на Российской земле учинённые. Пользуются покровительством и защитой Российского Правительства во всех внутренних их делах, единственно тогда, когда с просьбами их о том прибегать будут. Имеют право свободной и беспошлинной торговли с соседственными им Россиянами и инородцами. Имеют право с позволения местного начальства переселяться и перекочёвывать на земли, собственно Российскому Государству принадлежащие.... Все сношения с Правительством должны сии инородцы производить через своих старшин или почётных людей» [Свод законов..., кн. 1].

По-видимому, эта глава Указа напрямую касалась вопросов урегулирования отношений российской власти с инородцами-бурятами, не исключая, впрочем, и тунгусов Гантимура. Дальнейшее изложение архивных документов описывает непростые отношения тунгусского населения с новой властью.

Надо отметить всю сложность составления подобного рода законов, регулирующих, прежде всего, отношения власти и всего пёстрого состава инородческих «племён и народов», обитавших в пределах огромных просторов Сибири и Дальнего Востока. Для населения исторической Даурии, нерасчле-

нённого в этническом отношении, состоящего из разных родовых и племенных сообществ и имеющего почти одинаковый тип хозяйствования, данный Указ имел особую значимость. Этот Указ фактически разделил всё инородческое и тунгусское население на хоринских бурят и тунгусов Гантимура, последние из которых практически исчезли к середине XIX в.

Возвращаясь к описанию тех причин, которые были положены в основу условного деления населения при их объединении в степные думы, отметим, что основное этническое начало Урульгинской и Хоринской степных дум составляло так называемое тунгусское население, представленное как «ловцами» (согласно «Своду...» – охотниками), кочующими инородцами, так и населением «несовершенно зависящих от Правительства».

Именно это население, которое именовалось как «несовершенно зависящее от Правительства», согласно документу от 1816 г., представляло собой проблему для власти. Эта часть тунгусов, именуемая в Указе как население «несовершенно зависящее от Правительства», могла в любой момент покинуть пределы государства и перейти в соседнюю Монголию и Китай. Подобные исторические прецеденты наблюдались среди, например, хоринских бурят (и не только), вплоть до 1922 г., когда целые улусы уходили со скотом и скарбом в соседнюю Монголию [ГАЧО, ф. 13, оп. 2, д. 54].

Тунгусское население также подвергалось насилию и притеснению со стороны прибывающих служилых людей русского государя. Тунгусы Гантимура несколько раз уходили со своих «породных» мест в пределы соседней Маньчжурии и Монголии. В 1667–1673 гг. нерчинский воевода Д. Д. Аршинский способствовал возвращению князя Гантимура и его подданных из Маньчжурии в Забайкалье. В 1667 г. Гантимур принял русское подданство и стал исполнять обязанности головы созданной в 1824–1825 гг. Степной думы. «Шатость» и «измены» тунгусов заставили русских искать мирные пути взаимодействия посредством зачисления на государственную службу и получения жалования, производства в высшие служилые чины, княжеский сан, послабления в отношении сбора

ясака, положенного с инородцев, крещение представителей родоплеменной знати – князя Гантимура и его потомков [Энциклопедия Забайкалья..., с. 151].

Любопытно отметить и такую немаловажную деталь как титул «князь», которым наградили только Гантимура, но не бурятских тайшей и родоначальников. Очевидно, что близость бурят-инородцев к соседним монголам и маньчжурам, их «шатость» не давала уверенности в их лояльности к российской государственности. Тунгусы Гантимура, даже несмотря на их относительную близость к монголам и маньчжурам, по всей видимости, отличались от них. Поэтому в политических целях русским было очень выгодно заполучить в качестве будущего союзника именно Гантимура, даже несмотря и на его «измены» и случавшиеся перебежки в Маньчжурию.

Видимо поэтому по отношению к такому населению, как «несовершенно зависящее от Правительства», колонизаторы старались не применять такие меры, как строгое взыскание ясака и повинностей, пытаясь таким образом «склонить» на свою сторону. И Гантимуру, единственному из тунгусских родоначальников, было присвоено высокое звание, как русским, наследного князя. Данный факт «оценки» личности бывшего даурского тайши Гантимура определял возможность предоставления более выгодных для тунгусов условий, особенно, в сравнении с другими степными думами.

Разъяснение этому, по-видимому, следует искать в таких документах, как например, «Дополнительные сведения для составления военно-статистического описания Нерчинского округа Иркутской губернии» (1850–1852 гг.) [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 48].

«Все вообще Урульгинское ведомство состоит из тунгусов, из коих значительная часть постепенно приняла православие и проживают в селениях. Занимаясь свойственным крестьянам занятием (сохраняя между тем и прежние свойства зверопромышленности) идолопоклонники проводят жизнь кочевую. Занимаясь исключительно скотоводством и зверопромышленностию и во всякое время года кочуют по разным отведенным им местам с юртами и стадами прииски-

вая для скотоводства удобные пастбища... происхождения манджурского, но письмо имеют монгольское. Они в образе жизни просты, гостеприимны, друг к другу сострадательны, к Начальнику имеют без преданную покорность. В порок им ставят суеверие... они вверяются, безусловно, шаманству» [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 48, л. 114].

В этом описании тунгусского населения Урульгинского ведомства можно усмотреть некоторые моменты, свидетельствующие о ряде схожих черт с даурами, маньчжурами, монголами и бурятами. Во-первых, наличие кочевого, скотоводческого типа хозяйства; во-вторых, наличие одинаковой с монголами, бурятами «шаманской» веры; в-третьих, культурная общность с маньчжурами и монголами – владение «монгольским письмом». Это те скрепы, которыми были связаны между собой разные в этноязыковом отношении части населения исторической Даурии в до-русский период.

Однако при этом оговаривается, что эта часть населения занимается и звероловством, что сближает их с другими сибирскими народами. Нет сведений о занятии оленеводством, что воспринимается как досадное упущение, если под тунгусами Нерчинска подразумевать только эвенков. Поэтому очевидно, что к 1852 г. большая часть всего тунгусского населения Урульги, оставаясь охотниками и скотоводами, не занималась оленеводством как традиционным видом эвенкийского быта, но к тому же, будучи приведёнными в православие, стали жить почти осёдло, т. е. в селениях. Возможен вывод, что они, по всей видимости, и раньше не занимались разведением оленей, если так скоро смогли отойти от этого типа хозяйствования.

Однако ещё ранее, до обращения их в православие и учреждения Степной думы, когда тунгусы должны были продолжать беспрекословно подчиняться своему родоначальнику Гантимуру, по-новому – князю Гантимуру, они являли собой совершенно иную по своему этническому, а значит, языковому составу и происхождению часть тунгусского населения Даурии.

В приведённом ранее описании тунгусского населения Урульгинского ведомства прямо указывается на то, что в сре-

де тунгусов присутствуют и маньчжурско-монгольские этнические компоненты. Очевидно, что именно эта часть тунгусов и была именована в Указе как та часть инородцев, которая «несовершенно зависит от Правительства», т. е. которые могли в любой момент покинуть пределы государства и перейти на соседние территории – Маньчжурию или Монголию. К таковым, по-видимому, возможно отнести «конных тунгусов» в силу их мобильности.

Известно, что исследователями Б. О. Долгих, Г. М. Василевич, В. А. Туголуковым и другими в среде нерчинских тунгусов выделялась отдельная часть, так называемые «конные тунгусы» [Василевич, 1969; Долгих, 1960; Туголуков, 1975].

Эта часть народонаселения Нерчинска – тунгусы с кочевым образом жизни, славившиеся коневодством – была отлична от другой, довольно немногочисленной части – оленных тунгусов или ороchon. Предположительно именно последние, будучи по своему этногенезу и языку народностями тунгусо-маньчжурской языковой семьи, т. е. эвенами и эвенками, и определили этноязыковой «облик» «нерчинских тунгусов» в отечественной историографии. Поэтому естественно возникает вопрос об этнической и языковой принадлежности конных тунгусов. Заметим, что под конными тунгусами нельзя понимать хори-бурят, которые также занимались коневодством [Цыдендамбаев, 1972].

Исследованное предварительное состояние родоплеменных названий хоринских бурят и части тунгусских родовых названий исторической Даурии (Нерчинского уезда) даёт основание предполагать наличие тюркоязычных и иных (и не только эвенкийского) компонентов в составе и тунгусов, и бурят [Жамсаранова, 2006, с. 207–211; Жамсаранова, 2006, с. 27–31].

Таким образом, исходя из градации населения Даурии и согласно «Положению об инородцах», основное этническое начало составляло тунгусское население, которое возможно определить как «ловцов» и «кочующих инородцев». Имелась, по всей видимости, и такая часть населения, которая «несо-

вершенно зависела от Правительства», что позволяет подтвердить, во-первых, абсолютное неразличение населения по этнической, ни, по тем более, языковой принадлежности.

Во-вторых, «Положение...» преследовало иные цели, нежели историко-этнографические. Государственной власти было необходимо отрегулировать управление инородцами и тунгусами так, чтобы сложились максимально мирные отношения, позволяющие власти безболезненно собирать ясак в государственную казну, обходя при этом все возникающие острые политические и территориальные барьеры.

Согласно архивным документам количество «ясашных тунгусов» по ревизии 1823 г. составляло 5586, из них поборных (т. е. плательщиков ясака) было 4584 души. От платежей были «освобождены 1002 души, в числе которых состоит умерших 481 душа, престарелых и дряхлых 285, бедных и неимущих 236 душ» [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 4, л. 107]. Интересно, что количество бродячих оленных ороchon – 30 душ считается отдельно и входит только в общее число (5616 душ). Из числа поборных эти 30 человек бродячих ороchon исключены.

Сбор ясака с инородческого населения Даурии было делом непростым, впрочем, как и везде и всегда. Для этих целей власти должны были создать особый механизм, способный решить эту задачу. Для этого при степных думах были созданы земские суды. В «Списке из окладной книги Нерчинского земского суда» от 1828 г. изложено решение суда о том, что «с тунгусов обясаченных с 5615 душ положено взыскать по 44 копейки сбора». С тунгусов неясачных заключить с бродячих оленных тунгусов 30 душ 5585 душ земской повинности по 3 рубля 52,5 копеек с души.

Сравнение этих цифр позволяет сделать выводы по поводу сумм ясака, явно обременительных и тяжких для оленных ороchonов, которые были обязаны уплатить в восемь (!) раз больше, чем всё остальное тунгусское население. Это явно не способствовало увеличению ороchon, а, возможно, наоборот, явилось причиной уменьшения их численности.

В качестве иллюстрации этого положения приведём названия ряда документов ГАЧО о розыске бродячих тунгусов,

переходящих с одного ведомства в другое. Это – дела «О розыскании бродячих тунгусов Баунтовского ведомства, удалившихся в Нерчинский округ 53 душ» от 1848 г.; «Приказ о даче данных о бродячих тунгусах, удалившихся в Нерчинский округ»; «Список 20 душ, отошедших из Баунтовского Кондигирского рода тунгусах»; «Список отошедших из Баунтовского Чилчагирского рода тунгусов в Округъ, всего 33 души, обложенных ясаком, отошедших в 1844 г.» и т. д.

Эти перемещения «неблагодарящего» населения не могли остаться незамеченными властью, обеспокоенной, прежде всего, сбором ясака. Этим состоянием дел и обосновано появление Указа императора от 1828 г., который предписывал местным властям «...дабы восстановить совершенное спокойствие инородцевъ, нарушающееся от зловредныхъ действий однихъ неблагомыслящихъ изъ среды ихъ, предлагаетъ Губернскому Правлению предписатьъ всемъ Земскимъ судамъ и инороднымъ управлениямъ пяти уездовъ Иркутской Губернии, чтобъ отнюдь никто изъ инородцевъ не осмеливался искать безъ законныхъ причинъ переводовъ изъ одного рода или ведомства въ другое, и что въ противномъ случае, если кто изъ нихъ будетъ просить о сѣмь, и просьбы ихъ по точномъ удостоверении окажутся несправедливыми, виновные въ сѣмь, или нарушители общественнаго спокойствія будутъ подвергнуты строгому законному взысканию...» [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 4, л. 132].

Таковы вкратце основные обязанности Степной думы, определяемые через призму архивных документов, скупко описывающих все грани взаимоотношений новой имперской власти и подвластных этой власти тунгусов Гантимура.

1.2. Историко-документальный очерк о народонаселении Урульгинской степной думы

В известном труде Г. М. Василевич приводятся данные об общем количестве всего тунгусского населения – эвенков и эвенов. «Для XVIII в. Ф. Страленберг определял численность в 70–80 тыс.; М.Кастрен в 40-х годах XX века – 53 тыс.,

Гагемейстер в 50-х годах 35–40 тыс., Риттих в 70-х годах 68 тыс. Численность эвенков и эвенов по переписи 1897 г. – 62 068 человек (с поправкой – 54 500)... Бродячих (охотников) было 28 472 человека, кочевых (конных и скотоводов) – 29 737, осёдлых – 495, казаков (на границе) – 3045, дворян (Гантимуровых) – 319 человек» [Василевич, 1969, с. 7]. При этом отмечается, что все эти цифры приблизительные.

Последние данные о численности эвенков как почти самых древних насельников Сибири дают следующие цифры. Считается, что самые древние обитатели Сибири – это эвены, по-другому – увани. Всего в XX в. насчитывают 28 000 эвенков на территории Российской Федерации. Различают группы ороchon (оленных эвенков), конных эвенков (хамныганы). В 1651 г. тунгусы перешли в российское подданство. Число этнических эвенков неуклонно уменьшалось, от 10 829 тыс. в 1930–1938 гг. до 1200 человек в 1989 г. [Янков, 1999].

Г. М. Василевич отмечает за тунгусами или эвенками большое число названий и самоназваний. Уже этот факт свидетельствует о том, что соционим *тунгус* объединял разные этноязыковые сообщества, обитавшие на просторах Сибири. «В Забайкалье – хамныганы, солоны и онгкорь», у маньчжуров – ороchonы и т. д. Многие исследователи народов Сибири отмечали этническую неоднородность тунгусов, распределяя их по разным признакам. И. Георги, например, выделял по «транспортному» признаку конных, собачьих и оленных тунгусов [Георги, 2007]. Поэтому однозначно понимать под тунгусами эвенков или эвенов малообоснованно и преждевременно. Тем более, что в среде тунгусов Гантимура должны были быть как тунгусо-маньчжурские, так и монголоязычные элементы, особенно учитывая то, что тунгусы Гантимура – это почти бывшие дауры.

Непонятно, в угоду чьим интересам было выгодно бывшее даурское население именовать тунгусами-эвенками. Не исключено, что одной из причин явилось то, что с тунгусов брали больший размер ясака, чем с тех же хоринских бурят. Хотя в историографии часто приводятся факты «измен» Гантимура новой имперской власти, тем не менее, настойчиво ре-

комендовалось проводить по отношению к первым лояльное отношение, «ласкою» удержать их «шатания». По всей видимости, власти было выгоднее стабилизировать взаимоотношения с тунгусами Гантимура, чем к примеру, с теми же инородцами-бурятами, которые часто переходили то в Монголию, то возвращались назад на свои исконные места обитания.

Не исключено, что ещё одним фактором была численность тунгусов Гантимура. Очевидно, что их было больше по численности, по сравнению с теми же инородцами-бурятами.

В этих целях исследованы фонды Государственного архива Забайкальского края 10, 19, 31, 55, 300 и другие, содержащие документы о тунгусах. Также исследованы фонды Государственного архива Агинского Бурятского автономного округа (ГААБАО) 5–8 и Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ) 7 и 10.

В целом, свод архивных документов указанных фондов можно условно подразделить на несколько основных видов делопроизводительной документации: 1) документы распорядительного характера – указы, приказы, распоряжения, наставления, инструкции, предписания. Эти документы отражают определённый круг обязанностей Урульгинской степной думы и должностных лиц – это предписания о сборе податей и повинностей, предоставлении отчётности о разного рода мероприятиях (оспопрививаниях, проведении и обеспечении ревизских описей населения), утверждении должностных лиц и другое; 2) документы отчётно-исполнительного характера – отчёты и рапорты шуленг и зайсанов по всем инородным управам Степной думы. Эти отчётные документы инородных управ составлялись от имени каждого шуленги или зайсана каждого из тунгусских родов, подписывались ими и скреплялись их личной печатью. Данные отчёты и рапорты содержат сведения: о количестве населения (или ясачных душ), их вероисповедании; количестве экономических магазинов, мельниц, поголовья скота, их разновидностях; количестве юрт с указанием материала, из которого эти строения были выполнены (например, войлочные или деревянные); о хозяйственно-бытовой деятельности тунгусского населения; о результатах мис-

сионерской деятельности православных священников среди тунгусов и инородцев Урульгинской степной думы; о числе буддийских лам, хуvaraков и кумирен; о количестве тунгусов, придерживавшихся «шаманской веры»; 3) ревизские описи туземного населения Урульгинской степной думы или так называемые «ревизские сказки».

Наиболее информативными для темы исследования являются дела, содержащие сведения о подушном числе тунгусского населения по каждому родовому объединению, составленные переписчиками согласно указаниям по проведению и обеспечению очередной переписи населения. Известно, что в Российской империи было проведено 10 ревизий: 1719, 1743 (или 1744–1745), 1762 (или 1763), 1782, 1796 (или 1795), 1811, 1816 (или 1815), 1833. (или 1831), 1851 (или 1850) и 1858 г. Одним из самых ранних документов по переписи туземного населения исторической Даурии является документ «Дело о переписи по Государству мужеска и женска полу людей», которое датировано 1816 г. В этом документе, согласно данным о родах тунгусов, записано всего 41 родовое сообщество с учетом трёх так называемых «орочонских» родов [ГАЧО, ф. 1о, оп. 1/5, д. 17513, л. 452, 452 об.] – Бултегерского, Эгдерельского и Чилчагирского.

Численно-родовой состав тунгусов Гантимура установить сложно по ряду причин. К примеру, в «Энциклопедии Забайкалья: Читинская область» даются следующие сведения: «В 1823 г. в ведомстве Урульгинской степной думы находилось 10 879 эвенков (*тунгусов – Р. Ж.*); в 1831 г. в составе Урульгинской степной думы находилось шесть инородческих управ (Урульгинская, Оловская, Маньковская, Шундунская (*Шундуинская – Р. Ж.*), Кумертаевская (*Кужертаевская – Р. Ж.*), Оногоцонская), которым подчинялись 37 родов с численностью 8084 эвенка (*тунгуса – Р. Ж.*) [Энциклопедия Забайкалья..., с. 205].

Сведения о более раннем периоде дают более скудные цифры. Так, в описании Иркутского наместничества 1792 г.: «Нерчинский уезд. Тунгусов со старшинами в разных родах: в улятском 240, в почегорском 240, в увакасылском 37, в кар-

тегирском 127, в луникирском 247, в чемчагирском 104, в куз-
 нелюйском 14, в богикагирском 91, в намяцком 141, в намясин-
 ском 44, в долоцком 18, в чякагирском 152, в сортоцком 375,
 в гуновском соединённом с онзенским 442, итого 2272 души...
 Доронинский уезд. Тунгусов разные роды: в пачегорском
 59, в луникирском 53, в шунинском 44, с ним в Боягирском
 6, в Кизенском 54, в монгольском 23, в сортоцком 8, итого
 249 душ мужеска пола, а женска 203 души. Стретенский уезд.
 Ясашные тунгусы, хотя кочуют, но платежём состоят в дру-
 гих уездах Нерчинской области» [Константинов, 72, с. 105].

Более подробные сведения можно почерпнуть из доку-
 ментов ГАЧО. Так, по данным табл. 1, взятым их архивного
 документа «О собранном ясаке с Урульгинского цуглана...
 за 1790 годъ с родовъ» [ГАЧО, ф. 31, оп. 4, д. 47, л. 31–43],
 можно увидеть, каковы были суммы ясачного сбора с тунгус-
 ского населения по родам⁴.

Таблица 1

<i>№ п/п</i>	<i>Название рода</i>	<i>Сумма ясака в рублях</i>
	<i>Тунгусы родов</i>	<i>Повинность</i>
<i>За 1790 годъ</i>		
1	улятского	110 рублей
2	почегорского	51 рубль
3	вакасильского	21 рубль
4	келтегирского	27 рублей
5	1 луникирского	88 рублей
6	чимчагирского	33 рубля
7	1 баягирского	56 рублей 76 копеек
9	намятского	30 рублей
10	долоцкого	10 рублей
11	челкагирского	125 рублей 50,5 копеек
12	сартоцкого	188 рублей
13	гуновского	185 рублей
14	тукчинского	126 рублей
15	узонского	462 рубля

⁴ В таблицах сохранены стиль и орфография источников.

<i>За 1789 годъ</i>		
1	1 луникирского	12 рублей
2	1 сартоцкого	6 рублей
3	гуновскаго	4 рубля 70 копеекъ
	итого	1548 рублей 51,5 копеекъ
<i>Дороненскаго округа теленбинских родовъ за 1790 годъ</i>		
1	шуняйнскаго	15 рублей
2	почегорскаго	23 рубля
3	луникирскаго	24 рубля
4	мунгальскаго	29 рублей
5	казайскаго	15 рублей
6	сартоцкого	3 рубля
<i>Баргузинскаго округа яравнинских родовъ за 1790 год</i>		
1	почегорскаго	30 рублей
2	баликагирскаго	51 рубль
3	тавангутскаго	48 рублей
	итого	129 рублей
<i>Баргузинскаго округа курлыченскаго цуглана</i>		
1	желтоцкаго роду за 1787 годъ	24 рубля
2	желтоцкаго роду за 1785 годъ	24 рубля
3	желтоцкаго роду за 1790 годъ	15 рублей
	итого	87 рублей
	А всего со всех родов	1873 рубля 51,5 копеекъ в том числе медною монетою тышеча 38 рублей 51,5 коп.
	Секлетарь Сава Асламовъ	

Документ более раннего года (1785 г.) имеет в своём содержании перечисление тунгусских родов с указанием числа душ ясачных и количество уплаченного ясака [ГАЧО, ф. 300, оп. 1, д. 4], текст и данные которого приведены в табл. 2.

Таблица 2

<i>№ п/п</i>	<i>Название рода</i>	<i>Сумма ясака в рублях</i>	
<i>За 1785 годъ</i>			
<i>Нерчинской округи урулгинского шунгуд(?)</i>			
	<i>Тунгусы</i>	<i>Число душ по прежней переписи</i>	<i>Рубли и копейки</i>
1	Улятского роду	140	192 рубля
2	Почегорского роду	278	408 рублей
3	Уванаимского роду	42	84 рубля
4	Келтегирского роду	138	144 рубля
5	1-го никигирского роду	304	426 рублей
6	Чемчагирского роду	97	153 рубля
7	Кушелюцкого роду	14	24 рубля
8	1-го баягирского роду	87	141 рубль
9	Намяцкого роду	184	324 рубля
10	Намясинского роду	103	153 рубля
11	Долоцкого роду	16	21 рубль
12	Чемагирского роду	139	183 рубля
13	1-го Сортоульского роду	240	312 рублей
14	Гуноевского и Тукчинского	258	349 рублей
15	Узонский	358	549 рублей

Подсчёт душ, по-видимому, только ясачных мужского пола тунгусского населения данных 1785 г. сводится к 2398 душам. Любопытно отметить наличие «Уванаимского» рода, который, полагаем, и является родом этнических эвенов, т. к. название может быть испорченным именованим апеллятивного «эвен/эвенки». Встречаются такие именованья, как «овоньки» эвенков в этнографических сведениях, как искажённые русским языком при устном восприятии самоназвания эвенов/эвенков.

В этом документе перечислены и такие роды тунгусов, как Келтегирского рода бывшего Урулгинского суглана и 10 родов Курлыченского суглана: Дуликагирского нерчинского, 1-го Баягирского аргунского, Чепченботского, 2-го Дулигарского Ар-

гунского, Дулигарского, 2-го Балягирского Нерчинского, Намясинского, Конурского и Долотского [ГАЧО, ф. 300, оп. 1, д. 4, л. 162]. Всего родов по этому документу 25.

Для установления наличия того или иного рода нерчинских тунгусов нам следует систематизировать и представить документальные факты архивов ГАЧО. Разновидностью таких документов являются ведомости, книги, списки с записями, содержащими сведения о вероисповедании, о количестве людей, платящих ясак.

Одним из ранних документов от 1793 г. за подписью Николая Гантимурова, действительного статского советника и кавалера, в «Книге записи смотрителей экономических магазинов о расходовании хлеба» представлены списки родов, которых уже 38 (см. табл. 3).

Таблица 3

№ п/п	Урулгинского суглану	Платящих ясак	Не платящих ясак	Итого	Из числа оных крещёных
1	Уляцком	54	144	198	138
2	Почегорском	54	87	141	51
3	Вакасильском	24	34	58	4
4	Кельтегирском	25	63	88	61
5	Луникирском	89	153	242	14
6	Чимчагирском	34	48	82	33
7	Кунцелицком	6	3	9	4
8	1 Баликагирском	21	48	69	13
9	Намятском	28	82	110	8
10	Намясинском	12	25	37	14
11	Долоцком	9	9	18	3
12	Челкагирском	46	92	138	10
13	Первосартоцком	165	227	392	72
14	Гуновском	92	99	191	22
15	Тупчинском	82	86	168	7
16	Мунгальском	13	17	30	14
17	Узонском	177	252	429	68
18	Желтоцком	8	9	17	-
	Яравинскихъ				
19	3 Почегорском	14	32	46	2

Окончание табл. 3

№ п/п	Урулгинского суглану	Платящих ясак	Не платящих ясак	Итого	Из числа оных крещёных
20	3 Шунинском	1	5	6	-
21	Второбаягирском	18	25	43	2
22	Тавангутском	15	28	73	-
	Теленбинскихъ				
23	Второпочегорском	18	17	35	-
24	Луникирском	18	23	41	2
25	Шунинском	9	13	22	2
26	Казейском	6	5	11	-
27	Мунгальском	18	20	38	-
28	Второ Сартоцком	2	-	2	-
	Курлыченского суглану				
29	1 Дулигарском	126	264	390	199
30	1 Баягирском	26	84	110	17
31	Чипчинютском	30	96	126	42
32	3 Дулигарском	57	143	200	39
33	Дуларском	25	45	70	30
34	Второбаягирском	102	209	311	136
35	Намятском	54	146	200	85
36	Конурском	28	66	94	5
37	Долотском	18	31	49	-
38	Дулигарский	не платит ясак по грамотству	63	63	63

Здесь же приписано, что «под названием Сухановой слободы новокрещённых тунгусов – 354 души, из которых 51 не платят ясак. В Нероновском селении – 110 душ. Из их числа платящих ясак и сколько приняло последнее крещение по причине недавно над ними <свершившегося> моему начальство сведения ещё не имею» [ГАЧО, ф. 31, оп. 4, д. 48].

В другом документе с более ранней датировкой, от 1791 г., в «Ведомости о сборе ясака и недоимок, прошения тунгусов по различным вопросам тунгусскому Начальнику князю Ган-

тимурову» [ГАЧО, ф. 29, оп. 1, д. 6] приведены цифры платежей ясака в денежном эквиваленте и, главное, названия родов (см. табл. 4).

Таблица 4

<i>О собранном ясаке с Урульгинского суглана за 1790 г. с родовъ</i>		<i>Рублей и копеек</i>	<i>За 1789 г.</i>	<i>Рублей и копеек</i>	<i>За 1785 г., 1787 г.</i>	<i>Рублей и копеек</i>
1	Улятский	110 р.	1 Луникирский	12 руб.	Баргузинского округа курлыченского суглана	
2	Почегорский	51 руб.	1 Сартоцкий	6 руб.		
3	Вакасильский	21 руб.	Гуновский	4 руб. 70 коп.		
4	Келтегирский	27 руб.				
5	1 Луникирский	88 руб.	Теленбинских родов за 1790г.		Желтоцкий	24 руб.
6	Чимчагирский	33 руб.			Дулигарский	15 руб.
7	1 Баягирский	56 руб. 76 коп.	Шунинский	15 руб.		
8	Намятский	30 руб.	Почегорский	23 руб.		
9	Долоцкий	10 руб.	Луникирский	24 руб.		
10	Челкагирский	125 руб. 50,5 коп.	Мунгальский	29 руб.		
			Казейский	15 руб.		
11	Сартоцкий	18 руб.	Сартоцкий	3 руб.		
12	Гуновский	185 р.	Дулигарский	15 руб.		
13	Тукчинский	126 руб.				
14	Узонский	426 руб.				
	Баргузинского округа яравнинских родов					

Окончание табл. 4

<i>О собранном ясаке с Урульгинского сулана за 1790 г. с родовъ</i>		<i>Рублей и копеек</i>	<i>За 1789 г.</i>	<i>Рублей и копеек</i>	<i>За 1785 г., 1787 г.</i>	<i>Рублей и копеек</i>
15	Почегор- ский	30 руб.				
16	Баликагир- ский	51 руб.				
17	Тавангут- ский	4 руб.				
Всего со всех родов собрано 1873 руб. 51,5 коп. в том числе медною моне- тою 1038 руб. 51,5 коп.						

В документе, датированном 1791 г. записано более 20 родов тунгусов. В другом документе от 1823 г. в «Ведомости, учинённой при Урульгинском тунгусском зургане о числе людей обоего пола» дан более полный список родов из 37 единиц (см. табл. 5).

Таблица 5

	<i>Звание родов</i>	<i>Мужского пола</i>	<i>Женского пола</i>	<i>Итого</i>
1	Улятский род селений Шундуинского и Шивиинского	291	262	553
2	Почегорский	238	192	430
3	Вакасийский	69	50	119
4	Кельтегирский	117	89	206
5	Челкагирский	187	175	362
6	Желтоцкий	27	26	55
7	Сартоцкий	468	495	963
8	Гуновский	231	196	427
9	Мунгальский	54	42	96
10	Тукчинский	206	169	375
11	Луникирский	253	281	534
12	Чимчагирский	61	62	123
13	Концелютский	18	20	38
14	Нататском намясинском и долотском	259	191	444

15	Баликагирский	80	78	158
16	Узонский	559	561	1120
	Телембинских родов			
17	Почегорский			
18	Луникирский }			
19	Шунинский			
20	Казейский	121	118	239
21	Сартоцкий			
	Яравинских родов			
22	3-Почегорский			
23	3-Шунинский			
24	Баликагирский }			
25	Тавангутский	93	85	178
26	Гучитский	42	39	81
27	Первудулигарский	671	528	1202
28	Конурский	114	116	230
29	Первобаягирский	125	89	214
30	Чипчинутский	161	165	326
31	Второбаягирский	461	360	821
32	Втородулигарский	171	164	335
33	Намятский	258	204	462
34	Дуларский	94	79	173
35	Долотский	41	26	67
36	Князе-Дулигатский	92	87	179
37	Оленные тунгусы	25	25	50

При подсчёте оказалось, что мужского населения 5584 человека, женского – 4976. Всего населения 37 родов нерчинских тунгусов по данным 1823 г., согласно табл. 5 – 10 560 человек.

В попытках определения численно-родового состава тунгусов Гантимура обратимся к анализу другого документа, где находим перечисление родов тунгусов уже числом в 39 родов. Такое увеличение численности родовых объединений тунгусов обусловлено, в первую очередь, их кочевым образом жизни, позволяющим им передвигаться по территориям Восточной Сибири, что затрудняло их опись, особенно в разное время года.

Во-вторых, следует учесть естественное деление на подродовые объединения, когда появляются 1-й Дулигатский или 2-й Балягирский, что также служило поводом для разного рода путаницы при ревизии.

Понятно, что переписчикам ясака было «удобно» записать иногда под разными именованиями (например, Дулигарский как Булигарский), что вносило путаницу при подсчёте. Однако каждый род или подрод имели своего шуленгу или зайсана, имена которых с родовыми печатями стояли под списками, что означало их ответственность за дачу сведений при переписи для истинного положения дел по численности ясачных. По этой причине в ревизских сказках одним из первых в списке стоит имя или «прозвание» старшего рода, за которым переписаны все остальные родовичи. При этом учитывался возраст по предыдущей ревизии ясачного и записывался возраст на время этой ревизии, что систематизировало учёт численности рода.

Основной целью Степной думы являлись, естественно, сбор и отправка ясачных поборов с тунгусского и инородческого населения. Этой основной деятельности думы новой администрацией уделялось большое внимание. Архивные дела состоят из рапортов, в которых приведены отчёты о сборе ясачной повинности с тунгусов (см. табл. 6). Например: «Рапорт от июля 2 дня 1791 года от сына боярского Якова Шемелина. Рапортъ. Приказъ вашъ от 21 июня № 121 коим предписывать мне равно и сыну боярскому Ивану Пыхалову о приложении старания в зборе ясака ко протчемъ мною сего дня июня 30 числа получено, по которому в повеленной силе исполнение учинено быть имеет непременно а что потому окажется (*неразборчиво* – Р. Ж.) касательно баргузинскаго округа разных родовъ старшинами на курлыченскомъ цуглане сначала 1791 года заплачено ясака ведомства выше вышеописанных родовъ». Рапорт взят из документов, которые называются «Указы императора. Ведомости о сборе ясака и недоимок, прошения тунгусов по различным вопросам тунгусскому Начальнику князю Гантимурову» [ГАЧО, ф. 31, оп. 4, д. 47, л. 302].

Таблица 6

<i>№ п/п</i>	<i>Название рода</i>	<i>Сумма ясак в рублях</i>
<i>За 1790 годъ</i>		
1	перводулигарскихъ	242 рубля
2	первобаягирскихъ	109 рублей
3	второбаягирскихъ	188 рублей
4	втородулигарскихъ	126 рублей
5	намятскихъ	123 рубля
6	чипчинютскихъ	66 рублей
7	дуларскихъ	55 рублей
9	конурскихъ	51 рубль
10	долотцких	9 рублей
<i>За 1789 годъ</i>		
1	первобаягирскихъ	2,50 рублей
итого		971 рубль 50 копеекъ

Из текста данного архивного документа, представляющего собой отчёт в виде рапорта о суммах собранного старанием Якова Шемелина, можно сделать вывод о том, что было несколько родов с одним и тем же именованим. Естественный прирост тунгусского населения заставлял, по-видимому, сборщиков ясачной повинности делить родовые объединения на подроды и именовать последние как первобаягирский или втородулигарский.

К тому же следует учитывать и кочевой образ жизни некоторых родов тунгусов, что исключало само по себе точность учёта народонаселения. Периодически проводимые ревизии населения Российской империи имели одной из задач учёт ясачных душ. Сборщики сталкивались, по-видимому, и с такой проблемой, как часто случавшиеся переходы из одного рода в другой.

В архивных фондах имеются дела по «розыску» тунгусов, которые уходили из одного ведомства в другое в поисках лучшей доли. Тунгусы обычно из Баунтовского ведомства «удалялись» в Нерчинский округ. Этим тунгусов надлежало

разыскать и обложить податью. Прочие архивные документы также позволяют полагать о постоянных перемещениях тунгусского и инородческого населения.

Эти перемещения «неблагомыслящего» населения не могли остаться незамеченными властью, обеспокоенной, прежде всего, сбором ясака. Этим и обоснован Указ императора от 1828 г., в котором предлагалось местным властям «...дабы восстановить совершенное спокойствие инородцевъ, нарушающееся от зловредныхъ действий однихъ неблагомыслящихъ изъ среды ихъ, предлагаетъ Губернскому Правлению предписатьъ всемъ Земскимъ судамъ и инороднымъ управлениямъ пяти уездовъ Иркутской Губернии, чтобъ отнюдь никто изъ инородцевъ не осмеливался искать безъ законныхъ причинъ переводовъ изъ одного рода или ведомства въ другое, и что въ противномъ случае, если кто изъ нихъ будетъ просить о семъ, и просьбы ихъ по точномъ удостоверении окажутся несправедливыми, виновные въ семь, или нарушители общественного спокойствия будутъ подвергнуты строгому законному взысканию...» [ГАЧО, ф. 55, д. 56, л. 132].

Политика колонизации Сибири и Дальнего Востока, переселенческая политика государства привели к тому, что тунгусам повсеместно стало всё труднее и труднее сдавать не только ясачную повинность, но и искать пропитание. В поисках незанятых мест они вынуждены были уходить в северные районы Забайкалья, на территорию современной Якутии. Часть тунгусов перешла в Агинскую степную думу, а часть, Телембинские и «Яравненские» – в Хоринскую, растворившись среди бурят-инородцев, т. к. те платили ясак меньшего размера [ГАЧО, ф. 284, оп. 1, д. 37].

В архивных документах ГАЧО встречаются документы «о постройке зимовий на землях по речкам Кадая, Олов, Курлыча по устью пади Куэнга государственным пашенным крестьянам», согласно Указу «Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Нерчинской Воеводской канцелярии от 29 сентября 1750 г.» [ГАЧО, ф. 300, оп. 1, д. 1, л. 5]. В итоге появились документы, в которых тунгусы пытались не дать захватить свои «породные» земли, по которым они привыкли перемещаться в разные времена года.

Бурят-инородцев также всячески притесняли. Так, в деле № 180 от 1881 г. имеется «Распоряжение Военного Губернатора Забайкальской области от 11 августа 1881 г. о немедленном принятии мер по поводу немедленного выселения инородцев на выделенные им земли, не принимая от них никаких оговорок с поймы реки Кручина» [ГАЧО, ф. 29, оп. 1, д. 180].

Подаются «челобитные» в управы о земельных спорах и войнах между тунгусами и государственными крестьянами. Также следует учитывать и политический климат соседней Монголии, где в результате междоусобных войн многие монголоязычные племена переселялись на территорию Восточного Забайкалья, тесня слабо вооружённых и голодных пограничных тунгусов Гантимура.

Вот как описаны те события в архивных источниках: «... Появление русских в Забайкалье отразилось на тунгусах тем, что Нерчинские тунгусы ушли за Аргунь по реке Гань (кстати, Ган – кит. «река»). Вскоре примеру их последовала и часть Баргузинских тунгусов, удалившихся также за реку Аргунь. Хотя, часть тунгусов впоследствии вернулись к Нерчинску с князем Гантимуровым, но всё-таки результатом передвижения было то, что к 1689 г. в Нерчинском уезде было только 788 ясачных тунгусов, живших около острогов Нерчинского, Телембинского и Еравнинского. Они разделялись на 12 родов: Баягирский, Жанжурова, Уляцкий, Дулигарский, Колтагирский, Почегорский, Луникарский, Балакагарский, Намясинский, Кучилицкий и Шунинский (в среднем по 65 человек в роду). Эти роды, насчитывавшие к 1700 г. 925 человек ясачных и послужили основой тунгусского населения Нерчинского края. Тунгусы не особенно признавали русское подданство и свободно уходили в Монголию» [ГАЧО, ф. 239, оп. 1, д. 27].

Такие разноречивые цифры о количественном составе тунгусского населения обусловлены рядом причин, среди которых следует учесть и несовершенство системы сбора и сдачи ясачной повинности, и относительно нестабильное положение власти в регионе, и противление самих тунгусов поборам.

Далее в этом документе отмечаются личные заслуги и верность «Его Императорскому Величеству Начальника этих ро-

дов князя Павла Гантимурова». В свою очередь, преданность России князя Гантимурова была не совсем бескорыстна: он боялся уйти в Монголию, подвластную богдыхану, считавшего Гантимура изменником и неоднократно требовавшего его выдачи вплоть до Нерчинского договора. Дед князя Гантимурова был владетельным князем, четвертным боярином Китайского богдыхана. У него были свои войска, с которыми он был послан около 1673 г. под Комарский острог, но князь Гантимур не пошёл на Комарский острог и передался России, поступив на службу с 500 сородичами в город Нерчинск.

С тех пор он вместе с русскими казаками ходил на монголов и тунгусов и приводил их в ясак. Происходил он из маньчжурского рода и родовой рекой считалось река Ган. Он призвал в русское подданство с реки Нонны (Науна) своего сородича князя Бокая, который вышел по его призыву из Маньчжурии и платил ясак со своим родом в Аргунский острог. Гантимур принял крещение под именем Петра. Сын его Катанай был наречён при крещении Павлом. Князь Петр с сыновьями Павлом и Чекуваем поехал в Москву и по дороге умер, а сыновья доехали до Москвы и удостоились царских милостей.

Царь Петр I высказал в наказных статьях 1701 г. к Нерчинским воеводам: «Князя Павла Гантимурова беречь, чинить ласку и ничем не оскорблять, но в то же время и смотреть накрепко, чтобы тунгусы не подумали какого худа и не ушли бы в Китай». Столь «нежное» отношение к нему явилось следствием верной службы Гантимура русскому царю, когда в 1689 г. во время заключения Нерчинского договора он удержал от перехода на китайскую сторону других инородцев – онкотов – и тем самым оказал величайшую услугу России. Китайский богдыхан всячески пытался склонить Гантимура вернуться в Китай: посылал дорогие платя, золото, серебро, обещал прежнее жалованье 1200 лан серебра в год, три коробки золота. Но Гантимур отказался и подарки не принял...».

В архивных документах ГАЧО мы обнаружили любопытный документ, написанный в виде челобитной. «Отъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца *(стиль и ор-*

фотография сохранены – Р. Ж.), в Сибирь в Нерчинск воевода нашему Федору Родионовичу Качанову в нынешнем году декабря. А писалъ ты к нам Великому Государю и послалъ въ Сибирский приказъ Московского списка дворянина Князь Лариона, да брата ево Лазарь Гантимуровых челобитную, а въ челобитной ихъ написано: въ прошлыхъ дъ давнихъ годахъ дедъ ихъ Гантимур служилъ богдойскому царю четвертым бояриномъ и былъ владетель и имелъ под собою войны и отъ богдойского царя съ братомъ ево царскимъ посланъ былъ на службу красным воеводой особымъ полкомъ подъ Камарский острогъ на рускихъ людей с войною и будучи дедъ ихъ Гантимур под тем Камарским осторогом узря, что рускихъ людей житие доброе и поревновавъ доброму тому житию похотель Намъ Великимъ Государямъ служить и подъ Комарским осторогомъ с рускими людьми бою не далъ и какъ отступили полки и онъ дедъ ихъ с детьми своими и съ родомъ которые подъ нимъ были изъ державы богдойского Государства отошоль и пришелъ в Нерчинск с детьми своими и со всемъ родом, поклонил нам, Великим Государямъ больше пяти сотъ человек и многие за нимъ следомъ от богдойского царя погони были и онъ от техъ погонщиковъ отбился и многие раны принялъ и будучи в Нерчинскъ с детьми своими с отцомъ ихъ Катанамъ, да съ дядями ихъ съ Елею, съ Андуганомъ, съ Акшеемъ, съ Топугаромъ, съ Былгетуемъ, съ Анасуломъ, съ Лакою, съ Ундиулемъ и со всемъ родомъ служилъ нам Великим Государямъ со всякою верностию, и изъ Нерчинска с рускими людьми въ походахъ мунгальскихъ и тунгускихъ людей под нашу Великого Государя Великую руку боемъ и призывомъ в ясашный платежъ умножилъ и письмомъ призывалъ под нашу же Великого Государя самодержавную руку сродника своего съ Науну начальника ево Человека Зайсана Бокуя со всеми ево сродниками, которья и ныне дети его и сродники Намъ Великому Государю платять ясакъ в Аргунском остроге. В прошлом году отъ богдойского царя присланъ былъ в Нерчинск наунский воевода и съ нимъ служилые с полтора ста человекъ для призыву деда ихъ по прежнему служить Богдойскому царю и от него Богдойского царя прислано было с ним воеводою деду

ихъ Гантимуру многое платье золотое и воинский боярский поясъ и всякая воинская збуря, и золота и серебра жалованье противъ прежнего ево окладу, что онъ де въ ихъ Гантимуръ какъ служилъ въ китайскомъ Государствѣ и бралъ жалованье по тысячь по двести лань серебра да 3 коробки золота и де въ ихъ Гантимуръ на посольствѣ въ Нерчинску тому воеводе отказалъ, а злато серебро и платье и поясъ и воинской збури присланной отъ Богдойскаго царя не принялъ, и онъ де воевода за деда ихъ Гантимура на посольство въ Нерчинску угрожалъ рускимъ людямъ войною, а в то время в Нерчинску служилыхъ людей самое малое число было и де въ ихъ русскихъ людей обнадежилъ и наунскому воеводе говорилъ что и с лучшимъ богдойскимъ бояриномъ битися, а русскихъ де людей и Нерчинскъ оберегать будетъ и после того многажды в Нерчинскъ деда ихъ посланцы выпрашивали и де въ ихъ живучи в Нерчинске позналъ православную христианскую веру и крестился с сыномъ своимъ, а с ихъ отцомъ Катанаемъ, а молитвенные имена имъ деду ихъ Князь Петръ, а отцу ихъ Князь Павелъ и по нынешнему Великаго Государя указу де въ князь Петръ, и отецъ ихъ князь Павелъ с братцемъ ихъ Чекулаемъ отпущены были изъ Нерчинска къ намъ Великимъ Государямъ къ Москвѣ, и дорогою едучи в Нарымъ де въ ихъ преставился, а отецъ ихъ князь Павелъ получилъ на Москвѣ Нашего Великаго Государя Милость и пожалованы по Москвѣ во дворяне и сынъ ево, а братъ ихъ князь Павелъ приехалъ в Нерчинскъ служить, и мать ихъ Марья да отца ихъ братъ Семенъ, да братья же ихъ: Михайло, Дмитрей да Григорей крестились же, и въ прошлыхъ годахъ какъ были бояре съ богдойскими полками и на посольство в Нерчинску съ бояриномъ Федоромъ Алексеевичемъ Головинымъ Богдойские бояре отца ихъ с родомъ ево выпрашивали в Китай по прежнему. И в то время ясашные иноземцы видячи многия богдойские силы онкотские братские люди изменили а отецъ ихъ служа намъ Великому Государю съ детьми и сродниками своими достальныхъ ясашныхъ людей удержалъ и не попустилъ ихъ отъехать от нашего Государя самодержавнаго...» [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 48, л. 127–128].

Далее в челобитной говорится о том, что потомки Гантимура со временем «остались после смерти деда Гантимура без пропитания, несмотря на наличие земли, денег и хлебного жалованья», а потому просят «поверстать братьей племянников ихъ в конную казачью службу», т. е. допустить к казачьей службе, несмотря на их сословную принадлежность [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 48].

Забайкальцев, носителей фамилии Гантимуров довольно много, составлена родословная, где собраны почти все поколения представителей этого рода [Соломин, 2013].

Наиболее информативным и относительно полным можно считать документ ГАЧО «Перепись инородцев Нерчинского уезда» от 1816 г. (см. табл. 7) [ГАЧО, ф 1о, оп. 1/5, д. 17513, л. 475].

Таблица 7

Дело О переписи по Государству, мужеска и женска полу людей от 1816-го года					
№ п/п	Родовое название	Зайсан / старшина	шуленга / засол	Всего тунгусов	
				Мужского пола	Женского пола
1	Улатский		Жергей / Зергой Муриев	~ 400 душ	
				200 душ	200 душ
2	Почегорский		Баян Бологов	304 души	
				184 души	123 души
3	Вакасылский / Вакаройский		Прокопий Глотов	122 души	
				79 душ	43 души
4	Келтегирский		Ванчурый Шелгиров / Телгиров (неразборчи- во – Р. Ж.)	73 души	
				46 душ	27 душ
5	Луникирский	Гарма Несунов	Сакия Ширгаев	480 душ	
				257 душ	223 души
6	Чимчагирский		Цедеп Чуванов	153 души	
				90 душ	63 души

Продолжение табл. 7

№ п/п	Родовое название	Зайсан / старшина	шуленга / засол	Всего тунгусов	
				Мужского пола	Женского пола
7	Кунцелютский / Кушелюцкий			38 душ	
				18 душ	20 душ
8	Баликагирский	Сакия Яковлев	Зодбой Талханов	121 душа	
				62 души	59 душ
9	Баликагирский	Старшина Цыцылмей Лупсанов		32 души	
				14 душ	18 душ
10	Намятский	Тыкшей Цырылтуев	Яков Олдол- диев / засол Прокофий Степанов	217 душ	
				123 души	94 души
11	Намясинский	Тыкшей Цырылтуев	Яков Олдол- диев / засол Прокофий Степанов	313 душ	
				173 души	138 душ
12	Долотский	Тыкшей Цырылтуев	Яков Олдол- диев / засол Прокофий Степанов	77 душ	
				43 души	34 души
13	Челкагирский	Буянтуй Кунгеев	Фёдор Туло- хонов	331 душа	
				170 душ	161 душа
14	Желтоцкий		Старшина Шаралдай Самаев	50 душ	
				24 души	26 душ
15	Сартоцкий	Пунцук Зориктуев	Засол Гаври- ла Башмаков	953 души	
				498 душ	455 душ
16	Гуновский	Сандан Серенов	Шапза Дор- жиев / засол (неразборчи- во – Р. Ж.)	387 душ	
				229 душ	158 душ
17	Мунгальский	Яков Ургудеков		79 душ	
				40 душ	39 душ
18	Тукчинский	Сампил Харалдаев	Сынжер Се- ренов / Дан- жин Кунтуев	335 душ	
				191 душа	144 души
19	Мунгальский	Яков Ган- тимуров		87 душ	
				48 душ	39 душ

20	Узонский	Галимди- вий Серенов	Пунцук Галсанов	964 души	
				494 души	470 душ
21– 25	Луникирский, Почегорский, Сартоцкий, Шунинский, Казейский	Наран Инкеев	Мычилтуй Бобоев	230 душ	
				119 душ	111 душ
26– 29	Тавангутский, Почегорский, Второбалика- гирский, Третьшунин- ский	Кургачан Инкедеров	Ванчик Кашиглаев	179 душ	
				95 душ	84 души
30	Первудулигар- ский	Алесей Истомин	Занги Кашиверов	964 души	
				538 душ	426 душ
31	Второбаягир- ский	Бошиктуй а по кре- щению Костенкин Чащин		307 душ	
				163 души	144 души
32	Дуларский		Лоншак Степанов	165 душ	
				94 души	71 душа
33	Второбаягир- ский	Николай Протопо- пов	Василий Ирбученов	742 души	
				412 душ	330 душ
34	Намятский	Митрофан Нарышкин	Пётр Степанов	417 душ	
				239 душ	178 душ
35	Конурский	Пётр Ива- нов	Тарас Тюкавкин	202 души	
				108 душ	94 души
36	Долотский	Николай Титов		74 души	
				48 душ	26 душ
37	Дулигатский		Старшина Иван Николаев	165 души	
				91 душа	74 души
38	Улятский	Дула Ванчиков		56 душ	
				31 душа	25 душ
39	Первудулигар- ский		Десятник Семён Суханов	54 души	
				30 души	24 души

Окончание табл. 7

№ п/п	Родовое название	Зайсан / старшина	шуленга / засол	Всего тунгусов	
				Мужского пола	Женского пола
40	Перводулигар- ский		Десятник Баканги / Баканчи Домаев	68 душ	
				36 душ	32 души
41	Бултегерский (орочонская)		Старшина Бакачий Мунгуев	60 душ	
				30 душ	30 душ
42	Перводулигар- ский		Берекей Масюков	203 душ	
				119 душ	84 души
43	Чипчинютский	Максим Миткича- нов	Василей Епов	279 души	
				141 душа	138 душ
43 рода				9681 душа	
				5275 душ	4406 душ

Примерный подсчёт ревизских душ по переписи 1816 г. позволяет определить мужских душ числом примерно 5275 душ, женских – 4406, с учётом умерших и новорождённых. Следует также оговорить, что знакомство с ревизиями некоторых родов тунгусов Гантимура даёт основание о некорректном расчёте общего числа ясачного населения, что обусловлено разными причинами. В начале «сказки» записано одно количество душ, тогда как простой подсчёт переписанных людей определяет другое число, которое, как правило, меньше записанного.

Полагаем, что полученные цифры примерны, погрешность может составлять не более 5–7 единиц душ, т. к. в некоторых ревизиях имеются несоответствия. В начале описи дана одна цифра, по итогам подсчёта перечисленных и записанных людей получалась другая цифра. Можно предполагать, что в каких-то описях данные намеренно искажались, иногда в сторону уменьшения численности.

Любопытно, что душ женского пола в ревизиях тунгусского населения меньше, чем мужского. Этот факт можно объяснить тем, что мужские души считались и переписывались

тщательно, дабы не упустить ни одну ясную душу, тогда как женские души в описях предыдущих годов совсем не указывались. Возможно, потому наблюдается некая небрежность при записи душ женского пола. Иногда просто записывали «жена» или «племянница», не утруждаясь записью имени девушки.

Сведения о количественном составе тунгусов по родам позволяют заключить о том, что вследствие активного процесса обращения тунгусов в православие состав некоторых родов значительно уменьшался. Так, к примеру, в составе Кушелютского (или Кунцелютского) мужских душ было 18, женских – 20, из числа которых крещёными считались 17 мужчин и 15 женщин. В последующих документах этот геноним уже исчезает и не упоминается в ревизских описях. Это свидетельствует о «растворении» тунгусов этого рода в других или ассимиляции тунгусов этого рода, как, впрочем, и других, в среде русскоязычного населения Нерчинского уезда.

Ценный источниковедческий материал представлен документами фонда 55, дела которого являются сводом ревизских сказок по каждой из инородных управ Урульгинской степной думы – Урульгинской, Шундуинской, Оловской, Маньковской, Кужертаевской и Онгоцонской. При исследовании дел этого фонда выявлено число родовых сообществ, в том числе основных генонимов тунгусов Степной думы и число патронимов, подродовых сообществ под началом отдельного засола или старшины. Обнаружилось, что среди тунгусских родов имеются три рода «бродячих» тунгусов – Бултегерский, Никаганский род бродячих эвенков и Никагирский род, 84 ревизские души которого были уже крещёнными [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 65].

К Урульгинской инородной управе относились шесть родов – Дулигатско-домуев род, Дулигатский, Келтегирский, Мунгальский, Яравнинский и Телембинский роды [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 67]. Последние два рода представляют собой бывшие некогда родовые объединения или соединения, т. к. в ранних документах встречаются именованья «ярапинские тунгусы» и «теленбинские (телембинские) тунгусы, которые на деле представляли собой «соединённые роды».

К Оловской инородной управе приписаны тунгусы Перво-дулигарского рода (общим числом 1056 душ «мужеска и женска рода») и Кельтегирского (Келтегирского) рода [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 66]. Состав четырёх родов Шундуинской инородной управы – Улятского, Намятского, Челкагирского и Долоцкого, судя по их антропонимикону, состоит из тунгусов крещёных и некрещёных и в общей сложности составляет 2012 душ обоего пола [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 64].

В Маньковской инородной управе состояло девять родов – Намяцкий, Долоцкий, Дуларский, Первобаягирский, Втородулигарский, Конурский, Чипчинютский (или Чингинютский), Перводулигарский, Второбаягирский [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 58]. Тунгусы этой инородной управы также были частично записаны под православными именами, анализ которых позволяет сделать вывод о том, что все 214 души Дуларского, 223 души Первобаягирского и 497 душ Чипчинютского (или Чингинютского) родов считались уже окрещёнными, тогда как в составе других шести родов были как крещёные, так и некрещёные тунгусы.

К Онгоцонской инородной управе относились Сартоцкий род (1054 душ), Луникерский (566 душ) и Ваксилгский (213 душ) [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 59], антропонимный состав которых позволяет утверждать о малом числе крещёных по сравнению с числом так называемых, некрещёных тунгусов.

Полностью окрещёнными были тунгусы Оловской инородной управы, в ведении которой находились следующие семь родов – (Подгородный) Мальцовский род (969 душ), Второбаягирский (574 душ), Кельтегирский (194 душ), Почегорский (510 душ), Сухановский (550 душ), Узонский (218 душ), Нироновский (133 душ). Территориально эти роды обитали в бассейнах рек Нерча, Шилка, Ингода и считались осёдлой частью тунгусов.

Тунгусы Кужертаевской инородной управы состояли из шести родов – Чимчагирского, Гучитского, Узонского, Тукчинского, Гуновского и Баликагирского родов [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 61]. К этой управе, земли которой располагались в Прииононье, по описи 1858 г. имелись тунгусы крещёные и кочующие

некрещёные тунгусы. Так, 114 душ Гучитского рода записаны под тибет-монгольскими именами, что дает основание полагать, что эти тунгусы со временем стали считать себя бурятами. Среди бурятских родов имеется род Гушаад, который, вероятно, и следует считать бывшим Гучитским родом.

В остальных родах так называемых некрещёных тунгусов было более по сравнению с крещёными. Так, в Чимчагирском – 88 душ, в Узонском – 860 душ, в Тукчинском – 228 душ, в Гуновском – 415 душ, в Баликагирском – 131 душа. В Чимчагирском – 32 души, в Узонском – 83 души, которые стали считаться «крестьянами Кужертаевского селения», 55 крестьян Новоказачинского селения, в Тукчинском 41 душа крещёных кочующих тунгусов, в Гуновском – 70 душ, в Баликагирском – 55 душ.

Анализ численно-родового состава тунгусов Урульгинской степной думы позволяет полагать очевидный процесс русификации тунгусского населения, большая часть которого планомерно обращалась в православие. Менялась система антропонимии, менялось самосознание не только посредством принятого Святого крещения, но и под влиянием наказов и разного рода предписаний. Соответственно менялся и образ жизни, появлялась новая личность, которой было «предписано» осознавать себя русским, т. е. человеком иного склада, жизни, уклада, а не вчерашним инородцем-тунгусом, с которого сборщики ясака имели право взять непосильную дань.

Исследование этнотопонимии региона позволило заключить, что большое число отантропонимных топонимов обусловлено именно сменой антропонимии тунгусов на русскую. К примеру, наличие таких ойконимов, как Ложниково, Бронниково, Номоконово, Богданово, Журавлево, Савватеево, Пельменёво и так далее объясняется тем, что исполнялось предписание по «Уставу об управлении инородцами», согласно которому «...каждому стойбищу присвоить навсегда особенное название... по названию первого старосты. Во всех случаях, когда дело касаться будет до какого-либо стойбища, относиться на лицо старосты...» [ГАЧО, ф. 1о, оп. 1/5, д. 17513, л. 1–2].

Данное означает, что стойбища осёдлых тунгусов получили свои названия по имени первого старосты, т. е. «лучшего человека» – зайсана, засола или старшины. Именно в селениях с одноименным составом проживали семьи одних Бронниковых или Савватеевых, т. е. члены некогда большого единого рода, которые по Святому крещению получили русские имена и фамилии. Дополняют эти предварительные выводы о генезе старожильческого русскоязычного населения края данные полевых материалов автора 2004–2010 гг., в которых зафиксированы рассказы информаторов об их тунгусском происхождении.

С другой стороны, часть тунгусов, земли которых располагались на территориях приграничных с Китаем и Монголией – это земли, относящиеся к Кужертаевской и Онгоцонской инородным управам Урульгинской степной думы стали впоследствии называть себя тунгусами-хамниганами [ГАЧО, ф. 5, оп. 1, д. 3]. Существовал Онон-Тунгусский хошун (хамниган) [ГАЧО, ф. 5, оп. 1, д. 3/4]. Фамилии и имена мужчин-военнообязанных 1903 по 1911 г. включительно по Улачинскому сельскому совету, составленные 7 августа 1933 г. (Баркашев, Гантимуров, Бутаков, Похомов, Тимофеев, Потехин, Соколов, Бурлаков, Тараев, Кондратьев, Вершинин, Сапожников, Сажин, Барковский, Казыкин, Бобоченко, Нефедьев и другие – всего 58 фамилий), свидетельствуют об этнической неоднородности тунгусов-хамниган, т. к. это фамилии старожильческого русского населения Забайкалья тунгусского или «хамниганского» происхождения.

В табл. 8 приведён численно-родовой состав тунгусов Гантимура от 1828 г. из документа «Списокъ из окладной книги Нерчинского земского суда» [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 4].

Таблица 8

Списокъ из окладной книги Нерчинского земского суда		
№ п/п	Название рода тунгусов	Число душ
1	Кельтегирском	41 душа
2	Мунгальском	53 души
3	Телембинские	126 душ
4	Еравнинский	91 душа

5	Княже-Дулигарском	99 душ
6	Домоева	43 души
7	Почегорского	239 душ
8	Кельтегирско-карпашинского	74 души
9	Узонского на Хиле	82 души
10	Перводулигарском Гордеева	377 душ
11	Второбаягирском Малышева	204 души
12	Улятском	255 душ
13	Баликагирском	30 душ
14	Канцелятском (<i>Кушелюцком – Р. Ж.</i>)	18 душ
15	Желтотском	27 душ
16	Намятско-намясинском	197 душ
17	Втородулигарском	168 душ
18	Дуларском	93 души
19	Второбаягирском Пляскина	261 душа
20	Намятском	260 душ
21	Конурском	114 душ
22	Баягирском	125 душ
23	Далотском	42 души
24	Чимчагирском	61 душа
25	Тукчинском	213 душ
26	Узонском	479 душ
27	Баликагирском	73 души
28	Гуновском	234 души
29	Гучитском	42 души
30	Лукаевых	11 душ
31	Вакасильском	6 душ
32	Луникирском	253 души
33	Сартотском	468 душ
34	Долотском	56 душ
35	Чилкагирском	186 душ
36	1 Дулигарском Епова	231 душа
37	Онгоевском	21 душа
38	Чемчанютском	164 души
39	Оленных	30 душ
	С тунгусов объясачных с 5615 душ по 44 коп. сбора	<i>5444 души – Р. Ж.</i>
	С тунгусов неясачных заключить бродячих оленных тунгусов 30-ти душ в число 5585 душ земской повинности по 3 руб. 52,5 коп. съ души	

Из списка табл. 8 видно, что к прежнему родовому составу добавились некоторые роды. По-видимому, это подродовые группы, отделившиеся от основного рода, будучи кочующими по иным падам и урочищам. Подсчёт душ, указанных в ревизии, не совпадает с числом, указанным в ревизии переписчиком.

Разноречивость показаний при сравнении документов для определения примерного числа родового состава тунгусов Гантимура позволяет предположить разного рода причины тенденции уменьшения числа инородцев. Во-первых, кочевнический тип хозяйствования, когда необходимо было перемещаться по разным падам в разное время года для пропитания скота, обусловил факт несоответствия записи численного состава того или иного рода в документ.

Во-вторых, почти двойное уменьшение числа тунгусов от примерно 10 000 душ до 5000 по документу 1828 г. может только свидетельствовать об «исчезновении» тунгусов как этносообщества.

Анализ сведений, содержащихся в архивных документах, позволяет сформулировать мнение о постепенной ассимиляции тунгусов в среде прибывающего русскоязычного населения с европейской части России при условии неуклонной политики русификации населения восточных территорий империи, обусловленной несомненной важностью и стратегическими целями власти. В качестве иллюстративного материала в табл. 9 приведены статистические данные по «Ведомости о народонаселении по ведомству Урульгинской степной думы» 8-й народной переписи населения 1831 г.

Таблица 9

Управы			Осёдлых тунгусов		Кочевых тунгусов		Бродячих тунгусов	
	всего		муж-чин	жен-щин	муж-чин	жен-щин	муж-чин	жен-щин
	м. п.	ж. п.						
Урульгинская	690	642	267	252	363	330	60	60
Оловская	1905	1696	1358	1179	547	517	-	-
Шундуинская	960	875	411	423	549	452	-	-
Маньковская	1705	1386	380	377	1325	1009	-	-

Кужертаевская	1222	1090	73	87	1149	1003	-	-
Онгоцонская	874	724	59	55	815	669		

Сводная ведомость 1831 г. может служить доказательством высказанной ранее мысли о наличии тунгусского компонента в среде современного русского населения Восточного Забайкалья, имеющего старожильческие корни и считающего себя потомками тунгусов или тунгусов-хамниган. Цифры сводки 1831 г. показывают отчётливое уменьшение числа тунгусов по управам, что свидетельствует не только об ассимиляционных процессах тунгусов русскими, но и даёт основание утверждать об увеличении государственных крестьян, т. е. русских Нерчинска за счёт уменьшения тунгусского населения.

Так называемые «осёдлые тунгусы», как и «кочевые», стали, по всей видимости, основой русского старожильческого населения Забайкалья. Осёдлые тунгусы, имея места сезонных кочевок в долинах и поймах крупных рек Забайкалья, особенно по рекам Ингода, Шилка, Нерча и Аргунь, стали основой тунгусов-казаков.

Кочевые вошли в состав как хамниган-бурят, так и тунгусов-хамниган, имеющих русские имена и фамильный состав.

Так называемые же «бродячие» тунгусы числом до 120 душ Урульгинской инородной управы и могли быть теми этническими эвенками, чей бродячий образ жизни и обусловил их передвижение по северу Нерчинского уезда, благодаря их оленеводческому типу хозяйствования. Однако по ревизиям поздних лет видно, что постепенно оленные тунгусы в силу своего «бродячего» образа жизни, как, во-первых, вследствие притеснений со стороны пришлого населения, во-вторых, отъёма земель, годных для передвижений, с оленями стали уходить в пределы соседней Якутии.

Основной обязанностью тунгусских родов после проведения русско-китайской границы было несение караульной службы. По свидетельствам учёных-путешественников, тунгусские казаки, сидя верхом на лошади из лука, попадали в птицу на лету. От их зоркого глаза не ускользали следы, пе-

реходившие за границу. Ни скот, ни беглый каторжанин Нерчинских заводов не могли перейти границу, не вызвав за собой погони.

Обстановка на тот момент на границе была беспокойной. В 1756 г. монголы отогнали у тунгусов 6000 лошадей, 9000 крупного рогатого скота, 270 000 баранов, 184 верблюда. В свою очередь в 1754–1757 гг. караульные тунгусы Мангутского, Дурулгуевского, Абагайтуевского, Кулусутаевского, Чиндантского и Алтанского караулов отгоняли скот у монголов.

Весной 1757 г. 150 тунгусов Гуновского, Балакагирского и Намясинского родов напали на монгольские караулы, убили 6 караульных, захватили в плен начальника караула, угнали 27 верблюдов, 106 лошадей, 267 голов крупного рогатого скота, 1073 овцы. При всём при этом тунгусские казаки были в более тяжёлом положении, чем русские: не получали жалованья, довольствия и голодали. В рапортах тунгусских шуленг и зайсанов приводятся подобные этому донесения: «В Кулусутаевском карауле умерло 3 тунгусов с голоду» [ГАЧО, ф. 239, оп. 1, д. 27, л. 13].

Стоит особо отметить, что изучение архивных документов расширяет наши познания о тунгусах Нерчинска в отношении и их «языка». Так установлено, что несущие пограничную повинность тунгусы могли называться *чиндантами*.

В архивах ГАЧО имеется любопытный документ – рапорт «Тунгусских родов Начальнику Нерчинскому дворянину и депутату князю генералу Павлу его сиятельству Гантимурову гуновского роду зайсана Биликтуя Убушгеева».

«Рапортъ

ис числа чиндантов турунуевской (*цурухуевской* – Р. Ж.) партии гуновского роду тунгусъ в имя Харахан умря сего 1786-го месяца сентября 25го дня о томя вашем сиятельстве покорнейше на рассмотрение Вамя рапортую.

На сём рапорте просьбе гуновского роду Зайсана Биликтуй Убушгеева Фёдор Казанцев руку приложил

2 октября 1го дня 1786 г.» [ГАЧО, ф. 239, оп. 1, д. 27, л. 144].

В топонимии Восточного Забайкалья функционируют такие названия, как озеро Большой Чиндант, сёла Чиндант 1-й по реке Онон, Чиндант 2-й по реке Борзя, Старый Чиндант. На основании архивной записи, приведённой ранее возможно истолковать значение слова «чиндант» как «пограничный, пограничник, сторожевой казак». Эти сёла расположены вблизи российско-монгольской границы. Полагаем, что это слово, возможно, из какого-то монгольского языка, может быть, даже даурского, и именующего пограничника.

Царские чиновники докладывали о состоянии дел на границе. Так, в частности, известен проект статского советника Любимова, где он предлагает улучшить положение бурятских и тунгусских казачьих полков из соображений выгоды их содержания для государственной казны и военной пригодности, отмечая «их превосходные качества стрелков» [ГАЧО, ф. 239, оп. 1, д. 27, л. 144].

Вряд ли этнические эвенки могли быть теми тунгусами-казаками, которые могли нести пограничную службу. Таковыми могли являться тунгусы как бывшие дауры, имевшие навыки стрельбы из лука и несения воинской повинности.

В результате русификации тунгусов, в частности Дулигатских родов путём их крещения, а значит и смены имени на русские антропонимы, возникло большинство ойконимических русскоязычных названий Забайкалья – Бронниково, Савватеево, Кокуй-Комогорцево, Ложниково, Пельменево, Татаурово и др. Например, в селении Номоконово Шилкинского района ранее проживали только одни Номоконовы, что может свидетельствовать о практике традиционного родоплеменного расселения автохтонного населения Нерчинска, которая продолжалась вплоть до XX в. [Жамсаранова, 2010].

Возвращаясь к разрешению вопроса о количественном составе тунгусских родов князя Гантимура, следует сопоставить все имеющиеся сведения о них. В следующем параграфе описано наличие родов тунгусов по инородным управам. Ранее о расселении тунгусских родов по территории Восточного Забайкалья достаточно подробно указывалось Б. О. Долгих [Долгих, 1960].

1.3. Историко-культурный очерк о численно-родовом составе, быте и других сторонах жизни тунгусов Гантимура

Данный параграф посвящён описанию бытовой жизни тунгусов Гантимура на основе анализа ряда архивных источников.

Прежде всего, стоит уточнить, каков был основной образ жизни и хозяйствования тунгусского населения. В ГАЧО имеются дела, в которых приведён список «поселений Урульгинской степной управы» [ГАЧО, ф. 29, оп. 1, д. 17, л. 540–580]. В табл. 10 приведены данные за 1840 г.

Таблица 10

<i>Поселения Урульгинской инородной управы</i>			
1	Князе-Урульгинское	20 чел.	1 церковь
2	Малоталачинское	13 чел.	
3	Верхнеталачинское	56 чел.	7 церквей
4	Усть Талачинское	9 чел.	
5	Карымское	20 чел.	
6	Князебереговое	8 чел.	
7	Станция Береговая	12 чел.	
8	Бирейнское	42 чел.	
Всего		180 чел.	8 церквей

Данные служат иллюстрацией поступательной русификации тунгусов Гантимура, когда только в одной инородной управе функционируют восемь церквей, возведённые благодаря собранным с новой паствы денег, а также вкладу своего труда и посильного участия каждого новокрещённого.

Однако исконные, так называемые «породные» земли каждого родового объединения оставались по-прежнему во владениях бывших тунгусов, за исключением пойм и долин крупных рек Даурии, заселяемых приезжими переселенцами.

В другом документе приводятся места обитания родов тунгусов. Тунгусы Мунгальского рода (Гантимуровы, Ивановы, семьи Романа Яковлева, Петра Шахурова, семья Алексея Степанова) обитали «близ Нижнеталачинской деревни по

речке Талаче от той деревни в двух верстах против Береговой станицы». Тунгусы Кельтегирского рода (семьи Ивана Забелина, Николая Лиханова, Дмитрия Лиханова, Данилы Пляскина, семьи братьев Григория, Егора и Никона Степановых и др.) «близ Верхнеталачинской деревни, близ Береинской деревни против Береговой станицы, против Князе-Береговой, против Верхнеталачинской деревни в урочище (*тканты?* – *неразборчиво* – Р. Ж.)».

Тунгусы Сартоцкого рода (Григорий Солдатов, Гаврило Абрамов, Козма Маковеев, Федот Абрамов, Фалилей Тоболов, Пётр Забаровский, Качань Маковеев, Терентий Маковеев, Алексей Маковеев, Антон Маковеев, Корнило Маковеев), к примеру, обитали «близ деревни Карымской в Сухой пади, близ Князе-Поселья (*неразборчиво* – Р. Ж.) села, близ Князе-Берегового посёлка, близ деревни Карымской в Сухой пади» [ГАЧО, ф. 29, оп. 1, д. 17, л. 256].

Тунгусы Дулигатско-домуева рода (Андрей Каратаев, Михайло Иванов, Каравай Намхаев и др.) «против Князе-Береговой станицы в пади Мылькейту». Тунгусы Телембинского (Егор Александров, Зурган Инктьев, Эмчи Инктьев, Далай Инктьев, Унунь Манчуров, Ларион Леонтьев, Еким Сизых, Филат Александров и др.) «по речке Хангтю, в урочище Хадангты, близ Князе-Урульгинского села, близ деревни Кокуйское».

По этим сведениям можно сделать заключение о так называемых «породных» местах, падах и урочищах, которые были негласно закреплены за каждым из тунгусских родов и подродов.

По-видимому, тунгусы, особенно «конные», занимающиеся разведением коней, а заодно и крупного рогатого скота, как и соседи-буряты, имели по четыре места кочёвок – зимники, весенники, летники и осенники.

Специальное исследование топонимии Карымского района, бывшего в свою бытность центром Урульгинской степной думы, позволило определить частотность наличия даурских топонимов помимо плотного тунгусо-маньчжурского пласта топонимов. Среди даурских топонимов, к которым мы отнес-

ли и ойконом *Дарасун* от даурского апеллятива *торс* “селение, поселение”, имеются и гидронимы, и оронимы, преимущественно – названия падей, по которым обитали в своё время дауры.

На карте Нерчинского уезда Забайкальской области от 1892 г. отмечены улусы Торгинский и Торгоконский. На современной карте Карымского района функционируют уже только два гидронима – названия ручьёв Левая Торгача и Правая Торгача. Можно связать названия исчезнувших поселений Торгоконский и Торгинский с таким этнонимом монголов, как торгоуты, упоминаемые Ц. Б. Цыдендамбаевым как монголоязычные племена чёрных торгоутов, или торгоконь [Цыдендамбаев, 1972].

Согласно «Бурятским летописям» из Западной Монголии в 1630 г. ушли чёрные торгоуты (калмыки) и добрались до Поволжья. Однако часть их вернулась назад, в азиатские степи в 1672 г. К этой информации можно добавить и то, что прежнее название посёлок Дарасун – Хара-Мангут. Кого называли в своё время чёрными торгоутами и чёрными мангутами – вопрос пока неразрешённый. В Забайкалье фамилия Торгаев не столь распространена, как например, Мунгалов или Мангутов, однако, происхождение её может быть связано как раз с *торгоутами* или средневековыми *торгоконь*.

У Ц. Б. Цыдендамбаева в книге «Бурятские исторические хроники и родословные бурят» описывается, что «в 1366 г. из Китая был изгнан последний монгольский император Тогон-Тэмур, и монгольский каганат стал разваливаться на отдельные княжества». Наступает время распрей и смут среди монголов, в орбиту которых были втянуты и какие-то даурские племена. *Торгууд*, или торгоуты – это историческое название дневной стражи монгольских ханов в XIII в., которое могло «превратиться» в генонимное название каких-то бывших монголоязычных племенных объединений.

В документах ГАЧО от 1877 г. – «именных списках кочевых инородцев» – приводится список улусов: Батурский (при реке Батури), Торгинский (при реке Торги), Торгоконский (при реке Торгоконь), Дэлюнский (ключ Дэлюн), Улдургинский,

Ширгальжин (при реке Ширгальжин), Кучигер-Улдургинский (при реке Кучигер), Усугли (при реке Усугляр), Кручина, Кручина-Сахалтуй (при реке Сахалтуй), Кумекта (при реке Кумекте), Телембинский (при реке Тылемба), Кумкенский (речка Кумкен), Антипинский (речка Антипинская), Хорчинская (при реке Хорчи), Шиндеилеевский (при речке Шиндали) [ГАЧО, ф. 29, оп. 2, д. 140, л. 26–27].

Из этого списка очевиден принцип наименования улусов или юрт (поселений) Урульгинской думы, когда по именованию реки (которая, как правило, протекает по падам / падушкам) именуется и поселение. При этом следует учесть и то, что угодья и пастбища у кочевников, в основном, «носят» родоплеменные названия – по генониму или патрониму. Поэтому село Хорчинское или село Торгоконский можно считать и этнотопонимами, т. е. названиями отгенонимного происхождения.

Другие генонимы тунгусов – Узоновский/Узонский, Тукчинский/Токчинский, Улятский, Балягирский – также «остались» на карте Забайкальского края в виде топонимических названий, преимущественно ойконимов: Узон, Токчин, Улёты, Баляга. Посёлки Баляга и Баляга-Катангар в Петровск-Забайкальском районе расположены весьма на отдалённом расстоянии от Урульги, что не позволяет усмотреть в тунгусах-баликагирах этнических эвенков. А вот иметь в виду их эвенское начало вполне вероятно, т. к. исследованная ойконимия (улусные названия) Хоринской степной думы позволяет полагать широкое распространение именно эвенских топонимов, по своей языковой принадлежности, в центральных и западных районах Забайкалья [Жамсаранова, 2017]. Это не противоречит гипотезе о наличии эвенского субстрата в этногенезе хоринских бурят.

Тунгусы кочевали или жили оседло в бассейнах крупных и мелких рек Даурии, причём родовое сообщество состояло из «братских» семей. И. Г. Георги отмечал, что тунгусы для удобства в звероловстве и рыбной ловле кочуют порознь – семьями, причём, каждая по своей реке [Георги, 2007, с. 312–328]. Любопытно отметить выражение «братская (семья)/братски-

ми (семьями)» у И. Георги, которое даёт основание понимать его значение буквально, т. е. семьи, состоящие из братьев и их семей. Не это ли выражение стало основой для экзонимного «прозвания» бурятов – *братские*? И не потому, что буряты, а потому что братские семьи, т. е. род, состоящий из представителей одной или нескольких, но разветвлённой системы нескольких семей от одного общего предка. И жили эти братские семьи юртами, т. е. своего рода селениями, как улусы у монголов и бурят.

В последующем эти «юрты», как указано в архивных документах ГАЧО, становились поселениями, названными по фамилии, которую носили все члены мужского населения рода. Это и стало основным принципом имянаречения многих ойконимических названий Нерчинского округа, представляющих собой отантропонимные топонимы. Например, в селе Савватеево Новотроицкого участка Нерчинского горного правления из 31 семьи 20 семей главы семейств записаны под фамилией Савватеев или Сапатеев, 8 семей с фамилией Колотовкин, а остальные 3 семейства записаны под фамилиями Митрофанов и Закурдаев [ГАЧО, ф. 31, оп. 1, д. 571].

В деревне Лабшиновой из 18 семейств 17 записаны с одинаковой фамилией Лабшиновы и одна семья с фамилией Зайков. И подобные факты можно отметить практически по всем поселениям, где проживало как будто бы русское население, судя по их фамилиям. Любопытно, что в поздних документах эти населённые пункты Нерчинского округа стали именоваться поселениями, где проживали приписанные к заводам сословия так называемого «государственного крестьянского» населения. Таков закономерный итог русификации тунгусского населения Нерчинска, «превратившего» тунгусов в русскоязычное население Забайкалья.

Приведём любопытный документ, датированный 1852 г., где описывается быт тунгусов. «...Большинство селений по ведомству тунгусскому не имеют правильного расположения и строятся по произволу каждого по направлению дороги и в противоположных направлениях ... и величина и глубина сараев также разнообразны от произвольной постройки каждо-

го, отчего при случающихся пожарах подвергаются большей опасности. Все они устроены при реках, речках и значительных озёрах» [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 56, л. 116].

Далее отмечено, что в поселениях не более 50 дворов, но не менее 10 или 8. Жители располагаются без стеснения, т. к. «земли много на всех». Климатические условия в летнее время, когда наблюдается «необыкновенные жары и засухи от чего жители несколько лет теряют попросту семена и труд свой; вспомогательным средством промышленности могло бы служить звероловство, но с каждым годом приходит в упадок по уменьшению зверя. Скотоводство также по неурожаю хлебов и падежей чувствительно изменяется. Что же касается до торговли, то инородцы не способны к сему роду промышленности. Вовсе оною не занимаются, от воинского постоя временно или (*неразборчиво* – *Р. Ж.*) могут ли быть освобождены...» [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 56, л. 116].

Другим важным вопросом остаётся наличие родовых объединений тунгусов Гантимура. Анализ документов ГАЧО позволил нам определить родовой состав по годам (ревизиям). Так, по ревизии 1816 г. насчитывается 47 родов. По ревизии 1828 г. – 39 родов. А уже по ревизии 1857–1859 гг. насчитывается только 34 рода, записанные по инородным управам: в Маньковской – 9 родов; Урульгинской – 7 родов; Шундуинской – 4 рода; Оловской – 8 родов; Кужертаевской – 6 родов. Отсутствует ревизия Онгоцонской управы. Причём число тунгусов неуклонно уменьшается, пропорционально увеличению «государственных крестьян», приписанных уже к Нерчинскому горному правлению. В главе 2 монографии приведены эти списки государственных крестьян, которые на деле являются бывшим тунгусским населением, имеющим уже православную веру, «русский» образ жизни, а потому и считающих себя русскими.

Следующим важным вопросом можно считать вероисповедание тунгусов Гантимура. В попытках разрешения этого вопроса приведём данные из фондов ГАЧО от 1840 г. (см. табл. 11).

Таблица 11

**Ведомость о вероисповедании
Урульгинской степной думы Нерчинского округа**

<i>Урульгинская инородная управа</i>	<i>Православие</i>		<i>Ламского исповедания</i>		<i>Шаманской веры</i>	
<i>Тунгусов по ведомствам инородных управ: Урульгинская инородная управа</i>						
Теленбинские	23 муж.	13 жен.	1 муж.	10 жен.	85 муж.	96 жен.
Мунгальский	92 муж.	96 жен.	6 муж.	4 жен.	4 муж.	4 жен.
Келтегирский	37 муж.	35 жен.	-	-	6 муж.	5 жен.
Ярапинский (т. е. Еравнинский)	17 муж.	20 жен.	-	-	62 муж.	70 жен.
Княже Дулигатский	77 муж.	55 жен.	2 муж.	4 жен.	18 муж.	26 жен.
Дулигатский-до-муев	15 муж.	9 жен.	2 муж.	6 жен.	19 муж.	26 жен.
Итого	261 муж.	228 жен.	11 муж.	24 жен.	194 муж.	227 жен.
<i>Тунгусов по ведомствам инородных управ: Оловская инородная управа</i>						
Первудулигарский	310 муж.	262 жен.	40 муж.	40 жен.	-	-
Второбаягирский	133 муж.	258 жен.	51 муж.	27 жен.	-	-
Кельтегирский	59 муж.	41 жен.	10 муж.	10 жен.	-	-
Почегорский	169 муж.	161 жен.	50 муж.	30 жен.	-	-
Узонский	66 муж.	61 жен.	15 муж.	15 жен.	-	-
Итого	757 муж.	693 жен.	166 муж.	122 жен.	-	-
<i>Тунгусов по ведомствам инородных управ: Шундуинская инородная управа</i>						
Улятский	195 муж.	222 жен.	93 муж.	69 жен.	81 муж.	79 жен.
Намяцкий	58 муж.	62 жен.	90 муж.	95 жен.	58 муж.	60 жен.

Челкагирский	56 муж.	51 жен.	-	-	125 муж.	179 жен.
Долоцкий	15 муж.	18 жен.	-	-	73 муж.	50 жен.
Итого	324 муж.	353 жен.	183 муж.	154 жен.	307 муж.	331 жен.
<i>Тунгусов по ведомствам инородных управ: Маньковская инородная управа</i>						
Первобаягирский	49 муж.	41 жен.	55 муж.	79 жен.	55 муж.	79 жен.
Второбаягирский	105 муж.	92 жен.	-	-	151 муж.	14 жен.
Первудулигарский	35 муж.	29 жен.	-	-	205 муж.	196 жен.
Втородулигарский	52 муж.	77 жен.	-	-	96 муж.	103 жен.
Намяцкий	91 муж.	115 жен.	-	-	153 муж.	165 жен.
Чипчинутский	58 муж.	21 жен.	-	-	138 муж.	165 жен.
Дуларский	48 муж.	53 жен.	-	-	38 муж.	28 жен.
Конурский	67 муж.	73 жен.	-	-	46 муж.	42 жен.
Долоцкий	18 муж.	23 жен.	-	-	24 муж.	7 жен.
Итого	573 муж.	524 жен.	-	-	906 муж.	933 жен.
<i>Тунгусов по ведомствам инородных управ: Кужиртайская инородная управа</i>						
Узонский	67 муж.	72 жен.	510 муж.	443 жен.	-	-
Тукчинский	12 муж.	9 жен.	212 муж.	178 жен.	-	-
Баликагирский	12 муж.	16 жен.	66 муж.	99 жен.	-	-
Гунавский	17 муж.	19 жен.	224 муж.	283 жен.	-	-
Чимчигирский	11 муж.	13 жен.	33 муж.	41 жен.	-	-
Итого	119 муж.	129 жен.	1045 муж.	1044 жен.		

<i>Урульгинская инородная управа</i>	<i>Православие</i>		<i>Ламского исповедания</i>		<i>Шаманской веры</i>	
<i>Тунгусов по ведомствам инородных управ: Онгоцонская инородная управа</i>						
Сартоцкий	4 муж.	4 жен.	432 муж.	456 жен.	-	-
Вакасильский	4 муж.	4 жен.	62 муж.	43 жен.	-	-
Луникирский	16 муж.	6 жен.	235 муж.	268 жен.	-	-
Итого	24 муж.	14 жен.	729 муж.	776 жен.	-	-

«А всего 2038 мужского да 1941 женского пола душ исповедуют православие. Ламайской веры придерживаются 2134 мужского и 2120 душ женского пола. Шаманского верования исповедуют 1407 мужского и 1491 душа женского пола. Князь Гантимуров» [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 16, л. 182–184]. Эти данные позволяют заключить, что существовало примерно равное соотношение тунгусов-православных и тунгусов-«ламайцев». Как описано далее в главе 2, конфессиональная принадлежность обусловила наличие как русского, в основной части многих родов, антропонимикона, так и тибет-монгольского у тунгусов Кужертаевской и Онгоцонской управ.

Анализ ревизских сказок тунгусов Гантимура за 1851 г. и 1857–1858 гг. наиболее наглядно показывает процесс христианизации.

Ревизия 1851 г.

В ведении Шундуинской инородной управы по данным 1851 г. находилось 4 рода – Улятский, Намятский, Челкагирский и Долотский, общим числом 955 душ мужского и 872 души женского пола [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 136]. Согласно приведённым цифрам о количестве тунгусов по переписи 1851 г., в Улятском роду состояло 434 души мужского пола, из которых 135 человек записаны с языческими именами, 147 душ из 430 душ женского пола. Остальные ясачные Улятского рода записаны с русскими именами.

Из 276 мужчин Намятского рода некрещёнными оказалось 130, из 223 душ женского пола с языческими именами записано в ревизии 92 души. В Челкагирском роду крещёнными записаны 23 семьи, что в количественном отношении составляет примерно половину родового состава.

В Долотском роду из общего числа ясачных 135 человек обоего пола крещёнными записано 8 семей, что составляет одну треть от общего числа.

В «Перечневой ведомости» Кужертаевской инородной управы по ревизии 1850 г. состояло шесть родов – Чимчагирский, Гучитский, Узонский, Тукчинский, Гуновский и Балакагирский. Сводное количество тунгусов этой инородной управы составляло 1223 души мужского и 1090 душ женского пола [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 127]. В Узонском из 540 мужского и 507 душ женского пола крещёнными, судя по их именам, записано 16 мужчин и 12 женщин, всего из общего числа 28 душ. Это крещёные оседлые с фамилиями Пляскины, Поповы, Питерские, Барановы, Павловы, Потехины, Старицыны, Соколовы. Среди крещёных кочующих записаны ясачные с фамилиями Белокопытов, Новгородов, Малков, Константинов, Фомин.

В Гуновском, Тукчинском родах из общего числа 496 душ и 383 души соответственно крещёных ясачных крайне малое количество.

В Балакагирском 92 души мужского и 77 душ женского пола, в Чимчагирском, состоящем из 60 мужского и 41 души женского пола крещёных кочующих мало. В ревизии даны фамилии крещёных чимчагиров – Дудин, Носырев, Попов, Эпов. Среди ясачных Гучитского рода крещёных инородцев нет.

Ревизия 1857–1858 гг.

В Оловской инородной управе в Перводулигарском роду все 148 семей имеют русские имена. Однако в ревизской сказке для уточнения личности ясачного тунгуса даны определённые уточнения. Так, 105-м в ревизии значится Ушаков Шаралдаев, а по крещению «Костенкинъ Алексеевъ Истоминонь», его сын Мамка, а по крещению Алексей Костантинов. У других его сыновей имена все русские. Например, «Чандамуръ Кукдунов, а по крещению Сергей Истомин; Сунелту Кукдунов,

а по крещению Иван Петров; Герелтуй Боянтуев, а по крещению Петръ Ильин; Огулдай Гунелелтуев, а по крещению Егоръ Строганов» и т. д.

Встречаются весьма интересные моменты, как, например, Ванька Васькин, а по крещению Иван Семенов; «Ванька Гаврилкинъ, его сын Аюши, а по крещению Василей Петров». В Перводулигарском роду по ревизии 533 мужского и 503 женского пола душ. Староста рода Оленев [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 66].

В Урульгинской инородной управе, в которой состояло семь родов – Мунгальский, Дулигатско-домуев, Дулигатский, Кельтегирский, и сводные Яравнинский и Телембинский, бродячие Бултегерского рода – и нет ни одного рода, в записях которого имелись бы фамилии только русские. В Бултегерском роду, включённом в опись Урульгинской управы по причине того, что они «никакому ведомству не принадлежали», мужского пола – 19 душ, женского – 20. В ревизской описи даны языческие имена, например, Павел Егоров Кирилов, а «по инородчески Гакчуръ Мелектинъ», Иван Егоров Кирилов, а «по инородчески Бакширь Мелектинъ», Федор Егоров Кирилов, а по инородчески Короча Мелектин и т. д. Очевидно, что все эти люди состояли в родстве друг с другом.

В Дулигатском домуевском роду из общего числа инородцев только 39 человек имеют языческие имена. В ревизии фамилии Забелин, Золотухин, Эпов, Балагуров носит большая часть тунгусов этого рода. «Николай Андреевъ Забелин, а по тунгусскому отцу Абидки». В ревизии встречаются приписки, как-то «Ехоноръ Власовъ Еповъ, 18 лет, в 1853 г. по смертоубийству сослан в каторжную работу». Крещёнными из этого рода оказалось 42 семьи.

В Дулигатском роду из 162 мужских имён только 32 имени оказались «инородческими», крещёнными оказались 43 семьи. Среди крещёного состава Дулигатского рода преобладают в количественном отношении фамилии Александров, Баранов, Беломестнов, Васильев, Забелин, Дмитриев, Иванов, Курбатов, Луговской, Писарев, Ташлыков, Титов, Скорняков, Шестаков.

Некрещёного населения в Кельтегирском роду всего 9 мужского и 10 женского пола. Остальные инородцы записаны под фамилиями Болотов, Бородин, Забелин, Иванов, Номоконов (*много*), Лиханов (*много*), Пляскин (*много*), Степанов. Фамилии Номоконов и Лиханов – это, очевидно, не русские фамилии.

В Мунгальском роду инородческие фамилии и имена записаны только у 20 душ мужского и женского пола. Основная часть рода, будучи окрещённой, имела следующие имена и фамилии: Абрамов, Аранин, Баранчугов, Венедиктов, Заборовский, Иванов, Маккавеев, Павлов, Салдатов, Суханов, Селезнев, Степанов, Трухин, Шильников, Яковлев.

Среди Яравнинских родов некрещёных душ более, чем в предыдущих родах Урульгинской инородной управы. Крещёных тунгусов, если судить по фамильному составу всего 27 мужских и 25 женских душ, всего 52 человека из 194. У крещёных еравнинских тунгусов присутствуют фамилии Афонасьев, Белобородов, Бородин, Носов, Попков, Перфильев, Сахаров, Хрисанфов.

Подобное явление замечено и по ревизии сводных Телембинских родов. Среди именника малого числа крещёных тунгусов нами записаны фамилии Александров, Астраханцев, Васильев, Егоров, Ефимов, Михайлов, Литвинцов, Кибирев, Пляскин, Сизых, Суровцев, Шилов, Шульгин.

По ревизии Маньковской инородной управы в Намятском роду из 250 душ мужского пола некрещёнными оставалось 146 душ. Крещёнными были 104 души. Из числа женского пола крещёнными 78 человек, 165 душ оставались некрещёнными. Среди крещёных Намятского рода много мужчин с фамилией Савин, Номоконов (*много*), Тюкавкин, Епов (*много*), Карелин, Чупров. Распространены фамилии Высоцков, Куликов, Носков, Корнаков, Рогалев, Литвинцев, Нарышкин, Бояркин, Таскин, Юдин, Паргачев (*много*), Безъязыков, Поляков, Шапошников.

Среди 36 крещёных Долотского рода встречаются фамилии Бянкин, Антипьев, Лапердин, Нарышкин, Каверзин, Колесников, Кузнецов, Селезнев, Разгильдеев, Титов. Некрещённых, судя по фамильному списку, оставались 18 душ мужского и 20 душ женского пола.

В Дуларском роду из 214 душ обоего пола некрещёных не осталось. Преобладают фамилии Филеев, Павлов, Козлов, Былков (*много*), Макаров, Козулин, Рюмкин, Усков, Поляков, Филиппов, Писарев, Швецов, Хомяков, Ярославцев. Встречаются трёхсоставные конструкции, типа Лога Васильев Былков, где одно из имён (Лога) языческое.

В Первобаягирском роду также все 223 души обоего пола носят русские фамилии и имена: Бояркин, Былков (*много*), Золотаев (*много*), Зырянов, Литвинцев, Миронов, Ноткин, Козминъ, Козырев, Середкин, Тонких, Пляскин, Попов, Лопатин, Раменской, Марков, Телятьев, Хомяков, Черных, Шестипалов, Чагин. Заметим, что фамилии типа Золотарёв, Золотов у русских Забайкалья имеют, по-видимому, общее происхождение с фамилиями бурят – Золтуев, Золтоев.

Подобная ситуация наблюдается и при анализе списка Втородулигарского рода. Из общего числа 313 человек около 50 человек обоего пола имеют языческие имена и фамилии. Крещёные тунгусы записаны под следующими часто встречающимися забайкальскими фамилиями: Авдеев, Бакшеев (*много*), Верхотуров, Вторыгин, Граматиков, Дулинаев (*много*), Зырянов, Истомин, Каменской, Каргин, Козлов, Колегов, Комогорцев, Лапердин, Лапин, Ларионов, Лопатин, Мурзин, Паргачев (*много*), Перов, Пляскин, Пономарев, Попов, Родовиков, Сибиряков, Стуков, Телятьев, Титов, Тюкавкин, Усков, Федореев, Фомин, Чашин, Швецов, Щетинин, Якимов, Якункин.

В Конурском роду некрещёными оставалось 78 человек, из которых 40 душ мужского пола. Много Козулиных (староста рода Козулин), Былковых, Лапердиных, Абзеевых, Каверзиных, Лопатиных, Миромановых, Тюкавкиных. Встречаются фамилии Мокин, Калашников, Соснин, Титов, Аксенов, Окулов, Кузнецов.

В Чипчинютском роду число крещёного населения не столь значительно, как, например, во Втородулигарском. Из 249 душ мужского пола крещёные фамилии и имена имеют лишь 99 мужчин. Это братья Мироновы, Миромановы, Горбуновы, Голобоковы, Болшаковы, Ермолины, Грбовы, Кор-

ниловы, Викуловы, Селезневые, Топорковы, Ларионовы, Кандинские. Среди некрещёного населения рода встречаются именованья, в которых личное имя языческое, фамилия может иметь русскоязычное языковое происхождение: Чиндамай Котельников, его сын Степан Григорьев и «Степана Григорьева сыновья: Якимъ, Миронъ».

В составе Первоудлигарского рода крещёных 205 мужских душ, 204 женские, что примерно составляет половину родового состава. У крещёных фамилии Балагуров, Безъязыков, Большаков, Ваулин, Деревцов, Епов, Купряков, Леонов, Лесков, Осколков, Писарев, Пляскин, Раздобреев, Судаков, Суханов, Таскин, Фалилеев, Фирсов, Швалов, Шемелин, Шестаков, Щеглов. В роду много с фамилиями Ваулин, Суханов, Фалилеев. Это объяснимо наличием в роду большого числа братьев, имеющих одну и ту же фамилию, например, Ваулин. Старостой рода записан Нойма Андреев.

Во Втором Баягирском роду из общего числа мужского населения в 380 душ крещёными на период 10-й ревизии записаны 265 душ мужского пола. Женского соответственно 258 душ крещёных. Из этого числа крещёного населения первое место по частотности занимают фамилии больших семейств Тюкавкиных, Чипизубовых, Корелиных. Много таких фамилий, как Аникиев, Антипов, Ведеников, Верхотуров, Галицкой, Голубков, Громов, Деревцов, Димов, Иванов, Каратаев, Ковригин, Лоншаков, Малышев, Муратов, Павлов, Пляскин, Полозов, Скобельцын, Свинин, Стуков, Тепляков, Титов, Черкасов, Шемелин, Шестаков, Шипунов. Старостой рода числился Василий Тюкавкин.

В Улятском роду по ревизии 1858–1859 гг. Шундуинской инородной управы всего было записано 508 мужского и 514 женского пола тунгусов, из числа коих некрещёными оставались 138 мужчин и 128 женщин.

Подобная ситуация обнаруживается и при анализе состава Намятского рода. Всего в роду записано 306 душ мужского и 240 душ женского пола. Из этого числа имеют «тунгусские» имена 145 душ, 123 женские души. Другая часть Намятского рода к 1858 г. имеет русскую антропонимическую систему.

В Челкагирском роду из 185 душ мужского пола 140 имеют исконные имена, из 146 душ женского пола 108 душ имеют языческие имена.

Тунгусы Долотского рода из общего числа мужчин в количестве 54 душ 40 оказались некрещёнными, из 59 душ женского – 36.

Дальнейший анализ архивных документов даёт основание сделать следующий вывод, который во многом проясняет ситуацию с «внезапным исчезновением тунгусского населения Нерчинска» [Уварова, 2006]. В последующее время численность родов уменьшается, и, наконец, в документах второй половины XIX в. уже нет упоминания о родах тунгусов. Вместо них появляются документы о «государственных крестьянах», приписанных в ведомства сереброплавильных и горнорудных заводов Нерчинска.

Согласно «Ведомости о вероисповедании Урульгинской степной думы Нерчинского округа» от 1840 г. [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 16], во всех управах думы все тунгусские роды исповедывали три веры (см. табл. 12).

Таблица 12

<i>Тунгусский геноним</i>	<i>Православные (мужского / женского пола)</i>	<i>Ламайской веры (мужского / женского пола)</i>	<i>Шаманской веры (мужского / женского пола)</i>
Княже- Дулигатский (Урульгинская управа)	77 / 55	2 / 4	18 / 26
Дулигатско- домуевский (Урульгинская управа)	15 / 9	2 / 9	19 / 26
Первудулигар- ский (Оловская управа)	310 / 262	40 / 40	-
Первудулигар- ский (Маньков- ская управа)	35 / 29	-	205 / 196

Втородулигарский (Маньковская управа)	52 / 77	-	96 / 103
Дуларский (Маньковская управа)	48 / 53	-	38 / 28
Вакасильский (Онгоцонская управа)	4 / 4	62 / 33	-

Статистика о состоянии вероисповедания тунгусов Урульгинской степной думы обусловлена, во-первых, экономической, политической и социальной политикой Российского государства. К Оловской управе были приписаны те роды тунгусов, чьи «породные земли» располагались в бассейнах рек Шилка, Нерча с выходом через реку Аргунь на Амур. Во-вторых, уменьшению числа тунгусов (*по разным управам – Р. Ж.*) способствовало обращение аборигенного населения в православие, которое поэтому и происходило быстрыми темпами, не встречая особого сопротивления ни извне, ни изнутри. А роды Онгоцонской инородной управы кочевали на территориях, пограничных с монгольскими степями. Как известно, Монголия, начиная с XV в., являлась форпостом «ламской веры».

Сопоставление генонимов и антропонимов тунгусского населения Даурии с онимами тюркоязычных этнических групп далёкого прошлого и настоящего Забайкалья позволяет восполнить лакуны, как в региональной ономастике, так и в этногенезе автохтонного населения региона.

Историк-исследователь Т. Б. Уварова в своём труде «Нерчинские эвенки в XVIII–XX веках» пишет, что «в XX в. каких-либо значительных перемещений коренного населения в Даурии не происходило, не отмечено здесь также событий, которые могли бы вызвать резкое сокращение численности жителей этих мест. Однако эвенкийское население “внезапно исчезло”».

«В начале XX в. из общего числа конных тунгусов лишь три группы продолжали именовать себя тунгусами и говори-

ли на родном языке: маньковские (в верховьях реки Газимур), борзинские (на реке Борзе, притоке Аргуни) – обе группы жили на территории бывшей Маньковской родовой управы – и джидинские, бывшие кучидские или еравненские (в южной части современного Баунтовского района Бурятии)» [Уварова, 2006, с. 36].

Этот факт «исчезновения» эвенков или тунгусов на территории Нерчинского округа возможно объяснить процессами ассимиляционного порядка, когда за весьма короткий период тунгусов и некоторую часть инородцев Нерчинского уезда посредством их русификации «превратили» в русскоязычное крестьянское население. К ревизии 1858 г. тунгусы Дулигатских родов имеют полностью русскую антропонимическую систему [ГАЧО, ф. 10, оп. 1, д. 17621].

С. К. Патканов ещё ранее писал по поводу ассимиляционных процессов коренного населения Сибири: «Принадлежность тунгусского племени зиждется у них лишь на различии в сословиях. Достаточно уничтожить условное деление жителей Сибири на сословные группы, и вся масса обруселых инородцев, в нашем случае половина всего тунгусского народа даже по имени станет русской» [Патканов, 1906], что, в принципе, и стало возможным к переписи 1926 г.

Представим данные об орочонах как этнических эвенках. В документе от 1840 г. имеется «роспись о бродячих оленных орочонах Бултегирского рода ведомства Урульгинской степной думы Нерчинского округа 1840 г.», где сказано о том, что в роду 24 мужского и 26 женского пола ороchon, оленей 200 штук, лошадей – 10. Кочуют на «устье речек Селинды, впадающей в реку Нерчу по течению правой стороною».

Любопытно описание оленных тунгусов: «Веры шаманской, которые состоят из шаманского толку, т. е. шамань от природы, пользуется сею наукою (?), чрез волшебство прыганье в огонь и разные движения, предсказывает прошедшее и будущее, чему инородцы из-за древней в них закоснелости в угодность им колют также животных (в случае – Р. Ж.) болезни, потери...».

«Нравы их по большей степени вспыльчивы и малодушны, впрочем, в обращении по обыкновению своему дружелюбны. Обычай их свойственный азиатцам, в отношении образования склонны к степному поведению, ведут кочевую жизнь войлочными и берестяными юртами. Переменяют свой стойба во всякое время года с места на место, не имея постоянного жилища. Къ работе и хозяйству не сходны и в отношении хозяйства неопытны.

...Промышленность их состоит частью звероловством, частью скотоводством, то и других в небольшом количестве. Образование в них совершенно не вкоренилось и ещё по большей частью придерживаются они по природе старинного поступка (*поведения?*) по неведению, недоразумению и закоренелых предрассудков» [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 16, л. 242–243].

Среди тунгусских родов Гантимура по исследованным архивным документам обнаружили три рода «бродячих» тунгусов – Бултегерский, Никаганский род бродячих эвенков и Никагирский род, 84 ревизские души которого были уже крещёными по описи 1858 г. [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 62, л. 19].

Старостой Никагирского рода записан Макар Максимов. В описи все тунгусы-орочоны записаны под русскими именами. Всего душ 84 человека (50 мужского и 34 женского пола душ).

Никаганский род перечислен из Якутского округа и переписан как «бродячие инородцы». Старостой записан Григорий Николаев. Все имена русские, мужского пола ороchon – 74 души, женского – 62 души. Для примера приведём выборочно следующие факты: Мокчоголь Юсов, а по крещению Василей Васильев; Мухотань Юсов по крещению Зиновий и т. д.

Бултегерский род бродячих оленных ороchonов со старостой Букачи Мунгеевым записан «бродящим» по реке Куэнге и её притокам. На реке Агита (правом притоке реки Куэнга) находится село с любопытным названием Букачача. По поздним документам известно, что по реке Агита кочевал Горбиченский род эвенков-орочонov. Сохранился ойконим Усть-Горбича по названию гидронима Горбича (правый приток реки Аги-

та). Следует отметить, что север Читинской области изобилует топонимами с топоформантом *-ча*, указывающим на то, что некоторые гидронимы и ойконимы образованы от мужского имени собственного (старосты или шамана рода). Потому ойконим *Букача-ча* может быть на деле отантропонимным топонимом, как и Горбица этнотопонимом от генонимного Горбиченский. К слову, есть и другие версии топонима Горбица, например, от эвенкийского *горба* – «мель» [Дыжитова, 2018].

В архивах сохранился документ «Ревизская сказка бродячих эвенков Никангского рода и Никагирского родов, перечисленных из Якутского округа, находящихся под ведомством Горбиченского сотенного командира, платящим государственной ясак» [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 62].

В приведённых именных списках Никагирского рода указано 50 душ мужчин и 34 женщины (крещёные), а вот Никанганский род более многочислен (74 мужчин и 62 женщины). Следующие фамилии и имена – Момчоголь Юсов, а по крещению Василий Васильев, «Мухотань Юсовъ», а по крещению Зиновий, Орос Танаев, сын его Боготкан, Исак Торговуль и т. д.

По всей видимости, все эти роды «бродячих» инородцев и представляют собой этнических эвенков, приписываемых иногда по той или иной ревизии к тунгусам Урульгинской степной думы. Анализ ревизских описей показал, что эти роды попадали не в каждую ревизию. Только по ревизии 1858 г. удалось их записать как «бродячих эвенков» Никаганского и Никагирского родов.

Возможно, что перечисленные по другим ревизиям 1840 г. 50 человек ороchon с 200 оленями и являлись Никагирским родом, пришедшим из пределов Якутского округа.

По ревизской сказке о бродячих ороचनाх Бултегерского рода ведомства Урульгинской степной думы от 1858 г. с большей степенью объективности можно предполагать об эвенкийском этническом начале ороchon (см. рис. 4). Так, нами выписаны в порядке сплошной выборки следующие мужские имена: Агани, Арцани, Багай, Баривуль, Беруни, Букача, Букачин, Газанчинь, Галачак, Гатавуль, Генивулов, Дагавуль, Дектани,

Доковуль, Дулдуни, Дыкивулов, Дымнъча, Евлани, Екавуль, Еркани, Жиривуль, Жолбони, Жувдини, Жулговуль, Ивреке, Игланча, Игрони, Иркенча, Калжани, Кацагар, Кивунча, Кидавуль, Констакинъ, Ленконов, Лукгирни, Магалча, Мельганиев, Могольту, Мунгуев, Мутуев, Намильту, Нидугунъ, Нолбуни, Олоний, Орговуль, Понтелей, Сандык, Сигенъ, Сонжуль, Тампинга, Таявуль, Теванча, Теванча, Тимольев, Тумканиев, Турмавулов, Турмавуль, Тъванча, Увульча, Уженка, Улинга, Хэлгия, Хэнки, Чолбонча, Чондовуль, Чумники, Юлгивуль, Ялгеев, Ялгей, Явулов.

Рис. 4. Семья богатого эвенка, «бродячих» насельников Сибири

Женские имена тунгусов-орочон: Алтакъ, Анна, Анчикъ, Апкакъ, Берукакъ, Булбикъ, Галакта, Гасавкакъ, Давика, Дарья, Даухбикъ, Домна, Емикокъ, Жалба, Жуданъ, Жургинъ, Имулбикъ, Интококъ, Катерина, Киракъ, Киркинъ, Китухакъ, Лугиркакъ, Марья, Моголокъ, Мукача, Намчикъ, Насимкакъ, Наукъ, Наталья, Нендекъ, Нидикакъ, Ниргикъ, Ниха/Нила, Норукакъ, Ончиокъ, Секасикъ, Сингекъ, Суикъ, Сукыки, Сунчикъ, Тавука, Танмакъ, Тунуль, Тунуль, Укулина, Уникъ, Унилокъ, Уримкакъ, Чукани, Эвенкекъ, Эленкекъ, Эмихекъ, Ярукакъ.

Первичный лексико-семантический анализ антропони- мии этого рода позволяет отнести Бултегерский род к орочо- нам. Типичное для эвенкийских мужских имён личных суф- фиксальное *-уль/-вуль*, а также *-ча*, характерное для мужских имён. В издании «Системы личных имён народов мира» об эвенкийских антропонимах сказано, что «имена имели типич- ческие окончания, из которых наиболее употребительными были *-ул (-уль)*, *-га*, *-кан (-чан)*, *-ей*, *-ни*, *-ча*, например, Дене- уль, Талтуга, Дюлекан, Миргачан, Тавиней, Набдани, Онгон- ча» [см.: Туголуков, 1989, с. 344].

Для женских имён типично суффиксальное окончание *-акъ/-екъ/-икъ/-окъ*.

Таким образом, следует признать неправомерным мнение о тунгусах Гантимура как только этнических эвенках или эве- нах, оленеводческий тип хозяйствования (см. рис. 5) которых явно отличен от типа хозяйства у кочевых и осёдлых тунгусов Урульгинской степной думы, которые разводили скот и даже верблюдов, занимались «звероловством» и, по-нашему, рыбо- ловством и земледелием.

К 1848–1849 гг. по ведомству Урульгинской степной думы инородцев кочующих было 3931 мужчин и 3404 женщин. В число кочующих включены осёдлые господствующей веры (по-видимому, крещёные) 2458 мужчин и 2373 женщины. Ламской веры мужчин 2925 и 1980 женских душ. Шаманской веры придерживались 1200 мужчин и 1029 женщин [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 39, л. 115].

Крестьян, обращённых в казаков, было всего соответ- ственно 51 мужчина и 56 женщин. Казаков прежнего соста- ва насчитывалось соответственно 19 и 16 женщин. Купцов 2-й гильдии 7 и 6; 3-й гильдии – 57 и 65. Мещан было 41 муж- чина и 45 женщин, дворян – 3 и 2 соответственно. «Духовен- ство белое» составляло следующее половое соотношение: 34 мужчины и 19 женщин.

Из этой статистики возможен следующий вывод, что, несмотря на усилия государства, население Забайкалья исповедовало разные веры и религии, сохраняя при этом своё исконное шаманское начало, постепенно оставляющее свои

позиции под напором буддизма и православия. Вполне естественно, что эти процессы повлияли и на становление антропонимикона как у русского населения Нерчинска, имеющего тунгусское происхождение, так и у бурятского, исповедующего буддизм и имеющего по этой причине тибет-монгольские имена собственные.

Рис. 5. Эвенки верхом на оленях

В архивах ГАЧО сохранилось «Дело о представленных сведениях Доктору философии 8-го класса Алекс Хрестьяновичу Кастрену 27 апреля 1848 г.» [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 39], в котором Правление Урульгинской думы составило доста-

точно подробное описание населения, хозяйственного уклада, вероисповедания, вплоть до количественного указания имеющегося скота. К Урульгинской инородной управе относились следующие тунгусские роды: *Теленбинский, Мунгальский, Кельтегирский, Дулигатский, Дулигатско-домуев, Яравнинский* и *бродячие орочны*.

Теленбинские тунгусы кочевали по рекам Кручина, Урульга, Нарын Талача и прочим, впадающим в реку Ингода. Мунгальский род – при речке Улдурге и урочищу Поварня, Дулигатские тунгусы – при речке Нарын Талача, Поварне. Смежные урочища по реке Ингоде занимал род Дулигатско-домуев, Яравнинские кочевали при озёрах Яравнинском и Теленбинском, по урочищам Сахалтуй, по рекам, впадающим в реку Чита. Орочны, по-видимому, появлялись в урочищах и падах севернее от реки Нерча. В означенной инородной управе из государственных властных структур была только на это время Степная дума, Урульгинская инородная управа, один начальник тунгусских родов, три заседателя при Степной думе. Православное духовенство было представлено восьмью священнослужителями, которые несли службу в деревянной церкви (одна церковь).

В этом же документе дано количественное отношение инородцев крещёных и некрещёных (см. табл. 13).

Таблица 13

<i>№ п/п</i>	<i>Название рода по переписи 1831 г.</i>	<i>Всего душ</i>	<i>Некрещёных</i>	<i>Крещёных</i>
1	Бродячие орочны	24	24	0
2	Теленбинский	109	23	86
3	Мунгальский	102	23	79
4	Кельтегирский	43	14	29
5	Дулигатский	97	23	74
6	Дулигатско-домуевъ	32	21	11
7	Яравнинский	79	55	24
По Урульгинской инородной управе		490 душ	183 души	307 душ

Количественный состав населения самого крупного инородческого образования тунгусов Забайкалья, такого, как Урульгинская инородная управа позволяет утверждать о скорой христианизации аборигенного населения. Данная статистика и количество крещёных и некрещёных тунгусов позволяет восстановить схему обращения населения в православие не только в количественном отношении, но и в пространственном. При сопоставлении цифр отчётливо видно, что те родовые объединения, которые обитали ближе к центру управы и Степной думы, количественно более скоро подверглись христианизации, нежели те, которые кочевали в урочищах и падах, пока недостижимых для священнослужителей.

Смена вероисповедания части населения не отразилась ещё на хозяйственно-бытовом укладе. В Урульгинской инородной управе общее количество «юрт войлочных и деревянных» составляло 118 штук. Верблюдов эти роды не разводили, коней было – 1062 головы, рогатого скота – 1755, баран и коз – 1692, оленей – 165. Всего «живности всякой» насчитывалось 4674 головы.

Заметим, что 24 души ороchon владели 165 головами оленей, что позволяет подсчитать примерное число семей эвенков. Возможно, эти олени принадлежали четырём или пяти семьям, если считать примерное число членов средней семьи из четырёх человек. Значит, у одной семьи могло быть до 30 голов оленей. Прокормить эти стада, кочуя только в пределах Думы, большая часть которой представляла равнинные, степные места, не представлялось возможным. Необходимо было «бродить», задерживаясь со стадом на 5–6 дней на месте оленного пастбища, да и то по северным, смежным с Якутией районам, богатым ягелем.

Самой значимой по величине и количественному составу населения в Урульгинской степной думе была Оловская инородная управа, которая находилась от Нерчинска на расстоянии 80 вёрст и состояла из восьми родов: *Первудулигарского*, *Второбаягирского*, *Кельтегирского*, *Почегорского*, *Узонского*, *Сухановского*, *Городового* и *Нероновского*. «Все сии роды кочуют и имеют жительство при реке Шилке, по разным ре-

кам, впадающим в оную реку, Олову, Кугиче, Курлыче, Шивье, Кулинде, чаще Олекану, Торге, Торгоконь, Кие, Киекану, при речке Нерче, впадающей в реку Шилку». Православное духовенство составляло уже 16(!) священнослужителей, было построено три каменные церкви, одна деревянная. Юрт насчитывалось в Перводулигарском роду 152 единицы, по всей управе дополнительно – 118.

Всего душ ясачного населения в Оловской управе было 1584 души, крещёных – 1486 человек, некрещёных – 98. К 1848 г. все 350 душ Перводулигарского рода были окрещены и, соответственно, уже имели русскую антропони-мическую систему. Из 184 человек Второбаягирского рода 173 души были приведены в православную веру. Полностью были христианизированы Сухановский (269 душ), Городовой (352 души) и Нероновский роды (61 душа). Верблюдов не разводили, коней насчитывалось 2307 голов, крупного рогатого скота – 3598, баран и коз – 5304 единицы. Всего скота насчитывалось 11 209 голов.

В Шундуинской инородной управе население насчитывало всего 810 человек, из которых 315 душ было крещёных, 495 – некрещёных. В управе состояли роды *Улятский*, *Челкагирский*, *Наматский* и *Долотский*. Юрт войлочных и деревянных насчитывалось по всей управе 152 штуки, в Улятском – 310. У тунгусов этих родов имелась только одна инородная управа, церквей и кумирен не было. Тунгусы этой управы имели «жительство и кочёвки при урочищах Тургинском, Камгикуйском, Шундуинском. Кочуют по реке Онону и сопке Гулаевой, по правую сторону Онона с отпадками до устья пади Мухор-Булаку и выше Коточеевской, по речкам Бырке и Билектую». В Улятском роду крещёных было 131 душа, некрещённых – 237, всего – 368 душ. В Челкагирском всего человек было 180, из них некрещёных – 88, крещёных – 92 человека. В Наматском роду (206 душ) крещёных – 64, некрещёных было – 142. В Долотском при общем количестве 56 человек половина была окрещена (28), а другая половина из 28 душ – некрещёные.

При сопоставлении количества скота обнаруживается следующая закономерность, а именно – некрещёное большин-

ство населения разводило и больше скота. Эта особенность тунгусского населения Шундуинской управы объяснима также и природно-хозяйственными условиями обитания – урочища и пади Приононья – это лесостепная и степная зоны, пригодные больше для разведения скота. Верблюдов было 43 головы, коней – 2120, рогатого скота – 2955, коз и баранов – 2483 единицы. Всего голов скота в Шундуинской управе было 7601 голов.

В состав Маньковской инородной управы, расположенной в юго-восточной стороне от Нерчинска на расстоянии 216 вёрст, входили роды *Первобаягирский*, *Второбаягирский*, *Перводулигарский*, *Втородулигарский*, *Намятский*, *Чипчигирский*, *Дуларский*, *Конурский*, *Долотский*. Тунгусы этих родов «жили в пади Калгукане, речке Борзе, Алдонде, Биликтую, Норой Горолаку, Урулюнгую, при устье пади Куркуры, от тунгусского брода до речки Урулюнгую, Большому Кондую, Капшигиру, озёрам Цаган Оноре и Килусугаю, по падам Будиакану и по речке Борзе, падам Дусуркае, Зурукчине и Куркыре» [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 39]. Некрещёная часть тунгусов составляла по всей управе 841 душу, крещёных – 539 человек, а всего населения было – 1480 человек. Скота разного вида было 19 512 голов, из них: верблюдов – 54, коней – 3658 голов, рогатого скота – 4910, коз, баранов – 10 950.

Церквей и кумирен в Маньковской управе на это время нет.

К Кужертаевской инородной управе, которая располагалась в юго-западной стороне от Нерчинска на расстоянии 310 вёрст, были приписаны *Узонский*, *Тукчинский*, *Баликагирский*, *Гуновский* и *Чимчагирский* роды. Жители воевали эти тунгусы «при реке Ононь на устьях впадающих в оную речкам и урочищам Калтыгею, Адагулике, Кужертаю, Тарбальжею и прочим падам» Приононья.

Крещёного населения меньше, чем в других управах: в Узонском крещёных – 96, некрещёных тунгусов – 481; в Тукчинском соответственно 47 и 177 душ, в Баликагирском – 26 и 52 души, в Гуновском роду – 12 и 229 человек некрещёных,

в Чимчигирском – все 44 души некрещёные. Очевидно, что некрещёные тунгусы подвергались буддизации, т. к. в управе было 4 кумирни, лам – 166 человек, хуvaraков – 37. Общее количество юрт составляло 230 единиц. Скота разного вида было в управе 17 134 головы, из них верблюдов – 45, коней – 3123, рогатых – 3485, коз и баранов Калгукан 10 481 единиц.

В Онгоцонской инородной управе, расположенной на юго-западной стороне от Нерчинска в 305 верстах, насчитывалось три рода тунгусов: *Сартоцкий*, *Вакасильский* и *Люникерский*. Кочевали эти роды по рекам Акша, Кыра, Былыра, Курульга и Бырца. Была одна кумирня, лам насчитывалось 38 человек, хуvaraков (послушников) – 21.

Соответственно этой статистике крещёных было меньшинство: в Сартоцком из 436 душ только 8 человек считались крещёными, из 66 человек Вакасильского рода только 6 человек были крещёными, а в Люникерском все 251 человек были некрещёными. Данный факт означает, что тунгусы этих родов к этому времени были, вероятно, приведены «в ламскую веру» и имели, вероятно, тибет-монгольскую антропонимическую систему.

В отношении такого показателя, как скотоводство, данные этого документа свидетельствуют, что коней более всего разводили тунгусы Сартоцкого рода (1245), вакасильцы (493), менее всех – 136 голов – Люникерский род. Всего по управе коней было 1874 головы, рогатых – 1283, баран и коз – 2769. Верблюдов в Онгоцонской управе, по-видимому, не разводили.

В Урульгинской степной думе к 1848 г. было инородных управ 6, православного духовенства 24 человека, лам – 204 человека, хуvaraков – 58, каменных церквей – 3 единицы, деревянных церквей – 2 штуки, кумирен – 5. Крещёных тунгусов всего по думе было 2842 души, некрещёных – 3339. Всего населения насчитывалось 6281 человек. Верблюдов – всего 142 головы, коней – 14 144, рогатого скота – 17 986, баран и коз – 33 679, оленей – 165 [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 39].

Данная статистическая ведомость наглядно отражает культурно-хозяйственную картину, сложившуюся в XVII–

XIX вв. в Забайкалье. Вопреки сформировавшемуся в отечественной историографии мнению о том, что тунгусы Забайкалья – это эвенки в прошлом, следует оспорить это убеждение, приведя некоторые соображения по этому поводу.

Во-первых, представленные по ведомости цифры и особенности хозяйственного уклада тунгусов Урульгинской степной думы свидетельствуют совсем о другом, а именно, что наличие 165 оленей, которых имели бродячие ороконы Урульгинской инородной управы, не может быть тем основанием, которое позволяет считать всех тунгусов эвенками.

Во-вторых, основная часть тунгусов, как видно по цифрам, разводили и занимались скотоводством, и, прежде всего – коней и лошадей. В-третьих, православное духовенство и буддийские ламы и хуараки составили серьёзную конкуренцию традиционной вере тунгусов – шаманизму. Христианизация и буддизация, вероятно, и явились теми основными факторами «исчезновения» тунгусов Забайкалья и «появления» русского старожильского населения и бурят-буддистов.

Эвенки или ороконы, как они названы в документах ГАЧО, «бродили» со своими стадами оленей на северо-восточных территориях, прилегающих к ведомству Урульгинской степной думы. Ранее мы уже привели сведения о том, что к Урульгинской инородной управе были приписаны бродячие ороконы, «числом 24 души». И именно бродячие ороконы по народной переписи 1831 г. (24 души) считались некрещёнными.

В другом документе, где имеются именные списки тунгусов по переписи 1831 г. со сведениями о тех, кто в каком роду уже считался крещённым, имеется название бродячих ороконов – «Бултагерского роду бродячих ороконов некрещённых» 30 душ. Приведём их имена: «Мунгей, Букача, Умдана, Дамканка, Елданга, Умдагита сынъ Тыркелту, братья ево Данбура, Вамчига; дети Вамчиговы – Симканви, Кералту, Галганча, Самчинга; Мунивуль, Канденчи, Мынгевуль, Дочиуль Ерапчев, сын ево Кигниваль; Томоаль Топдыгиевъ, дети ево – Сылдавуль, Юмавуль, Бавчунга Топоргиевъ...» [ГАЧО, ф. 29, оп. 1, д. 7, л. 20–21].

В этом же документе имеется «объяснение» по поводу следующего: «...учинить таковой списокъ из народной переписи, составленной 1763 г. Но таковой переписи как евоной управы так равно, у рода сего староста Букачи Мунгеев из прежде бывших родонаачальников, и из числа которых много померло и не оказалось, и какое количество состояло в одном роде по той 1763 г. переписи в докладе мужского полу ни старосте Мунгуеву, ни родовичам не известно».

«...Бродят по рекамъ олякмъ (*Олёкме – Р.Ж.*), витиму, нерча и халакану и по впадающимъ в оныя реки по обеимъ ихъ сторонамъ. Раньше бродили слободно (*орфография сохранена – Р. Ж.*), а нына чувствуютъ в промысле упадок как пушных, так и надобных большой противъ прежних промыслов недостатокъ, ибо по темя самымъ местамъ промышляютъ зверей ежегодно в осенние времена в значительном количестве сословия люди как то нерчинска, купцы, мещане, начальства Горной Экспедиции, заводские купцы и крестьяне, также станичные казаки...» [ГАЧО, ф. 29, оп. 1, д. 7, л. 20–21].

В фондах имеются документы, описывающие посредством составленных отчётов, докладов, прошений, следующую картину о состоянии дел со сбором ясака. В ответ на прошения, в которых, к примеру, говорилось: «...Многия пришли в несостоятельность оплачивать... государственных податей и прочих денежных повинностей [ГАЧО, ф. 29, оп. 1, д. 7, л. 57].

В результате появляются следующие документы. «Комиссия для составления окладных ясачных книг Восточной Сибири в 1827 г. учреждённая на основании данного ей наставления определила, и члены родового управления с почётными и лутшими родовичами приговорили: вместо подати 1763 г. впредь вносить ежегодно в доходъ Его Императорского Величества: денгами съ родовъ – Культегирские – 66 рублей, Мунгальского с приписными Сартоцкими – 168 рублей, Телембинскаго – 186 рублей, Еравнинскаго – 139 рублей, Князе-Дулигатского – 150 рублей, Дулигатского домуева – 69 рублей, бродячихъ ороочонов 14 душъ – 100 рублей. Итого – 871 рубль. Председатель

Комитета Надворный Советник Андрей Пятницкий. Члены: маркардеръ (*маркшейдер – Р. Ж.*) Таскин, шихтмейстер – (*неразборчиво – Р. Ж.*)» [ГАЧО, ф. 29, оп. 1, д. 7, л. 57].

Известно, что такие названия, как маркшейдер и шихтмейстер – это именованя чинов у горных инженеров. Так, маркшейдер – это горный инженер или техник, специалист по проведению пространственно-геометрических измерений в недрах земли и на соответствующих участках её поверхности с последующим отображением результатов измерений на планах и картах, шихтмейстер – низший чин горной табели о рангах (XIV класс). Соответствовал коллежскому регистратору гражданской службы или подпрапорщику военной.

Очевидно, что быть бродячим тунгусом было крайне невыгодно, т. к. по этому документу видно, что орочам 14 мужских душ надлежало выплатить гораздо большее количество ясака, чем, к примеру, тем тунгусам, которые «сидели» на своих породных местах и не уходили на другие территории.

И содержали оленей только эти два рода бродячих ороchon, тогда как другие тунгусы занимались коневодством, скотоводством, рыбной ловлей и охотой.

В другом документе от 1830 г. имеются расписки родовых старшин с печатями о сданных податях. «Репорты старост родов, внёсших деньги. Кельтегирского – Никон Степанов. Мунгальского – Роман Яковлев. Телембинского – Егор Александров. Еравнинских – Осип Минин. Князе-Дулигатского – Ларион Яковлев. Дулигатско-домуева – Балдан Бакинчу. Бродячих оленных ороchonов Бултегерского роду старшина Букачи...» [ГАЧО, ф. 29, оп. 1, д. 6, л. 42].

По всей видимости, старшиной рода оленных ороchon является тот самый Букача Мунгуев, имя которого упомянуто в переписи 1831 г. И те 30 ороchon, которых с женщинами, возможно, было около 40–48 человек всего, «бродили», т. е. передвигались со своими оленями, изредка выходя раз в год на места сугланов, где их и старались поймать сборщики ясака.

Другим важным аспектом является разрешение вопроса о промыслах и о типе хозяйствования тунгусов Гантимура.

И в этой стороне жизни тунгусского населения вырисовывается очевидная разница среди бродячих, кочующих и осёдлых тунгусов.

В документе от 1844 г. общее количество населения Урульгинской степной думы составляло всего 5582 человека, где в Урульгинской управе было 466 душ «кроме бродячих 24 душъ ороchon» [ГАЧО, ф. 29, оп. 1, д. 6, л. 84]; в Оловской – 903; в Шундуинской – 815; в Маньковской – 1481; в Куржераевской – 1164; в Онгоцонской – 753 души тунгусов.

Этот документ даёт сведения о «состоянии хлебопашества по ведомству Урульгинской степной думы», где на 5582 души ясачного населения приходилось 1569,5 запашных десятин. Из этого следует, что тунгусам Гантимура было известно земледелие как таковое, включая и хлебопашество.

Ранее мы приводили слова исследователей Магидович о том, что «Прослышав о приближении нового отряда казаков, дауры оставляли селения и уходили. Казаки находили брошенные селения в сотни домов и большие хлебные запасы...». Можно понимать это как косвенное свидетельство о наличии земледелия у дауров, а значит и у тунгусов Гантимура. Об этом свидетельствуют и архивные данные: «Помимо основных занятий – скотоводства, коневодства, звероловства и рыболовства – отмечается и хлебопашество, огородничество (“в малом виде”)). А также упомянуто о том, что «посевы льна и конопли по тунгусскому ведомству не производится, хотя в некоторых местах засеивается конопли в малом количестве только для домашнего обихода...» [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 56, л. 118].

Эти крупицы документированных фактов позволяют усомниться в общепринятом эвенкийском начале тунгусов Гантимура, т. к. виды основных занятий убеждают в ином, противоположном от оленеводческого типа хозяйствовании. По-видимому, и огородничество, и хлебопашество было знакомо какой-то части тунгусов, пусть и в незначительном виде, учитывая климатические особенности Забайкалья. Упоминается о земледелии у дауров. Ещё в середине XVII в. русские казаки-первопроходцы В. Поярков и Е. Хабаров сообщали,

что «в отличие от других народов, дауры Амура и Зеи па- шут землю и возделывают “шесть хлебов”, а именно рожь, пшеницу, ячмень, овёс, просо, гречиху... выращивают также полевой горох, огурцы, мак, чеснок, бобы, арбузы, дыни... занимаются садоводством, возделыванием яблоч, груш и оре- хов, русских и грецких» [Цыбенков, 2012, с. 119]. Это значит, что тунгусам Гантимура как бывшим даурам было известно земледелие.

В документе «Именной список Балакагирского рода, о со- стоящем в оном крещёных ясашныхъ» записано, что «при реке Онон в деревне Шаранай, где стоит караул Бухаинский, две семьи имеют хлебопашество, а шесть семей заняты разными хозяйственными делами» [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 2, л. 41]. Те же сведения даны в отношении Перводулигарского рода, где «тунгусы этого рода занимаются частью скотоводством, хле- бопашеством и промыслом зверей. Некоторые семьи только звериным промыслом. Часть живёт в деревне, часть юртою по реке Каренге (ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 2, л. 58–59). Часть юртою по реке Кие – семья Гаврилы Лисишникова, семья Девилтуя Миткина, семья Буянту Магилтуепа живёт юртою по реке Кия и занимается звериным промыслом». Очевидно, что тунгу- сы Гантимура имели разные занятия, включая и земледелие, и рыбные и охотничьи промыслы. Например, в Кельтегирском роду отмечено занятие хлебопашеством у 44 семей, тогда как остальные 64 семьи заняты иными промыслами. Крещёные тунгусы «кочуют по реке Зульзя в юртахъ семьи Ванчика Те- леропа (жена Гунжалунъ Баридина) с детьми Бералтуем, Ни- кулаем, Данжином, Санданом и Жерантаем и дочерьми Эда- лунъ, Анка». «Ясак платят деньгами, занимаются хлебопаше- ством и звериным промыслом».

Отмечено занятие хлебопашеством у тунгусов, кочую- щих по рекам Агита, Горбица, Укырей, Ульдурга. Тунгусы Почегорского рода также заняты частично хлебопашеством, «занимаются возделыванием земли и звероловством» по реч- кам Торга, Козеру и Кучигару, «подать платят деньгами». Тун- гусы Узонского рода «кочуют по реке Турге, летнее кочевье по речке Илике; занимаются скотоводством и хлебопашеством».

Тунгус этого рода Иван Попов «находится у разных людей постройками», Софрон Щёголев, кочует по реке Торга и занят промыслом и т. д.

Дополнительным основанием для подобного суждения служит и то, что смена конфессиональной принадлежности тунгусов Забайкалья при активном воздействии государственной власти послужила одним из действенных факторов смены не только этнической принадлежности тунгусов Гантимура, но и образа жизни.

Ясачных инородцев приходилось привлекать и к самообеспечению хлебом, т. к. привозить, доставлять хлеб из других регионов Российской империи в Даурию было крайне нерентабельно. В этих целях создаются хлебные экономические магазины при управах, призванные содействовать государственной политике «склонения» инородцев к власти, а также тому, «чтоб ясашные не удалялись» в соседние с Забайкальем территории. Для обеспечения магазинов хлебом необходимо было приучить местное население земледелию, что, в свою очередь, обязывало их перейти к осёдлому образу жизни. Осёдлых инородцев, исповедывавших к тому же каноны православия, было для власти удобнее и безопаснее иметь в своём государстве, нежели «бродячих» и кочевых, способных в любой момент покинуть пределы государства и, таким образом, «изменить» ему.

В документе «Налоговые документы. Сведения о родившихся и умерших. Материалы об избрании заседателей в думу, ведомства, об оспопрививании, состоянии хлебных запасных магазинов...» сохранился текст «Указа Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Иркутскаго Губернскаго Правления вновь избранному и утверждённому в Узонский род ведомства Князя Гантимурова старшине Тихону Холмогорцеву» [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 4, л. 348]. По стилевым особенностям этот документ представляет собой инструкцию наказного характера. «...Принуждать, чтобы они (*подчинённые – Р. Ж.*) неленостью упражнялись в звериных промыслах, дабы могли положенный ясак в казну платить в совершенной исправности... стараться тебе само-

му обзавестись по обыкновению русских крестьян домовым строением, которое послужит лучшим убежищем зимою от стужи, а летом от воздушных перемен, каковым вы в юртах своих беззащитно подвергаетесь.

...А для лучшего пропитания сверх обыкновенного звериного промысла стараться особенно о заведении и распространении пашен на посевь всякого роду хлеба, и радении скотоводства, употребив к тому наисильнейшее попечение, от чего не только сам ты со своим семейством лучшее спокойствие и продовольствие иметь можешь, но тем покажешь и другим ведение своего родовичам полезной примерь, что они ревнуя оному без принуждения, по собственной своей воле заведутся домостроительством и пашнею, что принесеть общую пользу... кто из подчинённых или родовичей явится нерачительны, таковых наказывать... 24 дня 1828 г.»

Таким образом, имперская власть буквально насаждала иной образ жизни, убеждая и принуждением, и пропагандой «русского» образа жизни – строить дома, сеять хлеб, заводить пашенные угодья.

По отчёту от 1852 г. видно, что господствующей верой среди тунгусов стало православие. И православие обусловило «превращение» ранее кочующих тунгусов в осёдлое население. Появляется так называемое крестьянское население, которое наделяли статусом «казаки». Постепенно в документах появляются данные о крестьянах, обращённых в казаков, например, 51 мужчина и 56 женского пола. Казаков прежнего состава насчитывалось соответственно 19 и 16 женщин.

Документы, датированные 1852 г., дают цифры о наличии купцов Нерчинска 2-й гильдии 7 человек мужского и 6 женского, т. е. купчих, а также цифры о наличии купеческого сословия 3-й гильдии – всего 132 человека (57 мужского и 65 женского пола). Появилось мещанское сословие (41 мужчина и 45 женщин) и так называемое дворянское – 5 человек (3 мужского и 2 женского пола). Много было православных священнослужителей – 34 мужского и 19 женского пола.

Любопытно, что в изученных документах ГАЧО XVIII–XIX вв. не используется этноним «буряты» или «хори-буряты».

В большинстве документов нами зафиксировано определение «инородцы» (под которыми, по-видимому, и следует понимать бурят) и «тунгусы». Это возможно трактовать как то, что под этнонимом «тунгус» подразумевалось, во-первых, отличающееся от инородцев-бурят и языком, и антропологическими данными, некое население с кочевым укладом быта.

Во-вторых, тунгусы представляли собой и такую часть населения, которую было легче подвергнуть христианизации в силу их же религиозно-конфессиональной «шатости» или же в силу иных обстоятельств. В-третьих, в архивных документах встретилось описание хозяйственно-бытовой деятельности тунгусов, которая, естественно, была отличной от оленеводческого типа хозяйствования. Да и самих оленей насчитывалось всего 165 единиц при более 10 000 тунгусском населении, что явно несопоставимо с точки зрения условия рентабельности хозяйства.

Поэтому немаловажным фактором, подтверждающим нашу гипотезу о наличии каких-то иных этнических компонентов в среде тунгусов Гантимура, является и скоротечная христианизация тунгусов Гантимура, повлекшая за собой последующую русификацию. Известно, что колонизация Сибири сопровождалась обращением инородцев и тунгусов в православие, как одним из условий присоединения сибирских территорий к России. Крестили почти всех, особенно те народы, которые традиционно исповедывали шаманизм как языческое верование, изначальное для всех народов и народностей разных исторических эпох на разных территориях Европы, Америки, Азии и других континентов.

Сибирские народы, большие и малые также испытали это на себе. Почти всё этническое население Якутии на период проникновения русских миссионеров было приведено в православие. Не избежали этого и эвенки, кочевавшие на северных, смежных с Якутским уездом, территориях Нерчинска.

Известно, что инородческо-бурятское население ещё с XVI в. исповедывало ламаизм, что повлекло смену их прежней антропонимической системы на тибет-монгольскую [Жамсаранова, 2009]. Инородцы-буряты в силу и своего но-

мадного быта, и культуры, и религиозных предпочтений были прочнее связаны с населением Монголии, беспрепятственно перемещались до протяжения границы в пределах территорий Монголии и исторической Даурии.

Поэтому в силу их политической неблагонадёжности данный Указ об условном делении всех инородцев на категории явился одним из первых официальных документов, который, дифференцируя народонаселение Нерчинского уезда согласно их образу жизни, предоставил в последующем реализацию гибкой имперской политики в отношении инородцев. Приграничное положение Нерчинского уезда служило условием особого положения кочевых родов, к которым применялась политика относительной лояльности. Подобные исторические прецеденты наблюдались среди хори-бурят вплоть до 1917 г., когда целые улусы уходили со скотом и скарбом в соседнюю Монголию. Правительство вынуждено было не строго взыскивать с них ясак и повинности, пытаясь таким образом «склонить» их на свою сторону.

Положение тунгусов под предводительством князя Гантимура было несколько иным. Тунгусы оказались в немилости у своих «родовичей» с маньчжурской стороны и потому были вынуждены искать расположения у новоявленных «хозяев», требующих ясака.

К тому же, та часть тунгусов, которую Указом квалифицировали как «бродячих» или «ловцов» и которых было нелегко застать на одном месте для обложения их ясачной повинностью, и являлась, по-видимому, эвенками или ороचनाми.

Ранее мы уже упоминали о том, что «бродячий» образ жизни ороchon и обусловил появление таких указов о розыске бродячих тунгусов, переходящих с одного ведомства в другое, как дела «О розыскании бродячих тунгусов Баунтовского ведомства, удалившихся в Нерчинский округ 53 душъ» от 1848 г.; «Приказ о даче данных о бродячих тунгусах, удалившихся в Нерчинский округ»; «Списокъ 20 душъ отошедших из Баунтовского Кондигирского рода тунгусов»; «Список отошедших из Баунтовского Чилчагирского рода тунгусов в Округъ, всего 33 души обложенных ясаком, отошедших в 1844 г.» и др.

Эти перемещения «неблагомыслящего» населения не могли остаться незамеченными властью, обеспокоенной, прежде всего, сбором ясака. Сбор ясачной повинности являлся основным в деятельности каждой Степной думы. Именно этим фактом и обусловлен Указ императора от 1828 г., в котором предлагалось местным властям «...дабы восстановить совершенное спокойствие инородцев, нарушающееся от зловредных действий одних неблагомыслящих из среды их, предлагает Губернскому Правлению предписать всем Земским судам и инородным управлениям пяти уездов Иркутской Губернии, чтоб отнюдь никто из инородцев не осмеливался искать без законных причин переводовъ из одного рода или ведомства в другое, и что в противном случае, если кто из них будет просить о сем, и просьбы их по точном удостоверении окажутся несправедливыми, виновные в семъ, или нарушители общественного спокойствия будут подвергнуты строгому законному взысканию...» [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 4, л. 132].

Данный Указ сохранился в документе «Налоговые документы. Сведения о родившихся и умерших. Материалы об избрании заседателей в думу, ведомства, об оспопрививании, состоянии хлебных запасных магазинов...». Текст «Указа Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского изъ Иркутскаго Губернскаго Правления вновь избранному и утвержденному в Узонский род ведомства Князя Гантимурова старшине Тихону Холмогорцеву» [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 4, л. 348] и его стиливые особенности позволяют считать данный документ инструкцией наказного характера, понуждающего заниматься и охотой, чтобы уплатить ясак. К тому же советовалось построить деревянный дом «по русскому обычаю», а также особо стараться «о заведении и распространении пашен на посевъ всякого роду хлеба, и радении скотоводства». Документ датирован «24 дня 1828 года».

Известно, что пашенным земледелием, как и скотоводством, эвенки никогда не занимались. А по этому документу можно сделать вывод о том, что тунгусы Узонского рода Гантимура занимались охотой, жили в юртах и сеяли хлеб.

К тому же становится понятным, что в обмен на некоторые послабления и привилегии тунгусам Гантимура навязывался «русский» образ жизни.

Хорошо усвоив зависимость тунгусов от мнения их родоначальника и их «преданную покорность», власти посчитали необходимым усилить предписания по введению иного образа жизни тунгусам посредством издания наказа-инструкции. Если шло непослушание этому Указу, следовало наказание в виде штрафов, обременения поборами и повинностями, вплоть до угрозы отлучения от православной веры новокрещённому инородцу.

В архивном документе «Нерчинское горное правление. Статистические ведомости инородческих управ Нерчинского округа» от 1839–1840 гг. имеются следующие сведения. «По форме 8-й ведомость Онгоцонской инородной управы за 1839 год»: «... Селениев на русский обрядъ 1; инородная управа без общественного устройства – 1; экономический магазинъ – неть; домов обывательских – 5; юрт войлошных – 118; юрт деревянных – 47; церквей неть; кумирен (буддийский дуган) – 1, к оной пристроены наподобие часовен небольшие – 3; мельниц неть; питейных – неть» (*орфография документов сохранена – Р. Ж.*). Подпись – «выборной Цевыкъ Ширапов» [ГАЧО, ф. 31, оп. 2, д. 89, л. 6].

В другом документе этого же дела «1-а ведомость Нерчинского округа ведомства Маньковской инородной управы, отделение 1-е за 1839 г.» даны следующие сведения: «Духовенства белого – неть; дворян – неть; отделение 2-е: состоящие податных: земледельцев – 786 мужского пола, 770 женского пола; торговых – неть; кочевых християнь – 496 мужского пола, 420 – женского; кочевых инородцев – 501 мужского пола, 480 – женского; бродячих инородцевъ – неть» [Там же, л. 13]. Всего народонаселения по Маньковской управе записано в документе 1483 человека мужского пола, 1370 – женского.

Продолжение статистического обзора по Маньковской инородной управе даёт следующую картину: «Селений на русский обрядъ – 4; инородная управа – 1; магазин общественный – 9; домов обывательских – 230; юрты войлочные – 270;

юрты деревянные – 1; церковей греко-римского исповедания – неть; в степных улусах кумирен – неть; ламских деревянных – неть; кузниц – 4; мельниц водяных, мутовчатых – 4; конных – неть» [Там же, л. 15].

Согласно «Табелю народонаселения Нерчинского округа Оловской инородной управы» за 1839 г., «торговых податных – неть; осёдлых податных – неть; кочевых христиань – 120 мужчин и 118 женщин; земледельцов христиань – 762 мужского пола и 610 женского; кочевых инородцев – 180 мужского пола и 165 женского; бродячих инородцевь – не имеется [Там же, л. 20]; селений по русскому обряду – 4; инородная управа – 1; экономический магазинь – 5; домов обывательских – 101; церковь – неть; кумирен – неть; мельниц мутовчатых – 2; юрт войлочных – 4; юрт берестяных – 70» [Там же, л. 22].

В Кужертаевской инородной управе значилось «земледельцов – 265 душ мужского пола и 259 женского; кочевых (теперя) христиан – 11 мужского пола и 12 женского; кочевых инородцев – 888 душ мужского и 844 женского полу (итого 1164 мужского и 1117 женского полу); селений по русскому обряду – 3; инородная управа – неть; магазейновъ общественных – 5; домов обывательских – 25; кумирен деревянных – 4; тунгуских юрт войлочных – 537; тунгуских юрт деревянных – 26; ледник деревянный – 1; прочего не имеется» [Там же, л. 22–23].

Анализ этих документов показывает, что, во-первых, устройство быта тунгусов Урульгинской степной думы по подобию русского образа жизни по разным управам становится уже почти нормой. Появляются «селения на русский обрядъ» с постройками «домов обывательских», постепенно вытесняя юрты, общественные магазины или как в некоторых документах «экономические» или хлебные магазины, которых ранее не было у тунгусов.

Во-вторых, появляются такие новые понятия, как «кочевые христиане», в противовес «кочевым инородцам», что обусловлено процессом обращения в православие или «христианство» тунгусов Гантимура.

В-третьих, в этих инородных управах отсутствует такая категория тунгусов, как «бродячие инородцы», под которыми можно понимать эвенков. Полагаем, что таковые были в ведении Урульгинской инородной управы как два тунгусских рода, однако, в этом деле отсутствуют данные по этой управе.

В-четвёртых, наличие в разных управах таких построек как мельницы (конные, мутовчатые и водяные), ледников и кузниц свидетельствует о наличии осёдлого типа хозяйствования у тунгусов Гантимура. И имелись подобные постройки у них, по-видимому, всегда, т. к. тунгусы, вернее, какая-то часть их всегда занималась земледелием.

Таким образом, русская колонизация привнесла новые элементы в быт тунгусов Гантимура. Это – Степная дума с инородными управами как инструмент государственной власти, обеспечивала наличие экономических магазинов, постройка домов, церквей и селений «по русскому обряду», обращение в православие.

В Урульгинской степной думе к 1848 г. было инородных управ 6, православного духовенства 24 человека, лам – 204 человека, хуvaraков – 58, каменных церквей – 3 единицы, деревянных церквей – 2 штуки, кумирен – 5. Крещёных тунгусов всего по думе было 2842 души, некрещёных – 3339. Всего населения насчитывалось 6281 человек. Верблюдов всего – 142 головы, коней – 14 144, рогатого скота – 17 986, баран и коз – 33 679, оленей – 165.

Данная статистическая ведомость наглядно отражает культурно-хозяйственную картину, сложившуюся в XVII–XIX вв. в Забайкалье. Вопреки сложившемуся в отечественной историографии мнению о том, что тунгусы Забайкалья – это эвенки в прошлом, представленные по ведомости цифры и особенности хозяйственного уклада тунгусов Урульгинской степной думы свидетельствуют совсем о другом. И по образу жизни, и по склонности к земледелию, и по вероисповеданию тунгусов Гантимура невозможно считать только этническими эвенками или эвенками. Также нельзя их сопоставлять только с какими-то монголоязычными племенами только на основании их занятия скотоводством. Все эти выводы иллюстриру-

ют всю сложность вопроса и подводят к мнению, что тунгусы Нерчинска являлись неким конгломератом или этническим «сплавом» из разных комплементов племён Северной Азии.

Тунгусы, как видно по статистике, разводили скот (прежде всего – коней и лошадей) и занимались скотоводством. Занимались и охотой, какая-то часть их разводила оленей. Однако объединяло их некое единое духовное начало в виде не только так называемой «шаманской веры», но и проникшего с XVI в. на сопредельные с Монголией территории идеи буддизма или ламаизма. Впоследствии православное духовенство, буддийские ламы и хувараки составили серьёзную конкуренцию традиционной вере тунгусов – шаманизму.

Христианизация и буддизация, вероятно, и явились теми основными факторами «исчезновения» тунгусов Забайкалья и «появления» русского старожильского населения и бурят. Эвенки или ороконы, как они названы в документах ГАЧО, «бродили» со своими стадами оленей на северо-восточных территориях, прилегающих к ведомству Урульгинской степной думы, и их уклад жизни отличался от уклада конных тунгусов Гантимура – основного населения Урульгинской степной думы.

В другом, более раннем документе 1844 г., общее количество населения составляло всего 5582 человека, где в Урульгинской управе было 466 душ «кроме бродячих 24 душ ороchon», в Оловской – 903, в Шундуинской – 815, в Маньковской – 1 481, в Кужертаевской – 1164, в Онгоцонской – 753 души тунгусов. Этот документ даёт сведения о «состоянии хлебопашества по ведомству Урульгинской степной думы», где на 5582 души ясачного населения приходилось 1 569,5 запашных десятин [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 32, л. 84].

Смена конфессиональной принадлежности тунгусов Забайкалья при активном воздействии государственной власти также явилась, возможно, одним из действенных факторов смены этнической принадлежности населением края. Ясачных инородцев приходилось привлекать и к самообеспечению хлебом, т. к. привозить, доставлять хлеб из других регионов Российской империи в Даурию было крайне нерентабельно.

В этих целях создаются хлебные экономические магазины при управах, призванные содействовать государственной политике «склонения» инородцев к власти, а также тому, «чтоб яшашные не удалялись» в соседние с Забайкальем территории. Для обеспечения магазинов хлебом необходимо было приучить местное население земледелию, что, в свою очередь, обязывало их перейти к осёдлому образу жизни. Осёдлых инородцев, исповедывавших к тому же каноны православия, было для власти удобнее и безопаснее иметь в своем государстве, нежели «бродячих» и кочевых, способных в любой момент покинуть пределы государства и, таким образом, «изменить» ему.

Согласно архивным документам количество «яшашных тунгусов» по ревизии 1823 г. составляло 5586, из них поборных (т. е. плательщиков ясака) было 4584 души. От платежей были «освобождены 1002 души, в числе которых состоять умерших 481 душа, престарелых и дряхлых 285, бедных и неимущих 236 душ» [ГАЧО, ф. 31, оп. 2, д. 89, л. 107], а также 30 человек бродячих ороchon.

Сбор ясака с инородческого населения проводился посредством создания особого механизма власти – через земские суды. Данные о размере ясака, приведённые ранее дают основание утверждать, что сумма ясака у эвенков была в восемь раз больше, чем для всего остального тунгусского населения. По-видимому, такое положение дел не способствовало увеличению ороchon, а, возможно, наоборот, явилось причиной уменьшения их численности как подъясачных душ.

В качестве иллюстрации этого положения приведём ряд документов ГАЧО о розыске бродячих тунгусов, переходящих с одного ведомства в другое. В ГАЧО имеется любопытный документ от 1848 г. – дело «О розыскании бродячих тунгусов Баунтовского ведомства, удалившихся в Нерчинский округ 53 душ» – который приведём полностью: «Корчемный заседатель Кузнецов в числе неисполненных бумаг передал мне предписание Вашего Высокоблагородия от 8 мая 1847 г. № 1752 относительно доставления подробных сведений об отошедших из Баунтовского края тунгусах в Нерчинский округ. Во исполнение чего имею честь Вашему Высокоблагородию донести, что в Чимчагирском роде показывается

по сказкам инородческой Комиссией по окладным книгам Верхнеудинского Окружного Казначейства работников, обложенных Государственным ясаком 103 души, но из их числа 17 душ в 1832 г. отошло в Нерчинский округ».

В 1844 г. отошло ещё 23 души, в 1845 г. ещё 10 душ. Эти 33 души «состоят в Нерчинском округе особым родом и именуются Чимчагирским, имеют особого шуленгу по имени Шеруни Малков. Этот род занят промыслом зверя по рекам Витиму, Олёкме, Калокоу и Нерчиану, т. е. в дачах, принадлежащих Баунтовским и Нерчинским тунгусам».

В переписке задаются вопросы о сборе с этих тунгусов ясака и сроки сбора, в документе все тунгусы перечислены поимённо [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 39, л. 85].

Эти перемещения «неблагомыслящего» населения не могли остаться незамеченными властью, обеспокоенной прежде всего сбором ясака. Предыдущих лет Указ, например, от 1828 г., согласно которому было велено всем земским судам не разрешать без оснований удовлетворять прошения о переводе из одного рода в другой [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 4, л. 132], по-видимому, тунгусами игнорировался или, скорее всего, они о нём и не знали.

К 1852 г. по ведомству Урульгинской степной думы инородцев кочующих было 3931 душа мужского пола и 3404 женского [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 48]. В числе кочующих насчитывается осёдлых господствующей веры (по-видимому, крещёных) 2458 мужчин и 2373 женщины. Ламской веры мужчин 2925 и 1980 женских душ. Шаманской веры придерживались 1200 мужчин и 1029 женщин [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 48, л. 115]. Крестьян, обращённых в казаков, было всего соответственно 51 мужского и 56 женского пола. Казаков прежнего состава насчитывалось соответственно 19 и 16 женщин. Купцов 2-й гильдии 7 и 6; 3-й гильдии – 57 и 65 женского пола. Мещан было 41 мужчина и 45 женщин, дворян 3 и 2 соответственно. Духовенство белое составляло следующее половое соотношение: 34 и 19. Из этой статистики возможен следующий вывод, что, во-первых, несмотря на усилия государства, население Забайкалья исповедовало разные веры и религии, сохраняя

при этом своё исконное шаманское начало, постепенно оставляющего свои позиции под напором буддизма и православия. Вполне естественно, что эти процессы повлияли и на антропонимикон населения Даурии. Во-вторых, очевидно уменьшение числа тунгусов.

В-третьих, появляется казачье сословие, формируются специальные казачьи отряды, набираемые из тунгусов и бурят. Казаки из тунгусов и инородцев несли повинность в виде службы на границе, постепенно становясь русскоязычным населением приграничных постов и деревень Нерчинска. Закрепление русскоязычного населения на пограничных территориях было выгодно империи по ряду причин. Среди них также было и то, что за счёт русификации населения увеличивалось число так называемых «государственных крестьян», часть которых приписывалась к серебрянорудным заводам Нерчинска.

Государственные крестьяне, пополнявшиеся и за счёт переселения из центра России, и за счёт каторжан (которые, впрочем, не особо задерживались в Забайкалье), должны были заниматься и хлебопашеством, т. к. доставлять хлеб из других регионов Российской империи в Нерчинск было крайне нерентабельно.

В этих целях создаются хлебные экономические магазины при управах, призванные содействовать государственной политике «склонения» инородцев к власти, а также тому, «чтоб ясашные не удалялись» в соседние с Забайкальем территории. Для обеспечения магазинов хлебом необходимо было приучить местное население земледелию, что, в свою очередь, обязывало их перейти к осёдлому образу жизни. Осёдлых инородцев, исповедывавших каноны православия, было удобнее и безопаснее иметь в своём государстве как казачье сословие.

Как пишет П. П. Котов в статье «Хлебные запасные магазины по законодательным источникам России XVIII – первой половины XIX веков» экономические или так называемые хлебные магазины стали создаваться в центральных территориях России ещё в период правления Петра I, начиная с 1723 г. Периодически создание подобных хлебных резервов на случай недорода и иных бедствий с урожаем возрождалось

или наоборот, не реализовывалось. Уже 5 июля 1834 г. издаётся «Высочайше утвержденное Положение о запасах для пособия в продовольствии», по которому для помещичьих и казённых крестьян вводились и хлебные, и денежные сборы. Во всех губерниях страны этих крестьян обязали в каждом сельском обществе завести хлебные запасные магазины (см. рис. 6). В итоге, на плечи населения легло содержание этих экономических магазинов, их ремонт и охрана, а также пополнение хлебных запасов, что предполагало развитие пашенного земледелия. Население также должно было создавать и хлебные припасы, установленная норма которых, относительно 1822 г., снижалась до 1,5 четвертей на ревизскую душу (одна четверть озимых и половина четверти яровых) [Котов, 2013].

Рис. 6. Подвоз зерна к экономическому магазину

В фондах ГАЧО имеются документы об «учинённой смете земской повинности» на содержание зургана (*иностранной управы?* – Р. Ж.), за перевоз писарей, за караул при магазинах, «поправку», т. е. ремонт магазинов, а также поправку дорог и отправление подвод по нуждам обслуживания иностранной управы.

Видимо, подводы были нужны для разного рода деятельности Степной думы, как-то: перепись населения (составление «ре-визских сказок»), перевоз документации, собранного ясака и др.

К тому же очевидно, что «бродячих» эвенков и эвенов было невозможно заставить не только иметь земскую повинность в виде содержания хлебных магазинов и пополнения запасов зерном, но и практически заставить их на одном месте обитания.

В «Дополнительных сведениях для составления военно-статистического описания Нерчинского округа Иркутской губернии» 1850–1852 гг. [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 48] сделано следующее заключение: «физическое свойство страны (*т. е. Даурии – Р. Ж.*) относительно хлебопашества нельзя считать удовлетворительным. Земледелие трёхпольное, которое производится собаками (*неразборчиво – Р. Ж.*), сохами и в малом количестве быками. Удобрения земли не производится. На десятину высевается ярицы и ячменя по одной четверти» [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, л. 117].

«Избытков в произведениях земледелия по малому посеу и неурожаем никогда не бывает, а всё употребляется на собственное пропитание, а по недостатку приобретают хлеб покупкою и меною в тех местах, где урожаи хлеба представляют к тому возможность. И свериль того к подкреплению в продовольствии заготовляют разные полевые корни, как-то сарану, мангирь и тому подобное. Перевозкою тяжестей так же не занимаются и как выше объяснено, что хлебопашество находится в малом виде, то и продажи хлеба между инородцами не бывает, а потому что тому ограничить невозможно. Средняя цена работнику земледельцу в год 20 и 25 рублей, в лето с 1 июля по 1 октября 10 рублей. Плата в день работнику бывает по временам года, как-то весною по 12 копеек, в сенокосное и страдное время по 20 копеек. В течение последних неурожайных лет никаких мер к обеспечению в продовольствии не предпринималось» [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, л. 118].

«По ведомству тунгусов находится 20 экономических магазинов, из коих в 19 находится наличным хлеба 3037 четвертей». Далее в «Дополнительных сведениях» доложено о том,

что «выше сего объяснено, что инородцы занимаются хлебопашеством в малом виде, сверх того ежегодные неурожаи невозможны дать (*неразборчиво* – *Р. Ж.*) совершенно трудов земледельцев, которые жертвуют только семенами, получая только одну зелёную для корма скота солому».

Для земледелия необходимо, чтобы люди, которые занимаются выращиванием зерновых культур, жили постоянно вблизи посевов. Это условие создаёт неприемлемую ситуацию для «бродячих» эвенков, которые в силу оленеводства вынуждены проходить в год огромные пространства для прокорма своих стад. Поэтому даже это одно условие о занятии земледелием исключает мнение о том, что тунгусы Гантимура – это этнические эвенки.

Другой любопытный аспект быта тунгусов – это брачно-семейные отношения. Очевидно, что, будучи бывшими даурами или иными, но бывшими монголоязычными народностями, тунгусы следовали так называемому «степному» обычаю. Мы обнаружили весьма интересный документ «Прошение тунгуса Почегорского рода Дениса Степанова Начальнику князю Гантимурову» [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 4, л. 986]. Прошение можно квалифицировать как жалобу Степанова на действия отца своей невестки «Перводуктарского роду ясашиного Гавьи Миткина», который обещал «калым по азиатскому обыкновению – 4 лошадей, рогатых 20 штук, овец 7 штук, всего 31 голову». Впридачу в калым должно было входить ещё и «женский убор на плечах носимый, называемого *го* (*зуу* – *Р. Ж.*) наяченного по пальцу серебром».

Однако Степанов жалуется, что «по прошествии 6 лет получил 1 качерика, женского убора так и не получил, не получил 1 корову с телёнком и 1 барана», к тому же данная невестка часто убегала «к отцу своему» с двумя детьми. «Сват Миткин её привозил обратно» [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 4, л. 986].

Напомним, что у бурят и монголов, впрочем, как у всех сибирских народов, до недавнего времени существовал калым. Калым – это своеобразная плата жениха семье невесты, её выкуп в виде определённой суммы денег или имущества. Калым являлся традицией у народов Сибири, Средней Азии

и Кавказа. Корни этого обычая, по мнению исследователей, связаны с переходом от древнего матриархата к патриархальному обществу, а также вызваны идеей компенсации за воспитание дочери, лишение семьи рабочей силы.

Очевидно, что у тунгусов Урульгинской думы также существовало понятие калыма как своеобразного выкупа за невестку.

В завершение краткого очерка о роли учреждённых в Сибири степных дум и их роли для регулирования вопросов взаимоотношений власти и тунгусов-инородцев отметим важность архивных документов для частичной реконструкции исторического периода, например, христианизации тунгусов. В качестве иллюстрации приведём следующий текст о льготах тем, кто принял Святое крещение.

Данный текст можно квалифицировать как циркуляр Нерчинского окружного казначейства ведомству Урульгинской степной думы. «Казначейством сим согласно Указу Забайкальского Областного Правления от 30 января (1852 г. – Р. Ж.) за № 644 на основании 960 статьи V тома Свода законов устава о податях исключены на трёхлетнюю льготу инородцы за принятие Святого крещения ведения Урульгинской степной думы инородных управ: Маньковской Михаила Попова и Степана Литвинцева, Кужертаевской Доржи Еренценова по крещению Иосифа, Михаила и Николая Белокопытовых. Всего пять душ сего года с окладом только одного ясака, а прочия сборы на основании вышеприведённой статьи закона не должны (т. е. недоимки) быть с них исключены» [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 48, л. 322]

Описывая полевые материалы экспедиции А. А. Макаренко к эвенкам Подкаменной Тунгуски в 1907–1908 гг., Ю. В. Клиценко приводит его записи о крещении эвенков. «Мы познакомились с одним священником С.; ревнуя о насаждении православия среди тунгусов, он успел на их пожертвования построить на реке Катанге часовню. В 1908 г. им была предпринята поездка по этой реке с целью “приобретения душ”, в чём и успел; но в то же время вырученные от тунгусов, которых крестил, деньги и “приклады” (пожертвования) на церковь, в конце концов, прокутил и проиграл в карты

русским торгующим (“тунгусятникам”). До своего места, чуть ли 600 вёрст вверх реки, пришлось ему возвращаться “пехту-рою”, т. е. пешком.

Вот что, между прочим, нам самим довелось наблюдать над тем, как производилось крещение двух тунгусов. Одному из них было лет 20, другой имел уже четверых детей. Молодой (тунгус) совсем не говорил по-русски, старший – с великим трудом. Оба вышли одновременно в торговый пункт при устье Чуни, одного из водных притоков Катанги, где по особому приглашению “тунгусятников” отаборился знакомый уже нам священник С. Услужливые торговцы тотчас же признали в пришельцах “язычников” и постановили подвергнуть их крещению. Священник одобрил этот план, незамедлительно приготавливал всё нужное и приступил к совершению обряда. Надо было видеть в это время лица очумелых полуголых овоньки (*эвенков – Р. Ж.*) и то, какую эквилибристику производили они правыми руками в тщетной попытке осенить себя, по понуждению духовного отца и русских, крестным знаменем, делая это невпопад, с плеча на живот или со лба на плечо, чтобы убедиться, что в этот момент (их не перечеть) совершалось не святое Таинство Крещения, а самое откровенное поругание этого таинства и циничное попрание человеческой совести.

За всё это “приобретённые души” заплатились вдобавок материально: подарили батюшке по три рубля и преподнесли меха своим восприемникам-торговцам; последние, будто бы порадев для Бога, в свою очередь приобрели “новые души” промышленников, которым, по установившемуся обычаю, не вырваться уже из их кабалы до самой смерти. Финалом такого способа крещения “язычников” был тот, что “новокрещенцы” овоньки в скором времени принимали участие в устроенной шаманом мистерии.

Приглашение священника чунскими торговцами на свой пункт состоялось по следующему поводу. Непомерная эксплуатация, жестокое обращение, насилдование тунгусских девушек и женщин, убийство тунгуса, наконец, отпугнули тунгусов от разбойного гнезда русских. Вот для поправления своих торговых дел “тунгусятники” этого участка привезли на свой счёт означенного священника.

Они рассчитали, что тунгусы, узнав о пребывании в их месте “батюшки” (для чего надо было крестить кого-нибудь из тунгусов и пустить в тайгу), валом повалят в их пункт. Будет тогда, мол, пожива и батюшке, и нам. На эту удочку, однако, не дались тунгусы в то лето, разрушив, таким образом, сокровенные вожделения духовного отца и его покровителей – кулаков. Чисто русский триумвират кулака, духовенства и полиции и является главным оплотом русификации наших инородцев и распространения среди них православия» [Макаренко].

В 1741 г. императрица Елизавета Петровна, чтобы быстрее искоренить шаманизм, позволила свободно распространять буддизм среди народов юга Сибири. Но православные миссионеры сочли конкурентов (буддийских лам) в борьбе за новообращённых и материальные блага, получаемые от новой паствы язычниками, мало отличающимися от шаманов. Первые итоги их противостояния были подведены в 1767 г., окончательные – в 1913 г. Из доклада сибирского губернатора Д. И. Чичерина об обращении инородцев в христианство, датированного 1767 г., создаётся совершенно не благодная картина принятия крещения тункинскими бурятами. «Проповедники отправляются сначала на коште и подводах иноверцев. К живущим близь города большими деревнями (инородцам) они не заезжают, и во всю бытность мою ни один из этих жителей не окрещён, стараются они пробраться в отдалённые и дикие места, где проповедуют на русском язык таким людям, которые не слыхивали, как по-русски говорят, увещевают к крещению всегда тех, у которых больше пожитку видят.

Обольстя награждением, напоя пьяных или напугавши, крестят. Затем отъезжают в другие места на лошадях и на издержках новокрещённого, оставив ему написанный на бумаге символ веры, который этот христианин безумно почитает божеством, а что в нём написано, не знает.

Через год и больше проповедник возвращается для свидетельства новых христиан, и тут великие привязки делаются. В посты привозят с собою посуду, намазанную молоком или маслом, лошадиные кости, обвиняют в отступничестве от веры христианской, пугают жестокими наказаниями и чрез то грабят бесчеловечно; если же кто не даёт, тех берут с собою

и на их же подводах и коште, забивши в колодки, везут по другим жилищам. Кто побогаче, к таким в потаённых местах ставят болванов, а потом сами же и сыскивают. Священники этих дел сами решить не могут, отсылают в высший суд, где происходит долголетнее разбирательство.

Другой способ к грабительству: придут к новокрещённому и, если узнают, что был покойник и погребён без священника или младенец не крещён, привязываются, зачем долго не крещён, зачем без священника погребён, тогда как священник, по отдалённости, только в несколько лет раз может приехать; точно также и венчаться в церковь ездить не могут, венчаются по домам, а это служит главным источником взяточничества, привязываются, кричат о поругании веры, и, если кто не откупится, должен ехать от 300 до 400 вёрст» [Жирнов].

В 1827 г. крещёных инородцев во всём Тункинском ведомстве насчитывалось не более 250 человек. В то время инородцы крестились в г. Иркутске и по принятии христианства приписывались к крестьянскому или мещанскому обществам, где и оставались навсегда.

При этом чрезвычайно важно было заручиться поддержкой бурятских тайшей, которые пользовались непререкаемым авторитетом у инородцев. Первым из влиятельных инородцев Тункинского края принял Святое крещение инородец 1-го Куркутского рода Кяхтинского улуса лама Барханов, при крещении – Лука. Крещение совершено по благословению преосвященного Михаила в Иркутской Прокопиевской церкви протоиереем А. Бобровниковым 21 апреля 1827 г. За принятие христианства Барханов иркутским губернским начальством, без всякого общественного приговора, утверждён был в должности родового старосты. В знак особой привилегии тем же начальством Барханову подарена была пара лошадей с упряжью в фэатоне и с колокольцами. В свой улус Барханов возвратился в сопровождении священника Баторова и крестил в его роду до 40 человек обоего пола при энергичном участии самого вновь утверждённого и обласканного начальством родового старосты Барханова. Означенные лица были крещены священником Баторовым под давлением влиятельного старосты, а не по убеждению со стороны священника.

Конечно, простым инородцам-бурятам принятие крещения не сулило такие привилегии, как Барханову. Однако новокрещённым инородцам давалась трёхлетняя льгота от платежа повинностей. О даровании этой льготы миссионеры представляли особые списки в иркутскую казённую палату через начальника миссии. При архиепископе Парфении новокрещённым выдавались деньги: на маленьких – по 20 копеек, а на взрослых – от одного до пяти рублей на человека; кроме того щедро раздавались платки, халаты, рубашки и т. п.

Эти подарки были большою приманкою для бурят. При крещении целой семьи, особенно многолюдной, одних денег приходилось на семью от 30 и более рублей. Из-за получения денег многие охотно принимали крещение, а некоторые крестились по два и по три раза. Бедным новокрещённым раздавали кирпичный чай (по кирпичу или половине на человека), а также хлеб [Жирнов]. Взамен полученных подарков при крещении, пособий единовременных, буряты должны были ежегодно натурой или деньгами платить на содержание миссионерских станов, давать дрова для отопления и людей в качестве прислуги для храма, школы и домов причта. Эта новая повинность не могла быть приятной для бурят, служила причиной неудовольствий как среди крещёных, так и язычников, потому что разлагалась не на крещёных только, а и на язычников, шла в общую раскладку. Разумеется, что некрещёные в этом новом налоге винили своих сородичей крещёных и всячески стесняли их.

Крещёные инородцы по-прежнему продолжали почитать изображения своих языческих божеств, которыми в изобилии наделяли их ламы. До архиепископа Парфения на это явление не обращали почти никакого внимания, смотрели как бы сквозь пальцы. В этот же период делались распоряжения об отобрании у крещёных инородцев предметов их языческого религиозного почитания. В силу распоряжений миссионеры являлись в юрты крещёных бурят, силой отнимали у них «бурханов» и «онгонов». Потом буряты приходили к миссионерам с просьбой вернуть отнятых бурханов и онгонов. В этом случае миссионеры поступали, руководясь различными соображениями: ценные бурханы (золотые и серебряные)

в большинстве случаев возвращались, причём миссионер брал выкуп; не ценные, как вещественное доказательство, миссионер оставлял у себя, наделяя бурята небольшой дешёвенькой иконой. Само собой разумеется, что буряты всячески скрывали своих бурханов от розыска миссионеров.

Миссионерская школа не могла завоевать симпатии инородцев... Эти школы в большинстве случаев не имели собственного здания, они ютились в одной из комнат дома священника-миссионера; в этом же доме ютился и так называемый пансион. Учитель русский не знает бурятского языка, а ученики-буряты не знают русского языка. “Семья” миссионера тяготилась этой обузой и употребляла все усилия к сокращению числа пансионеров и срока их содержания, стараясь хоть что-либо сэкономить в свою пользу от получаемых на пансион денег. Были такие миссионеры, которые в течение нескольких лет не имели в своём пансионе ни одного пансионера, получая в то же время деньги на полный комплект, да ещё прося прибавки, ссылаясь на дороговизну содержания [Жирнов].

К тому же прибытие лам с территории соседней Монголии способствовало крайне быстрому распространению ламаизма среди инородцев-бурят, удачным образом сочетая прежние шаманистские верования и буддийские каноны. В итоге, православная миссия потерпела крах.

Из доклада архиепископа 1913 г. Иркутского и Верхотурского Серафима обер-прокурору Священного правительствующего синода П. С. Даманскому следует, что из имеющихся в распоряжении иркутского епархиального начальства массовое отпадение от православия в буддизм имело место среди инородцев, населяющих Иркутский уезд, ведомств Торского, Коймаровского и Харнбятского в пределах Тункинской миссии.

До 1905 г. в этих трёх ведомствах числилось крещёных до 10 000 инородцев обоего пола. Начиная с 1905 г., за исключением самой незначительной части (несколько десятков), все крещёные инородцы буряты этого края перешли в буддизм (ламаизм) и остаются в нём и по настоящее время. Это отпадение от православия совершилось вслед за обнаружением высо-

чайших указов 17 апреля и 17 октября 1905 г., коими населению Российской империи дарована религиозная свобода, а для числящихся «православными», но в действительности исповедующих веру своих предков язычников – полнейшая возможность отчисления и перехода из православия в язычество.

Неокрепшее, не утвердившееся в христианской вере инородческое население Иркутского уезда (Тункинского края), только крещёное, но неоглашённое, не утверждённое в истинах христианства, поняло эти указы как полное позволение и даже желание высшего русского правительства перехода от христианства в язычество и именно в ламство. Этот переход фактически и осуществлён был крещёными инородцами края в том же году, несмотря на краткий срок, истёкший после издания вышеназванных указов.

Кочевые крещёные инородцы буряты всех миссионерских станов Тункинской миссии Иркутского уезда решительно отказали миссионерам крестить своих новорождённых детей; прекратили своё обращение к миссионерам напутствовать святыми тайнами больных; умерших стали погребать по языческому обряду, решительно отказывались от погребения по обряду православной церкви; святые иконы или возвращали миссионерам, или вовсе уничтожали; отказались от своих прежних обязательств по содержанию миссионерских станов-храмов, школ миссионерских и домов миссионерских причтов; и ранее весьма редкие посещения христианских богослужений совершенно прекратили; на увещания миссионеров не стали обращать никакого внимания, решительно отказавшись даже вступать в какую бы то ни было беседу с миссионерами по вопросам религии и религиозным нуждам.

Фактически, порвав всякую связь с христианской религией и её представителями (местными миссионерами), буряты всех трёх ведомств Тунки решили официальным порядком оформить своё отпадение от православия в язычество [Жирнов].

В Урульгинской степной думе подобного не произошло, что и завершилось поголовным обращением в христианскую веру всего тунгусского населения Нерчинского уезда. В этом

большую роль сыграл факт принятия Святого крещения самого «Гантимура с родовичами», основанный на авторитете бывшего теперь даурского тайши, ныне русского подданного, титулованного князем Петром.

В статье М. Ф. и М. В. Хартанович сказано, что «в начале 80-х гг. XVII в. Гантимур с сыном Катанаем выразили желание принять православную веру. В 1684 г. они по указу царей Иоанна и Петра Алексеевичей были крещены. Гантимур получил имя Петр, а Катанай – Павел. В следующем году Петр, Павел и Чекулай Гантимуровы были направлены в Москву для представления царям. Но в пути князь Гантимур заболел и умер. Его с честью похоронили в Нарыме. А сыну его в Москве оказали небывалые для инородцев почести, допустили к царской руке, записали в дворяне по самому привилегированному, московскому списку» [Хартанович, 2011]. Род Гантимуровых имел свой герб (см. рис. 7), который описывают так: «В червлёном щите вертикально серебряный столб (полоса). На нём вертикально – четыре чёрных манджурских иероглифа, означающая слово “Хан”. Щит увенчан дворянским коронованным шлемом. Щитодержатели – два тунгуса в своей одежде и вооружении стоят на двух скрещенных зелёных ветвях» [Эвенки].

Приведённые нами ранее аналитические данные о состоянии дел по христианизации тунгусов согласно ревизским описям 1851 и 1857–1858 гг. позволяют представить картину неуклонного исчезновения «тунгусского народа» и увеличения числа государственных крестьян Нерчинского уезда за счёт этого.

Согласно ревизии Шундуинской инородной управы, по данным 1851 г. из четырёх родов (Улятского, Намятского, Челкагирского и Долотского) из общего числа 955 душ мужского и 872 души женского пола большинство тунгусов Улятского рода имеют русские имена и фамилии.

Из 276 мужчин Намятского рода некрещёными оказалось 130, из 223 душ женского пола с языческими именами записано в ревизии 92 души. В Челкагирском роду крещёными запи-

сана половина родового состава. В Долотском роду из общего числа ясачных 135 человек обоего пола крещёные составляют 1/3 от общего числа.

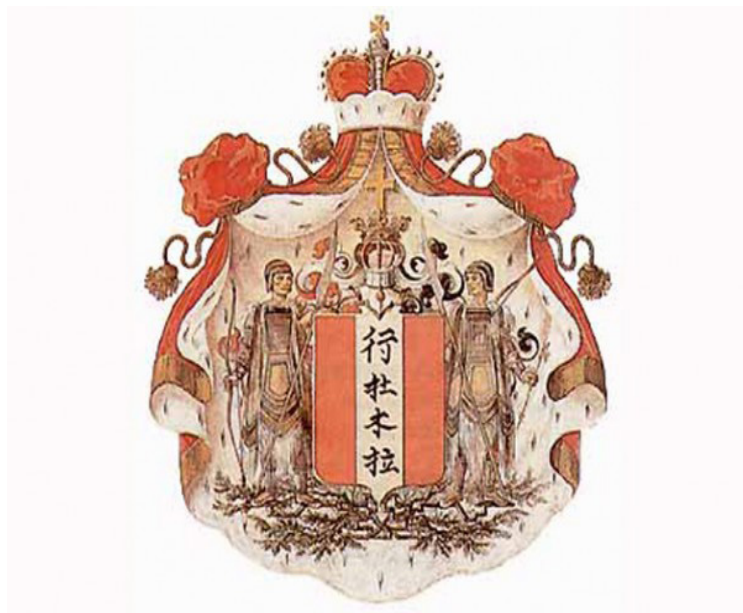

Рис. 7. Герб Гантимуровых

В «Перечневой ведомости» Кужертаевской инородной управы по ревизии 1850 г. шесть родов (Чимчагирский, Гучитский, Узонский, Тукчинский, Гуновский и Балакагирский) также, в основном, имеют русские имена. В Узонском – это крещёные осёдлые тунгусы с фамилиями Пляскины, Поповы, Питерские, Барановы, Павловы, Потехины, Старицыны, Соколовы. Среди крещёных кочующих записаны ясачные с фамилиями Белокопытов, Новгородов, Малков, Константинов, Фомин.

В Гуновском, Тукчинском родах из общего числа 496 душ и 383 души соответственно крещёных ясачных крайне малое количество, как и среди тунгусов Гучитского рода. В Балакагирском, в Чимчагирском, крещёных кочующих мало.

Ревизии 1857–1858 гг. показывают почти полную русификацию тунгусов Гантимура. Так, в Оловской инородной управе в Перводулигарском роду все 148 семей имеют русские имена, по ревизии у 533 мужчин и 503 женщин русские имена.

Сведения о количественном составе тунгусов по родам позволяют заключить о том, что вследствие активного процесса обращения тунгусов в православие состав некоторых родов значительно уменьшался. Так, к примеру, в составе Кушелютского рода (или Кунцелютского) мужских душ было 18, женских – 20, из числа которых крещёными считались 17 мужчин, 15 женских. В последующих документах этот геноним уже исчезает и не упоминается в ревизских описях. Данное свидетельствует о «растворении» тунгусов этого рода в других или ассимиляции тунгусов этого рода, как впрочем, и других в среде русскоязычного населения Нерчинского уезда.

Власть противодействовала дальнейшему распространению буддизма среди бурят и тунгусов. Название дела «Документы по запрещению общения бурятских лам с монголами и обращения инородцев в христианскую веру. 1865–1875 гг.» [ГАЧО, ф. 1о, оп. 1, д. 16353] явно свидетельствует о конфессиональной нетерпимости.

В Урульгинской инородной управе, в которой состояло семь родов (бродячих Бултегерского рода, Мунгальского, Дулигатско-домуева, Дулигатского, Кельтегирского и сводных Яравнинского и Телембинского) превалируют русские имена и фамилии, как и в других родах. В Бултегерском роду, включённом в опись Урульгинской управы, по причине того, что они «никакому ведомству не принадлежали», мужского пола – 19 душ, женского – 20. В ревизской описи даны языческие имена, например, Павел Егоров Кирилов, а «по инородчески Гакчурь Мелектинь», Иван Егоров Кирилов, а «по инородчески Бакширь Мелектинь», Федор Егоров Кирилов, а по инородчески Короча Мелектин и т. д.

В Дулигатском домуевском роду из общего числа инородцев только 39 человек имеют языческие имена, остальные записаны под фамилиями Забелин, Золотухин, Эпов, Балагуров – распространёнными фамилиями забайкальцев.

Знакомство с ревизскими описями даёт основание полагать о том, что от года к году крещёных становилось всё больше и больше, что и обусловило «появление» старожильского русского населения тунгусского происхождения и инородцев-бурят. Названия документов, которые дают основание полагать о крещении за денежные вознаграждения: «Сведения о числе бурят, принявших христианство и выделенных деньгах на обращение бурят в христиан» [ГАЧО, ф. 1о, оп. 1, д. 156]; «Документы о выдаче пособий баргузинскому мещанину Бернеру (по крещению Андреев) за принятие православной веры» [ГАЧО, ф. 1о, оп. 1, д. 15928]; «Переписка со степными думами и народными управами о предоставлении трёхлетней льготы бурятам и тунгусам за принятие ими Святого крещения. 1859–1860 гг.» [ГАЧО, ф. 1о, оп. 1, д. 11870].

В заключение приведём текст одного весьма интересного документа «о деньгах, ассигнованных на выдачу пособия старожилам и поселенцам, вступающим в браки... и на выдачу наград за браки с поселенцами», датированого 25 октября 1848 г. Документ гласит: «ассигновано Господином бывшим Министром Финансов от 10 мая 1848 г. (№ 2656), вследствие отношения к нему Министра Государственных имуществ и на основании Высочайше утверждённого в 23 день апреля того же года журнала Комитета Палаты Министров к отпуску в распоряжение Главного Управления Восточной Сибири на пособие старожилам за принятие в дома свои ссыльно-поселенцев 2858 рублей серебром, по требованиям Предшественника моего, выданы весь; и сверх этих денег производились на сей предмет выдачи ещё из общих губернских доходов...» [ГАЧО, ф. 1о, оп. 1, д. 15605, л. 28].

В этом деле подшита переписка на предмет выдачи денег «наградных денег старожилам», «донесение о женщинах, вышедших в замужество за ссыльных», «рапорты относительно доставления сведений по выдаче наградных денег старожилам Нерчинского округа за выдачу ими дочерей своих или родственниц в замужество за поселенцев» [ГАЧО, ф. 1о, оп. 1, д. 15 605, л. 30, 52].

В деле есть «Донесение Господину Военному Губернатору Забайкальской области» о том, что «пособия не являются

въ настоящее время необходимыми, кроме того по следующим соображениям, основанным на опыте», что сводится к следующим факторам: 1) «нежелание поселенческого класса Забайкальской области не намерением обращаться къ осёдлой постоянной жизни»; 2) трата денег из казны; 3) поселенец или ссыльный с исправившеюся нравственностью и так (т. е. без пособия) вступает обыкновенно в брак уже по обзаведению хозяйства; 4) награды и льготы становятся излишними, «а потому приостановить... выдачу разным лицам пособий за вступление в брак и дачу жилья ссыльным испрашиваю разрешения Вашего Превосходительства» [ГАЧО, ф. 1о, оп. 1, д. 15605, л. 83].

Очевидно, что имелись финансовые траты государством в целях обращения тунгусов в русское население путём брачных уз со ссыльными из российских губерний. В статье О. В. Бураевой приводятся сведения о миксации эвенков с русскими поселенцами, что и обусловило, по её мнению, появление особого, забайкальского антропологического типажа [Бураева, 2016].

Однако исследование документальных архивных данных позволяет выдвинуть несколько отличную от этой гипотезу о причинах подобной (вовсе не за счёт миксации) антропологии забайкальцев. Забайкальцы или гураны действительно имеют несколько отличающуюся от сибирских этносов антропологию. Однако обусловлено это тем, что, по большому счёту, это бывшее автохтонное население исторической Даурии, этногенез которого ещё предстоит исследовать. Не стоит упускать из виду недавнюю даурскую принадлежность тунгусов Гантимура. Предварительное изучение тунгусских генонимов даёт основание полагать о наличии тюркских, кетских, юкагирских, самодийских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и ещё каких-то (адстратного происхождения) комплементов, чему и будет посвящена часть 2 данного издания.

В «Истории населённых пунктов Читинской области» Н. С. Тяжелова написано, что село Улёты образовалось в 1803 г. по указу от 1799 г. 17 октября 1799 г. был подписан Указ Его Императорского Величества о поселении 10 000 рус-

ских крестьян за озеро Байкал, в Забайкалье по предложенному проекту Саввы Рагузинского, царского чиновника, проводившего политику освоения сибирских земель русскими.

Согласно этому Указу, русским переселенцам отводили лучшие земли, пригодные для занятия земледелием. Земли эти отводились, в первую очередь, казакам, получившим очень быстро статус отдельного сословия. Как пишет Эспер Ухтомский, «далее на восток казаки встретили сильное сопротивление со стороны инородцев-тунгусов, родоначальником которых был Гантимур, не пожелавший соседство русских пришельцев и откочевавший на прежнюю свою родину (в Маньчжурию). В видах усиления вооружённой силы, в 1761 г. из тунгусов образован был тунгусский полк пятисотенного состава, а в 1764 г. из Селенгинских бурят образовано четыре полка шестисотенного состава. Все эти полки несли пограничную службу. Русские казаки, жившие по границе, назывались тогда пограничными казаками» [Ухтомский, 1992, с. 20].

Далее Э. Ухтомский пишет, что с первых же дней своего образования «Забайкальское войско стало исполнять одну из главных задач, возложенных вообще на русское казачество – именно заселение новых земель». «По пространству Забайкальское казачье войско занимает в общей казачьей семье 4-е место; по численности более других; по количеству же всей земли на каждую душу мужского пола оно занимает 5-е место; по количеству удобных земель 7-е место среди десяти войск – Донского, Кубанского, Керского, Семиреченского, Терского, Астраханского, Уральского, Сибирского и Амурского».

С прискорбием Э. Ухтомский пишет о вреде русской колонизации для просторов Забайкалья. «Параллельно с насаждением культуры благодатному во многих отношениях краю грозит немало бед. Истребление всякой древесной растительности началось здесь только с прихода русских людей: буряты и тунгусы обращались с лесом очень бережно». Он приводит цифры о чудовищных размерах вырубки лесов для пашенного земледелия. «По данным 1853 г. леса Забайкальской области занимали площадь в 23 586,250 десятин, а в 1884 г. осталось – 5 469,200 десятин; таким образом в течение 32 лет убыло

18 117,050 десятин, между тем как для потребностей населения в это время нужно было всего 1 152,000 десятин [Ухтомский, 1992, с. 21].

Эспер Ухтомский описывает бедственное положение состояния природы Забайкалья по причине уничтожения лесного покрова, что приводит к обезвоживанию страны. «Старики указывают на многие пади, где прежде были ключи – теперь они иссякли; в иных местах были речки, непересыхавшие целый год – теперь от них остаются только жалкие ручейки, наполняющиеся во время дождей; в некоторых местах пришлось бросить пашни, так как не стало возможности их орошать, вследствие высыхания ручейков, из которых отводили воду канавами на посевы» [Ухтомский, 1992, с. 21]. Добавить к этим фактам почти полутора столетней давности нечего, так как современная картина ещё хуже, чем та, которую описал в своё время князь Ухтомский.

Будучи на полевой практике со студентами в Шилкинском районе в 2004 году нам довелось увидеть остатки так называемых ирригационных древних систем, по которым орошались пашни. При этом мы стали невольными свидетелями того, что засуха, приключившаяся в тот год в Забайкалье, погубила почти все посевы зерновых на корню.

Возвращаясь к книге Ухтомского о проезде цесаревича по Забайкалью, где попутно приводятся эти сведения, позволим себе заметить, что цифры о наличии казаков, возможно, не отражают истинного положения дел. Естественно ожидать от бывших дауров (которые ещё раньше были монголами, воинственными тюрками, от которых остались в истории каганаты Дулу и Дулга), а ныне инородцев-тунгусов, наличия воинских обязанностей – умения метко стрелять, строить оборонительные сооружения, выслеживать и другие навыки – которыми могли не обладать в полной мере этнические эвенки, занимающиеся оленеводством как основным типом хозяйствования.

В архивах сохранились документальные сведения о распрях новоявленных казаков с тунгусами и бурятами, когда первым отводились губернским начальством более выгодные земли, объясняемые пахотными нуждами казаков как нового сословия в Забайкалье тех времён. Естественно, вчерашне-

му тунгусу, а ныне принявшему святую православную веру и ставшему вследствие этого русским казаком, не платящим ясачную и иную повинность, получающему государственное жалованье и привилегии в виде выделенных сверху земель, удобных как для сенокосения, так и выгона скота, было выгодно считаться казаком.

Приведём документально зафиксированные данные об этом нелёгком для тунгусов периоде деления на условные условия – казаков, крестьян и инородцев.

«Предписание Урульгинской степной думе 1848 г. № 560 заседателю Степной думы Д. Джамсарану Цыцыкееву. Господин Начальник Нерчинского округа в предложении от 30 апреля за № 949 усмотрел, что ясашный Шундуинской инородной управы Ивань Золотухин намереваясь заселиться в селение Долгокычинское предварительно вознамерился приготовить в том селении на посев хлеба земли и не был допущен к обработке живущими в том селении казаками Болшаковыми». Далее из документа следует, что падь Долгокыча принадлежит казакам Болшаковым, но не инородцам, что было установлено Нерчинским земским судом 23 апреля. Потребовались планы земель, отведённых межеванием казакам и инородцам. В деле имеется обширная переписка по этому поводу. В итоге было предписано думе «миролюбным соглашением уладить спор» и послать для разбора этого дела «своего чина». Приведены доводы казаков селения Долгокыча о нежелании принимать инородца Залтуева (*по-видимому, это до-крещёное имя тунгуса Золотухина – Р. Ж.*) «на жительство» в своё село. В итоге долгих разбирательств было установлено, что «воспретить производить застройку ясашному Золотухину» (который понёс убытков на 165 рубля ассигнациями) потому, что «в бытность бурулятуевской станицы в месте с доверенными от казаков рассматривались планы пади Долгокыча и... постановили, что падь Долгокыча, но не та» [ГАЧО, ф. 55 оп. 2, д. 39. л. 198–207].

Весьма любопытно, каким образом так называемые «пограничные казаки», которые должны были занимать приграничные караулы («которые тут проживают пришельцами и должны иметь жительство в пограничном ведомстве», как

предписывалось казакам), оказались вдали от приграничных территорий, в пади Долгокыча, находящейся весьма далеко от границы.

Очевидно, что государственная власть посредством разделения прежнего инородческого населения Нерчинска на сословные группы в виде казаков, предоставления последним всяких льгот и преференций в спорах за землю, пастбища и «кордоны» усиливала свои позиции в крае.

Э. Ухтомский пишет, что «на Ононе и Аргуни есть немало хозяев у которых (*скота – Р. Ж.*) считается тысячами. Между ними первое место занимает казак Шестаков: у него считается рогатого скота около 5000 голов, лошадей до 6000 и овец свыше 15 000, так что всего более 26 000 голов. Общее количество крупных животных, не считая верблюдов, в восточном Забайкалье – 843 223, в том числе 331 537 голов лошадей и 511 686 рогатого скота. Какое количество из этого количества приходится на долю каких сословий, указано в табл. 14.

Таблица 14

<i>Сословия</i>	<i>Лошадей</i>		<i>Рогатого скота</i>	
	<i>Кол-во</i>	<i>%</i>	<i>Кол-во</i>	<i>%</i>
Крестьян	42 064	12,7	77 568	15,1
Казаков	181 935	54,9	228 361	44,6
Тунгусов	28 620	8,6	50 894	10,0
Бурят	78 918	23,8	154 863	30,3

Э. Ухтомский пишет, что «казачье население занимает первое место, в казачьих хозяйствах числится больше всего и рогатого скота, и лошадей. На одно казачье хозяйство в среднем приходится 10,1 голов скота и 8,1 лошадей, тогда как у крестьян первых 8,3, а вторых 4,5, у тунгусов на один двор приходится рогатого скота 8,3 штуки, а лошадей 4,7... у бурят на один двор приходится 16,5 голов рогатого скота и 8,4 лошадей» [Ухтомский, 1992, с. 22.]

Очевидно, что казаку при содействии государственной власти в Забайкалье жилось вольготно и привольно. Количество скота и лошадей казаков и тунгусов и крестьян примерно

одинаково, буряты по числу скота лидируют, но число лошадей у тунгусов, казаков и бурят одинаковое – по 8,3–8,4 головы на душу населения.

Напрашивается вопрос о столь скором «приспособлении» казачьего населения, якобы прибывшего из западных волостей Центральной России, чужого для аборигенного населения, пришельцев-казаков, которые так скоро и результативно освоились в регионе, приспособившись к климатическим и иным условиям.

В архивах ГАЧО мы обнаружили документ, в котором описано в виде рапорта истинное положение дел о переселении русских с центральных губерний России по проекту Сперанского.

«Всего было отправлено за Байкал 3055 человек, но прибыло только 2197, а остальные 858 неизвестно куда девались. Особенно неудачны переселенцы из помещичьих крестьян. Помещики пытались сплавить плохих работников, не снабдив их ничем в дорогу. Без кормовых, питаясь милостынею, в рубищах, полунагие помещичьи крестьяне-переселенцы с жёнами и детьми бродили вдоль большого Сибирского тракта, не находя со стороны начальства ни малейшего призрения» [ГАЧО, ф. 239, оп. 1, д. 27, л. 28]. Известно, что по проекту Сперанского было запланировано отправить за Байкал 10 000 крестьян.

Учреждённая в 1766 г. в Селенгинске «Хлебопашеств и поселения контора» ведала подготовкой земель для переселенцев, описанию и национализации местных земель. Для установки межи выделялись геодезисты, которые с «лучшими людьми» от каждого рода были откомандированы для межевания, попросту отъёма лучших равнинных земель в пользу казны и государства [ГАЧО, ф. 52, оп. 3, д. 41].

Инородцы обязаны были давать клятвенное обещание – всячески способствовать проведению межевания и не утаивать от геодезистов «лучшие земли и тропы» [ГАЧО, ф. 52, оп. 3, д. 42]. 11 мая 1811 г. была составлена карта «владений деревни Николаевской государственных крестьян из кавказских переселенцев, граничащему с ново назначенными при речке

Горекацан под поселения землями» с подробным указанием и описанием всех падей и притоков, рек и озёр. Улётовская долина считается одним из самых благодатных мест в Забайкалье, где в советское время процветали колхозы-миллионеры, получавшие богатый урожай зерновых.

Поэтому общепринятое мнение о наплыве казачьего и иного населения в Забайкалье может быть подвергнуто сомнению по ряду причин, среди которых ключевой считается учёт результатов повальной русификации тунгусов Гантимура. Возможно иное заключение, а именно, что этими «казаками» являлись на деле вчерашние тунгусы, приспособленные и к климатическим, и к межнациональным, и к социальным условиям Даурии испокон веков и бывшие некогда даурами, потом тунгусами (согласно ревизиям), а потому имевшими одинаковые мировоззренческие и хозяйственные принципы организации быта и ведения хозяйства с соседними народностями.

Ранее мы писали о том, что тунгусы так же, как и буряты, имели по нескольку сезонных мест кочёвок. Эти исконно кочевые привычки ведения хозяйства у тунгусов и бурят также обратили на себя внимание власти. Думе было предписано отводить «квартиры на кордонах для инородцев (*бурят – Р. Ж.*) и тунгусов заведывания Урульгинской степной думы и имеющих (*привычку – Р. Ж.*) командироваться с приближением весны на каждый кордон... только на кордоны вдобавок казакам братских и тунгусских в летнее время отвести имь в жительство квартиры, а ежели сами они пожелают в них жительство для стойба и пасьбы лошадей места, не стесняя их ни в коем случае» [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 4, л. 725]. Другими словами, казаки и инородцы-буряты пользовались своими сезонными пастбищами, что ясным было уже непозволительно. Потому ясным тунгусам было выгодно стать крещёным казаком или даже крестьянином, чтобы избежать всех невыгодных для себя последствий и ущемлений со стороны думы и суда.

Следует написать несколько строк и о селении Урульга, по названию которого была названа Степная дума – Урульгинская. Согласно «Истории населённых пунктов Читинской об-

ласти», составленной в своё время Н. С. Тяжеловым, история поселения датирована 1667 г., «когда Гантимур со своим родом пришёл в Нерчинское воеводство». Н. С. Тяжелов пишет, что в конце XVII в. после смерти самого Гантимура его сыну Павлу была дана власть над 12 родами и было положено жалование 40 рублями денег, 20 вёдрами вина, 40 четвертями зерна, 20 четвертями овса, соли и крупы в год [Тяжелов, б/г].

В 1765 г. Гантимуровым были отведены земли по реке Нарын-Талача с устья до вершины, сенные покосы от устья до вершины и «посторонними», впадающими в пади, и под выпас скота около реки Ингода до Харбачей.

Позже, в 1897 г. село Урульга было преобразовано в железнодорожную станцию в эпоху постройки железной дороги. В 1918 г. в Урульге состоялась конференция советских и партизанских работников, где присутствовало 59 человек. Было принято решение о начале партизанского движения в Забайкалье [Тяжелов, б/г, с. 27].

Глава 2. Генонимы тунгусских родов князя Гантимура

Данная глава посвящена описанию и презентации родовых названий тунгусов Гантимура. Узнать примерные цифры и количество родов можно только при долголетних разысканиях архивных фондов. В этих фондах хранятся по-своему бесценные документальные сведения о давно ушедших в небытие временах, которые помогут при воссоздании некоторых фрагментов прошлого. Особо ценными в этом аспекте считаются ревизские сказки или описи населения.

Известно, что всего в России было проведено 10 ревизий, начиная с 1718 по 1858 г.: 1-я ревизия – 1718–1727 гг. (женский пол не учитывался); 2-я ревизия – 1743–1747 гг. (без учёта «женских душ»); 3-я ревизия – 1761–1767 гг.; 4-я ревизия – 1781–1782 гг.; 5-я ревизия – 1794–1795 гг.; 6-я ревизия – 1811 г. (женский пол не учтён); 7-я ревизия – 1815 г.; 8-я ревизия – 1833 г.; 9-я ревизия – 1850 г.; 10-я ревизия – 1857–1858 гг.

По указу Петра I в 1718 г. 26 ноября была начата ревизия-перепись населения (в более ранний период своеобразные переписи тоже проводились, но в значительно упрощённой форме). Причиной введения ревизских списков послужила необходимость определить, «сколько, где, в какой волости, селе и деревне крестьян, бобылей, задворных и деловых людей, всех от старого до самого малого, с летами их» [Андреев]. Этот указ знаменует переход российского налогообложения с подворного на подушное, где «ревизской душой» являлось лицо мужского пола. Лишь при более поздних переписях населения в ревизские сказки заносились «души женского пола».

Примерно до середины XVIII в. чёткого формуляра по составлению ревизских сказок не было, и ответственные за перепись лица вносили данные о населении, руководствуясь рекомендациями властей, а не в строгой зависимости от них. Начиная с 3-й ревизии вводится печатный бланк, до появления которого форма списков прорисовывалась вручную (см. рис. 8). С 3-й по 7-ю ревизии таблица пополнялась новыми

ми графами, и лишь с 1815 г. структура ревизской сказки обретает свой окончательный вид. В форме содержалась следующая информация: дата подачи сказки, место проведения переписи населения вплоть до указания села или деревни. Также указывались номер семьи, её состав до и во время проводимой ревизии, возраст каждого конкретного человека и др. В заключительной части ревизской сказки подсчитывались итоговые цифры и ставилась подпись того, кто был ответственен за перепись в административной единице [Андреев].

89	Семья Николая Свинь — — — — —	19	—	—
	Семья Николая Свинь — — — — —	16	—	—
90	Семья Дмитрия Свинь — — — — —	31	—	—
	Семья Дмитрия Свинь — — — — —	7	—	—
	Семья — — — — —	5	—	—
91	Семья — — — — —	51	—	—
	Семья — — — — —	25	—	—
	Семья — — — — —	2	—	—
	Семья — — — — —	1	—	—
	Семья — — — — —	55	—	—
	Семья — — — — —	26	—	—
	Семья — — — — —	12	—	—
	Семья — — — — —	11	—	—
	Семья — — — — —	8	—	—
	Семья — — — — —	49	—	—
	Семья — — — — —	—	—	—
	Семья — — — — —	22	—	—
	Семья — — — — —	12	—	—
	Семья — — — — —	9	—	—

Рис. 8. Из ревизской сказки 1816 года
(Государственный архив Читинской области)

Усложняющим фактором при ознакомлении со списками тунгусов является неразборчивый почерк заполняющих лиц. В описях можно узнать сословную и этническую принадлежность, род деятельности, имущественное положение, места кочёвок, наличие семьи, включая и число жён и детей. Записи в описи вносились следующим образом: на левой стороне ревизской сказки вносился поимённый список лиц мужского пола каждой семьи, указывался возраст, а также обозначалось, «сколько таких лиц было в семье во время предыдущей ревизии, сколько лиц выбыло, когда именно и по какой причине, и сколько состоит налицо». На правой стороне ревизского списка вписывались «души женского пола» с указанием возраста. Рисунок 9 иллюстрирует содержательную часть ревизской сказки.

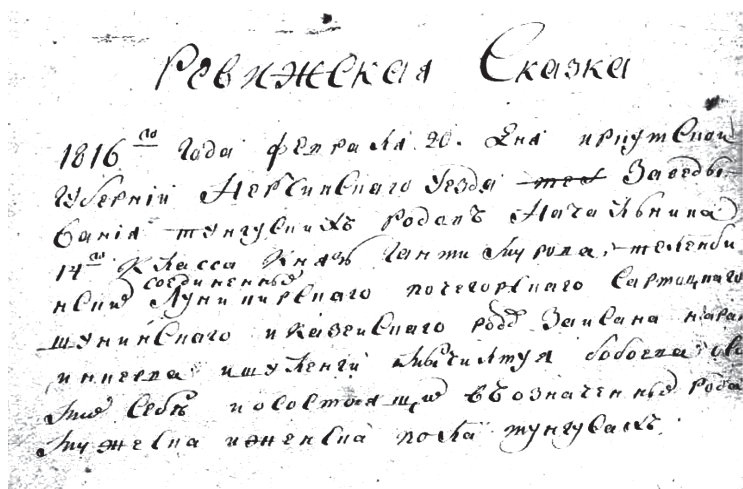

Рис. 9. Ревизская сказка тунгусов Нерчинского уезда 1816 года

Ранее мы упоминали о том, что по некоторым данным родов тунгусов Гантимура насчитывалось разное количество. К примеру, ревизские описи, составленные до 1816 г., не всегда дают полную и достоверную картину реального состояния по количественному и родовому составу Урульгинской степной думы. Однако ознакомление с фондами и делами по ре-

визским описям тунгусского населения позволяет считать эти «сказки» наиболее полно и тщательно составленными с точки зрения количественного состава.

Приведём в качестве иллюстративного материала фрагмент переписки управления Урульгинской степной думы об объективных преградах и трудностях при сборе ясака с тунгусов, особенно с той категории, которую относили согласно Своду к «ловцам» или «бродячим» тунгусам.

«Переписка князя Гантимура с начальником Нерчинских заводов о закупке шерсти у эвенков (*тунгусов* – Р. Ж.), прошения ясачных князя Гантимура, рапорты зайсанов о хлебопашестве у эвенков (*тунгусов* – Р. Ж.), рапорты лекарских учеников о прививке оспы, сведения о взаимоотношениях русских крестьян с эвенками (*тунгусами* – Р. Ж.), рапорты зайсанов о сдаче ясака князю Гантимуру, реестр исходящих бумаг думы» [ГАЧО, ф. 300, оп. 1, д. 30] за 1817 г.

«Указ его Императорского величества самодержца Всероссийского изъ Иркутского Губернского правительства... среднеколымское частное комиссарство по всей Якутской области есть единственно самое удалённейшее и обитатели оною жительствоуют большей частью около устья Ледовитого океана на великих пространствах, а к тому времени многия ламутские и юкагирские роды с издревле постоянного жительства не имеют, а ведут кочевую жизнь, гоняясь всегда для пропитания за дикими оленями, куда бы они не удалялись. И так странствуют они по нескольку семейств, зимою в лесах, а летом около Ледовитого моря, на тундре в неизвестных местах и выходя на сборные урочища къ платежу ясака только один раз в году в ноябре – декабре месяцах. Просим Губернское Правительство по симъ причинам об избавлении тамошних кочующих Ламутских и Юкагирских родов по чрезвычайной бедности их от положенной за не подачу в срокъ ревизской скаски пени...

...От чего предусматривается совершенная невозможность в срочном окончании к 15 числу августа 1816 г. переписи душъ; и которые никакою деятельностью отвратить невозможно, ибо предписание о сем Губернского правительства

получены в Среднеколымск после уже ухода сих иноверцев с обыкновенного места свидания в отдалённые звероловные места, отколь ранее года они не возвращаются. Каковыя обстоятельства могут произойти и прочим местам здешней Губернии, отдалённой от обитаемых коренными жителями и от городов на несколько тысяч вёрст».

По итогам всей этой переписки было принято постановление: «во-первых, что люди сии рассеяны для звероловства по необитаемым местам на великом пространстве, отчего места их жительств никогда не бывают постоянны, и потому нет никакой возможности собрать ревизскую сказку в одно како-либо время. Во-вторых, что сообщение с сими народами бывает один токмо раз в году тогда, когда собираются они на сугланные места для взносу ясака, следовательно прежде выхода их на сии места местные начальства не токмо к исполнению чего либо касающегося до них, но и к самому отысканию их никаких средств не имеют.

В-третьих, что предписание Губернского Начальства доходит в отдаленные места Якутской Области Чижигу (*неразборчиво* – Р. Ж.) и Камчатку, как в удобное время грязь полгода, а в другие времена через год и более, и прежде, нежели получается сии предписания, полагаемые на исполнение общие сроки давно уже оканчивающиеся; из чего следует, что положенный Высочайшим Указом на поверку сказок 7-й ревизии срок не может быть распространён на означенные отдалённые места» [ГАЧО, ф. 300, оп. 1, д. 30, л. 240–242].

Нас интересует, прежде всего, антропонимический состав родовых объединений тунгусов Гантимура. Ранее приведённые данные в виде численного состава по каждому из родов позволяют учитывать только количественный состав. Антропонимические данные дают возможность определить степень русификации того или иного рода путём установления именного и фамильного состава рода.

Наиболее достоверное положение здесь вырисовывается из сопоставления архивных дел, поэтому изложим далее цифры и имена, как личные, так и родовые по ревизии от 1816 г. [ГАЧО, ф. 1о, оп. 1/5, д. 17513]. По каждому роду представим

не только численный, но и количественный состав, особенно в отношении антропонимического состава, и в качестве иллюстративного материала приведём по 10–12 данных о ревизских душах по каждому из родов тунгусов Гантимура.

2.1. Документальное описание тунгусских родов: Улятского, Почегорского, Вакасильского, Мунгальского, Узоновского, Бултегерского, Нероновского, Конурского и Сухановского

2.1.1. Улятский род тунгусов

В количественном отношении душ мужского пола Улятского рода примерно, по ревизской описи 1816 г. – 200, так же женского. Всего – около 400 человек. Крещёных по этой описи мужчин 145 душ, женщин – 147, судя по русским именам (см. табл. 15).

В качественном отношении следует отметить, что большая часть родового состава имеют уже русский антропонимикон, так называемые тунгусские или, по-иному, языческие имена встречаются относительно редко.

Таблица 15

Дело о переписи по Государству, мужеска и женска полу людей 1816-го Года		
<i>Тунгусы Улятскаго рода</i>		
<i>Мужского пола тунгусы</i>	<i>Лет по прошлой переписи / лет по этой переписи</i>	<i>Женского пола тунгуски / лет</i>
1. Шуленга Жергей Муриевъ	26–30	Жена Анзуй(-н) 25 лет
Анжула Муриева		Жена Долсон(?) 26 лет
		Егожь дочери Гулгей 10; Сунбуль – 7; Намжилъ – 5; Янгу(?) – 3

<i>Мужского пола тунгусы</i>	<i>Лет по прошлой переписи / лет по этой переписи</i>	<i>Женского пола тунгуски / лет</i>
2. Еремий Матушина Гарасима Еромина	63 умре 1812 г.	Жена Гурумсун – 60; жена Марфа Зорголова – 23; его же дочь Гулга – 6
		Свояченица – 10
Герасима Еремина сыны		Г(?)архань
3. Шуленга Зергой Му- рисов	26–30 Дети его Делгерь 10–14. Детилтуй 6–10 Буянту 4–8	Зергея Муриева жена Янзу – 20; его мать Дунсуль – 60; его же сестра Гунцень – 10
Зергей Муриева братья	Жируль (?) улипин- гинь (?) 23–27	Жироулова жена Долонца – 24; его же дочери Гулгей – 8; Сумбурь – 7; Намжиль – 5; Намбу – 3
Афанасей Ц(?)итулев Афанасея сынъ Ончиту	63 умря в 1815 г. 19–23	Жена Афанасея Гави Максурова дочь – 50; его же дочь Буй- ла – 8
4. Николай Сухановъ	43 умер в 1815 г.	Жена его Марья Ми- хайлова – 45
Сынъ ево Илба	26–30	Жена Илбита (<i>нераз- борчиво – Р. Ж.</i>) Албитова – 30; его же дочь Лукерья – 5
Его сыновья 1-й. Семён; 2-й. Данило	7–11 4–7	
5. Василей Васильевъ	51–55	Жена Анисья – 33
Сыновья ево: 1-й. Герасим	33–37	Жена Евдокия – 34; ево же дочь Сунбо – 1
У ево сынъ 1-й. Прокопей	6–10	
2-й. Ипань	26–30	Ипана жена Анкей – 30
Сынъ ево(?)тка	4	

6. Бато? Илигеевъ	44–51	Бато Илигаева жена (неразборчиво – Р. Ж.) – 30
Егожь сыновья 1-й Ир- дени	24–30	
2-й. Пушинъ(?)	21–25	
3-й. Данилей	9–13	
7. Василей Гондоепъ	32–36	Василья Гондоепа мать – 60; жена ку- сунгу – 28; его же дочь Кукудырь – 9
Братъ ево Василья Нима	25–29	Жена Нимо цуванъ – 35; его же дочери мала- нья – 15; Кынза – 7; Наракиль – 4
2-й братъ. Ургида	24–28	Ургилы жена Сувадай – 18
8. Замсу Донгаевъ Ши- даевъ	32–36	Замсуева мать Гавинда Дурунчиева – 60; Замсы Шидаева жена Зуно(?) его до- чери: Сундо, Буйла
Ево сынъ Упашей (Уба- ши?)	6–10	
Баинтуй	3	
9. Мытка Сорилловъ	32–36	Мытку Сорилова жена Орина – 24
Ево сыновья Егоръ Ирчила	3 1	
Братъ ево Мыдкуй	14–21	
2-й. Тыкши	14–21	
10. Тить Уданин	59–63	Евожь жена Тарбай
Братъ ево Мычей	58–62	Жена Оювинъ – 35
Анисей Буналзуевъ	48–52	Жена Зуна – 50
11. Фёдор Егоръ Щёголев	24–28	Жена Федотья – 20
Братъ ево Семень	26–30	
2-й братъ	21–25	

Относительно фиксированных данных по документам ГАЧО приведём следующие сведения. По ревизской переписи 1816 г. отдельных родов Улятских (*Улятский – Р. Ж.*) было два, первый под началом шуленги Жергея/Зергоя Муриева насчитывал 36 семей, где крещёных 145 душ мужского пола, 147 женского, итого 392 души.

Второй Улятский род под началом зайсана Дулы Ванчикова насчитывал 56 душ, из которых 31 душа мужского и 25 женского с припиской «крещёна женска 1 душа». Значит, остальные тунгусы пока не были крещёными.

В «Списке из окладной книги» 1828 г. число тунгусов Улятского рода уже 255 душ [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 4].

Далее Улятский род встречается в ведении Шундуинской инородной управы. По ревизии 1828 г. в Улятском роду всего по подсчёту 508 мужского пола и 514 женского пола душ, всего 1022 человека. Из этого числа крещёных 91 семья числом примерно 756 душ обоего пола, некрещёных 138 мужского и 128 женского пола, всего 266 человек [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 64].

Хотя в другом деле [ГАЧО, ф. 55, оп. 3, д. 9] в ведении Шундуинской инородной управы находится семь родов, из коих Улятский платит ясак 287 рублей 10 копеек с 255 душ тунгусов. Полагаем, что это род, который был под началом Дулы Ванчикова, по численности меньше по сравнению с первым родом шуленги Жергея Муриева.

В документе, подготовленном для М. А. Кастрена⁵, Улятский род Шундуинской управы состоял из 368 душ: 131 крещёных и 237 некрещёных. Имели тунгусы-уляты «43 верблюда, 2120 коней, рогатых 2355 единиц, баранов и коз 2483 штуки, всего живности 7601 штука» [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 39]. Сведения отражают состояние дел на 1848–1849 гг.

По переписи 1831 г. подсчёт соотношения крещёных (194 мужские души и 61 некрещёная мужская душа) 255 человек шуленги Герасима Еремеева с умножением на четыре для подсчёта общего числа родовичей обоего пола даёт цифру при-

⁵ Матиас Александр Кастрён (1813–1852) – известный учёный-лингвист, автор гипотезы о генетическом родстве уральских и алтайских языков.

мерно в 1020 человек [ГАЧО, ф. 55, оп. 3, д. 9]. Добавился ещё подрод, именуемый Улятский былыктуевский с общим числом 36 мужского пола душ, из коих 32 мужские души некрещёные, 4 души мужского пола крещёные.

Улятский род тунгусов зайсана Дулы Ванчикова состоит из меньшего числа тунгусов (см. табл. 16).

Таблица 16

Ревизская сказка 1816-го Года февраля 24 дня Иркутской губернии Нерчинского уезда заведывания тунгусских родом Начальника князь 14 класса Гантимурова Улятского роду зайсана Дулы Ванчикова о самом себе и о состоящих мужеска и женска пола тунгусахъ		
<i>Тунгусы Улятского рода</i>		
Всего душ ясачных в роду	Мужского пола	Женского пола
56 душ	31 душа	25 душ

В Улятском роду зайсана Дулы Ванчикова числится крещёной только одна женская душа, хотя в описи приведены имена: Марфа, Анна, Марья, Аграфена, Катерина. «Тунгусских» имён больше: Шилтунъ, Сукна, Саинзу, Омце, Долгоръ, Галца, Сунжика, Нарака, Сойдо, Сунда, Дивей, Долгор, Хилда, Цындунъ, Дымтуръ, Уранза, Убуса, Балма, Урду и др. Причём бурят-монгольских, типа Долгор или Балма мало, почти единицы [ГАЧО, ф. 55, оп. 3, д. 9].

Мужские имена Улятского рода Дулы Ванчикова в своём языковом составе относятся к так называемым «тунгусским» именам: Сакия Былыктуев, Тенжей, Текшей, Делгеръ, Фёдор Сакинов, Долинъ, Бандека, Турокъ Сакиинъ, Турков сын Батуй; Алексей Сакиинъ, Петуръ Былыктуев, зайсан Дула Ванчиков, Дулин сын Павел; Дудай Ванчиков, Дудая сын Баргу и др. Очевидно, что и в этом небольшом роду записаны представители одного рода, ведущего своё начало от общего предка некоего Ванчика [ГАЧО, ф. 55, оп. 3, д. 9, л. 434–436].

2.1.2. Почегорский род тунгусов

Ещё один род – Почегорский род под управлением зайсана Хрисанфа Нарышкина – согласно «Именному списку эвенков принявших и не принявших христианство; сведения о хлебопашестве у эвенков», состоял из крещёных тунгусов и некрещёных.

Основное его занятие – скотоводство и звероловство, хотя отмечено, что некрещёных тунгусов, занимающихся хлебопашеством, 71 душа, не занимающихся хлебопашеством – 168 душ. Общее число, таким образом, составляет примерно 239 душ на 1823 г. [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 2].

Очевидно, что этот род, как и другие, стал со временем делиться на подроды, т. к. в другом документе записано, что Почегорского рода тунгусов 278 душ, а по прежней переписи 408 душ [ГАЧО, ф. 300, оп. 1, д. 4, л. 162].

Деление рода также объяснимо тем, что в разные ревизии тунгусы-почегоры были записаны как в составе Еравнинских (*Яравинских – Р. Ж.*), так и Телембинских тунгусов. В ревизии 1857 г. записано, что «Нерчинского окружного ведомства Урульгинской степной думы Оловской инородной управы Почегорского рода всего 279 мужского и 231 женского пола» тунгусов, всего 85 семей. «Из них 9 семей перечислены в Онгоцонскую управу» и, судя по их именам, эти тунгусы, в основном, некрещёные.

По данным 1828 г. знаем, что «Оловская инородная управа, состоящая от Урульгинской примерно в 200 верстах, под управлением которой состоит 5 родов: Почегорский (239 душ, платят в год ясаку 250 рублей, 33,5 копеек), Кельтегирский, Узонский, Перводулигарский, Второбаягирский» [ГАЧО, ф. 55, оп. 3, д. 9].

Позже, по данным от 1848–1849 гг., среди восьми родов Оловской инородной управы из 219 душ тунгусов-почегоров 150 крещёных, 69 некрещёных, «которые имеют жительство при реке Шилке, по разным речкам, впадающим в оную реку – Олову, Кугиче, Курлыче, Шивье, Кулинде, чаще Олекану,

Торге, Торгоконь, Кие, Киекану, при реке Нерче, впадающей в реку Шилку» [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 39] (см. табл. 17). Отмечено, что юрты у них войлочные и деревянные.

Таблица 17

Ревизская сказка 1816-го Года февраля 15 дня Иркутской губернии Нерчинского уезда заведывания тунгусскихх родом Начальника князь 14 класса Гантимурова почегорского роду шуленги Баяна Болотова о самом себе по состоящей в обозначенном роду мужеска и женска пола тунгусах		
<i>Тунгусы Почегорского рода</i>		
<i>Мужского пола тунгусы</i>	<i>Лет по прошлой переписи / лет по этой переписи</i>	<i>Женского пола тунгуски / лет</i>
1. Шуленга Баянь Болотова сынъ	42–46	Жена Баяна Занге Федорова – 43
Баяна сынъ Сулналту	10–14	Дочь ево Сумбури – 20
Дядя Баяна Тумурги Ширшинъ	64 умря в 1812 г.	
Тумурга Ширшина сынъ Бонбора Бонборая Тумургиева сынъ Андрюшка	53 умре 1813 г. 9–13	Бонборая жена Парасковья Иванова – 35
2. Иванъ Степановъ	44–48	Ивана жена Аксиныя Артамонова – 40 Ево же дочери Анистья – 8; Евдокия – 6; евож падчерица Матрена 17; Дарья 9
Сыновья Ивана 1-й Матоги	12–16	
2-й. Василги	10 умря в 1813 г.	
3-й. Степанъ	1	
Ивана Степанова братъ Васка Батмав Васки Батмаева сыновья 1-й. Захаръ 2-й. Фетка Ивана Степанова племянник Иван	39–43 14–18 10–14 24–28	Васки Батмаева жена Имиха – 35; дочь Иру 12

Продолжение табл. 17

<i>Мужского пола тунгусы</i>	<i>Лет по прошлой переписи / лет по этой переписи</i>	<i>Женского пола тунгуски / лет</i>
3. Иванъ Бурдинской	33–37	Ивана Бурдинского жена Евдокея Фомина – 30; ево же дочери Дарья – 8; Парасковья – 5; Дарья – 2
Ивана Бурдинского сынъ Иванъ	2–6	
4. Гаврило Дмитрив Шаломенцовъ	37–41	Гаврилы Шаломенцова мать Агафья Иванова – 80; ево же дочери: Фёк- ла – 18; Елена – 10
Гаврилы Шаломенцова сыновья: 1-й. Прокопей 2-й. Андрей 3-й. Константин 4-й. Афонасей 5-й. Николай	15–19 11–15 9–13 3 умря в 1812 г. 4	
5. Пётръ Шаломенцовъ	62–66	Пётра Шаломенцова жена Ирина Иванова – 30; ево же дочери: Гли- керия – 10; Евдокия – 8
Сынъ Василей	н/в 3 мес.	Жена Анисья – 33
6. Дапилай Мининчеевъ	62–66	Жена Залма – 60
7. Гаприло Ваннинъ Бардануевъ	35–39	Гаврилы Бардануева жена Ою Шамбашиина – 40
Гаврилы Бардануева братъ Белекту	33–37	Белектуя Бардануева жена Матрёна – 25; ево же дочь Анисья – 2
Гаврилы Бардануева дядя Зонбо Бардакуепъ	61 умря в 1813 г.	
Зонбоа Бардануепа сы- новья: 1-й. Шира 2-й. Чолбо	15–19 10–14	
8. Цыцинги Дамчаевъ Алудаепъ	46 умря в 1812 г.	
Цыцынги Дамчаева сынъ Даванчай	36–40	Даванчая Цыцынсепа жена Ою Харитоновна – 30

Даванчая Цынепа сыновья 1-й. Чунпуда	4	Ево же дочери Чангодарь – 10; Носундарь – 8
2-й. Чалбо	2	
Цыцынги Дамчаепа другой сынъ Пронка	17–21	Пронки Цыцынгепа жена Сонинъ Средни- нова – 35
Цыцынги Дамчаепа 3-й сынъ Онподай	2–6	
9. Дула Сергучина сынъ Дулагирь	28–32	Дулая Сергучинова жена Орина Баяндаепа – 28; его же дочь Надежда – 3
Дулая Сергучинопа племянники Казанца Минулнинъ; Николай Минулнинъ	19–23 7–11	
10. Иванъ Степанопъ Номоконопъ	26–30	Ивана Номоконова мать Фёкла Алексеева дочь – 60; Ивана Номоконова жена Аграфена – 25; ево же дочь Марья – 8; Ев- докея – 3; ево же сестра Катерина – 25
Ивана Номоконопа сынъ Тимофей	4	
11. Фадей Лиханопъ	61 умря в 1813 г.	Фадея Лиханопа жена Анна Ильина дочь – 50; ево же дочери Ирина – 15; Катерина – 12
Фадея Лиханопа сынъ Яковъ	29–30	Якова Фадеепа жена Елена Михайлопа – 28; ево же дочери Аграфена – 15; Матрёна – 10; Парасковья – 8; Федосья – 7; Аксинья – 6; Агафья – 1
Якова Фадеепа сынъ Федогъ	8–12	
Фадея Лиханопа другой сынъ Филипъ	6–10	

Мужчин в Почегорском роду – 184 человек, исключая записанных в ревизии от 1816 г. мёртвых душ, женского пола – 123 человека. Всего в роду – 307 человек.

Приведём русские фамилии Почегорского рода под началом зайсана Хрисанфа Нарышкина: Нарышкин, Бурдинских, Немеров, Номоконов, Вершинин, Лиханов, Богомятков, Варламов, Суханов, Полутов, Новиков, Петров, Корячкин, Павлов, Муромов (*много*), Пименов, Бармин, Скорняков, Пляскин, Рохлецов, Лисичников, Масюков, Александров, Фёдоров, Кононов, Берегов, Волков, Селин, Малцов, Суботин, Гантимуров, Семёнов, Шеломенцов. Имеются и такие, как Дула Сергунчин, а по крещению Осип Епов. Осипа Епова племянник Казанко, а по крещению Никита Беломестнов; Ама Мучукиев, а по крещению Илья Юрганов. Отмечено, что тунгусы-почегоры этого рода «занимаются хлебопашеством и звероловством; платят подать деньгами» [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 39, л. 97].

2.1.3. Вакасильский/Вакаройский род тунгусов

По поводу следующего в ревизской описи Вакасильского рода (т. е. Вакаройского) написано, что эти тунгусы кочуют по левую сторону Онона и по урочищу речки Курулги (см. табл. 18).

Таблица 18

Ревизская сказка 1816-го Года февраля 15 дня Иркутской губернии Нерчинского уезда заведывания тунгусских родом Начальника князь 14 класса Гантимурова Вакасильского роду шуленги Прокопья Глотова о самом себе и о состоящих мужеска и женска пола тунгусах		
<i>Тунгусы Вакасильского рода</i>		
<i>Мужского пола тунгусы</i>	<i>Лет по прошлой переписи / лет по этой переписи</i>	<i>Женского пола тунгуски</i>
1. Шуленга Прокопей Прохоровъ сынъ Глотовъ	41–45	Жена Прокопея Глотова Ханду Санжеева дочь – 47
Прокопья Глотова сынъ Семёнъ	4–8	Дочь ево Софья – 13

Прокорья Глотова племянник Тумурь Пронкин сын	20–24	
Прокопья Глотова другой племянник Юмцунь Пронкин сын	18 умре 1814 г.	
Юмцуна Пронкина сын Данжинь	3–7	
Юмцуна Пронкина другой сын Намсарай	н/в 1	
2. Мынгыту Куцынь сын	34–38	Мынгытуя Куцына жена Серемсу Сундуева дочь – 45; дочери Дулма – 10; Сандума – 4
Мынгытуя Куцына другой сын Шандурь	10–14	
Мынгытуя Куцына брат Шаломенца	24–31	Шаломенцева Куцына жена Енбу Порчедаева дочь – 31
Мынгытуя Куцына дядя Бамбашей Зугуев сын	62 умер в 1814 г.	
3. Сумурь Ивулов сын	52–56	Сумура Ивулова жена Ою Долженова дочь – 45; дочь Барика – 15
Сумура Ивулова брат Мешалка	47–51	Мешалки Ивулова жена Сержинь Балданова дочь – 46; ево же дочери от 1-й жены: Шаму – 8; Дулма – 5
Сумура Ивулова большой брат Шурду Сутееп	64 умря в 1815 г.	
4. Замсу Чилучаноп сын	33 умер в 1814 г.	Замсуя Чилучаноп жена Сакия Мункуева дочь – 38
Замсуя Чилучанова сын Шандурь	2– 6	Жена Анисья – 33
Замсуя Чилучанова отец Чилучань Одуеп сын Тылденоп	69 умер в 1815 г.	

Продолжение табл. 18

<i>Мужского пола тунгусы</i>	<i>Лет по прошлой переписи / лет по этой переписи</i>	<i>Женского пола тунгуски</i>
5. Баярту Андрюшкинъ сынъ	34–38	Баяртуя Андрюшкина жена Маши Хорчеева дочь – 45; дочери Балму – 13; Залма – 7
Баяртуя Андрюшкина братъ Томполай	30–34	Баяртуя Андрюшкина жена Гунцу Матеева дочь – 24
Томполая Андрюшкина от первой жены сыновья: 1-й. Суча 2-й. Намду 3-й. Дундой 4-й. Доржи	11–15 4–11 5–9 1–5	
Зонбоя Бардануепа сыновья: 1-й. Шира 2-й. Чолбо	15–19 10–14	
Баяртуя Андрюшкина другой братъ Шуналту	19 умря в 1813 г.	
Шуналтуя Андрюшкина сынъ Ердени	3 умер в 1814 г.	
Шуналтуя Андрюшкина другой сынъ Шандуръ	1–5	
6. Дуранга Чидунаевъ сынъ	21–25	Дуранги Чидунаева жена Дулма Докаева дочь – 20
Дуранги Чидунаепа братъ Дунда	19–23	
Дуранги Чидунаепа другой братъ Шакдуръ	4–8	
Ево же отецъ Чудунан Мычиняновъ сынъ	56 умер в 1814 г.	
Дуранги Чидунаева дядя Макаровъ Мычиновъ сынъ	56 умер в 1815 г. 7–11	
Макара Мычиненова сынъ Буянту	12–16	

7. Самсонъ Бадмаевъ сынъ	19–23	Самсона Бадмаева жена Долго Сухари-епа дочь – ?; его же дочь Гырыгинъ – 2
Самсона отецъ Бадма Богдашкинъ сынъ? Кын-шингеепъ	71 умер в 1814 г.	
Самсона Бадмаева племянникъ Самсонъ Доржиевъ сынъ	19 умер в 1814 г.	
8. Минжуръ Бычиктуепъ сынъ	46–50	Минжура Бичиктуепа жена Зари Тунупуева дочь – 50; Его же дочери: Болимсу – 15; Бургумъ – 10
Минжуръ Бычиктуепъ сынъ Делгоръ	21–25	Делгора Минжурова жена Бозудай Харалдаева дочь – 25
Минжура Бичиктуепа другой сынъ База	6–10	
Минжура Бичиктуева племянникъ Замамъ Ма(н?) оков сынъ	42–46	Минжура Бичиктуева невестка Залма Шарапова дочь – 45; ево же племянница Сувуди Манонава дочь – 45
9. Зунтукъ Улемиевъ сынъ	42–46	
Зунтука Улемиепа сыновья: 1-й. Гавчанча	11–15	Зунтука Улемиепа жена (?)бала Золдиепа дочь – 40
2-й. Т(?)упшанча	7–11	
3-й. Тулдунча	4–6	
10. Тыгылтуръ Гегелтуинопъ сынъ	20–24	
Тыгылтура Гегелтуинопа дядя Олбори Утулдеепъ сынъ	40 умер в 1814 г.	Тыгылтура Гегелтуинопа жена Балсанъ Егелчуева дочь – 18
Олбория Утулдеепа сынъ Сакия Его же другой сынъ Ердьдани	17 умер в 1813 г. 1–5	

По ревизии 1816 г. в Вакасильском роду (см. рис. 10) всего мужского полу 79 человек (умерло 22 человека), живых – 59 человек. Женского пола налицо 43. В описи даны цифры по умершим всего: в 1812 г. умерло 45 душ; в 1814 г. – 35.

Рис. 10. Тамга-печать шуленги Вакасильского рода Жевульева(?)

2.1.4. Мунгальский род тунгусов

Прошёл перепись и Мунгальский род тунгусов. Всего насчитывалось в отдельном роду под началом Якова Гантимурова 87 человек, из которых 48 мужчин, 39 женщин (см. табл. 19).

Таблица 19

Ревизская сказка 1816-го Года февраля 28 дня Мунгальского роду зайсана Якова Гантимурова о самом себе и о состоящих мужеска и женска пола тунгусахъ		
Тунгусы Мунгальского рода		
Мужского пола тунгусы	Лет по прошлой переписи / лет по этой переписи	Женского пола тунгуски
1. Зайсан Яков Софронов сынъ Гантимуров	31–35	Мать Якова Гантимурова Дарья Петрова дочь – 58; жена Домна Фёдорова дочь – 26; его же сестра Аграфена – 22

Якова Гантимурова сыновья: 1-й. Михаил 2-й. Яковъ 3-й. Борис 4-й. Павел	2–6 1 умер в 1814 г. н/в 3 н/в 1/2	-
Якова Гантимурова братъ Данило	21–25	Данилы Гантимурова жена Катерина Тарасова дочь – 28; его же дочери Мария – 6; Пелагея – 2; Татьяна – 1/2
Данилы Гантимурова сынъ Иванъ	н/в 4	-
Якова Гантимурова другой братъ Михайло	15–19	-
2. Улзуй Цакинъ, а по крещению Николай Елизаровъ сынъ Пляскинъ	42–46	Улзуя Сакияна мать Тушей – 70; жена Парасковья Петрова дочь – 35; его же дочери от 1-й жены Долгоръ – 10
Николая Пляскина от 1-й жены сыновья: 1-й. Дунъ 2-й. Хубилтуй 3-й. Барду	10–14 5–9 н/в 4	-
3. Антонъ Алексеев сынъ Шахуровъ	48–52	Антонъ Шахурова жена Евдокия Семенова дочь – 58; его же дочь Укулина – 15
Ивана Антонова сыновья: 1-й. Петръ 2-й. Трофим	8–12 3–7	Ивана Антонова жена Офимья Леонтьева дочь – 35
Антонъ Шахурова другой сынъ Дмитрей	18–22	Дмитрея Антонова жена Лукерья Фадеева дочь – 25
Антонъ Шахурова 3-й сынъ Петръ	10–14	Сумура Ивулова жена Ою Долженкова дочь – 45; дочь Барика – 15

<i>Мужского пола тунгусы</i>	<i>Лет по прошлой переписи / лет по этой переписи</i>	<i>Женского пола тунгуски</i>
4. Кышиктуй Гарминъ сынъ	15–19	Кышиктуй Гармина мать Хонду Баянова дочь – 40
Кышиктуй Гармина братъ Данчинъ	12–16	Его же сестра Намжилъ – 14
5. Романъ Федоропъ сынъ Пляскинъ	42–46	Романа Пляскина жена Фёкла Михайлова дочь – 28; ево же дочь Марфа – 2
Романа Федоропа братъ Василей Павлопъ сынъ Павлов	40–44	Василья Павлова дочь Наталья – 9
Василья Павлова сыновья Порфиль Кирикъ	10–14 8–12	-
Романа Павлова другой братъ Василей же	34–38	-
6. Кирило Васильев сын Васильев	17–21	Кирилы Васильева жена Агафья Андреева – 30; его же дочери Авдотья – 7; Татьяна – 5; Катерина – 3
7. Баянъ Иргелопъ сынъ Баяна Иргелопа сынъ Василей Иванов:	61 умер в 1813 г. 32–36	Василья Иванова жена Марфа Софронова дочь – 38; его же дочери Катерина – 6; Зиновия – 4
Сынъ Григорей	н/в 2	-
Баяна Иргелова другой сынъ Романъ Яковлевъ, а по тунгуски Доржи	5–9 19–23	-
8. Семен Анисимовъ сынъ Забелинъ	54–58	Семена Забелина жена Арина Максимова дочь – 52
9. Ванчикъ Гулугуепъ сынъ Кашигаев	69–73	Ванчика Гулугуева жена Шилтум Чованова дочь – 57

Его сын Ананда	27–31	Ананды Ванчикова жена Ханду Бариматова дочь – 25; его же дочь Дунсу – 5
10. Зайсан Ишигей Кашлаев	50–54	Зайсана Ишиева жена Шилтум Мункуцуева дочь – 55
Его брат Лужань	44–48	Лужана Ишиева

Любопытно, что под номером 10 в списке записан «Зайсан Ишия Кашлаев (50–54 года) со своим братом Лужаномъ» и своими домочадцами женой Шилтум Мункуцуевой дочерью (55 лет), тогда как «лутшие» люди – зайсаны, шуленги и даже старосты обычно шли в списках первыми. Очевидно, что это был зайсан уже отставной. Тем не менее, занесена в список его бывшая должность. По-видимому, это записано в целях упорядочения бывших ясачных повинностей и прочих обязанностей хоть уже и бывшего, но должностного лица в роду.

Родовые списки других родов тунгусов Гантимура составлены также подробно, с указанием лет по предыдущей переписи, отмечены «увечные» и неспособные к оплате ясака в силу этого. Интересно, что при учёте ревизской души ясачного тунгуса с него также взимались поборы, однако не с самого человека «увечного», а со всего родового сообщества.

Считаем небезинтересным привести краткий антропони-мический обзор по остальным родам в целях лучшего представления об этническом и языковом составе родовых тунгусских сообществ.

2.1.5. Узоновский/Узонский род тунгусов

В архивах ГАЧО род Узоновский относится к тунгусским родам Гантимура. По архивным документам, было два рода Узоновских, один в ведении Оловской инородной управы, второй в управлении Кужертаевской управы.

Одних узонов-тунгусов по ревизии 1790 г. насчитывается 358 душ. По данным 1793 г. в документе «Нерчинское горное правление. Списки жителей Урульгинской степной думы» в Узоновском роду всего 429 душ, из них платят ясак 172 души, а 252 души не платят. Крещёных из этого числа 68 душ, по-видимому, учитывались только души мужского пола.

В 1823 г. из 30 тунгусских родов Гантимура в Узоновском 494 души, по-видимому, обоего пола. Как видно, число этого рода, находящегося в ведении Оловской управы, примерно одно и то же.

В ревизии от 1823 г. во втором Узоновском роду, приписанном к Кужертаевской управе, насчитывалось 559 душ мужского и 561 душа женского полов, всего 1120 душ обоего пола. Численный состав всего тунгусского населения в 1823 г. примерно составлял 10 560 душ. Потому можно считать Узоновский род Кужертаевской управы одним из самых многочисленных.

Ревизия Узоновского рода 1850 г. показала наличие 540 мужского и 507 душ женского пола, а всего 1047 душ. Крещёные осёдлые удзоны-тунгусы: Пляскин, Попов, Питерский, Баранов, Павлов, Потехин, Старицын, Соколов и др. Крещёные кочующие – Малков, Новгородов, Константинов, Фомин, Белокопытов и др. [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 127].

По ревизской сказке 1857–1859 гг. тунгусов Узонского рода Кужертаевского селения 39 мужского и 44 женского пола. В селении Новоказачинском крещёных тунгусов 31 душа мужского пола (Потехин, Мартемьянов, Соколов, Старицын, Потапов, Перфильев, Фомин, Белокопытов и др.) и 24 души женского пола [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 61].

Тунгусов некрещёных кочующих гораздо больше – 446 душ мужского и 414 женского пола. По-видимому, тунгусы-узоны некрещёные Кужертаевской управы вошли в состав хоринских бурят, т. к. этот род может представлять по своей этнической принадлежности некое племя, родственное монголам.

В «Бурятских хрониках и родословных» приводится информация о том, что «предводитель удзонов Эрдыни-даруга

и Ария-бакши были подчинёнными Тушэту-хановского Бандай-дзасака, но, не пожелав терпеть притеснения, они, около 1690 г. задумали стать подданными русского белого царя. Ария-бакши был пойман (*монголами – Р. Ж.*) и жестоко наказан» [Цыдендамбаев, 1972]. Однако удзоны, по всей видимости, перешли в подданство «белого царя», как и остальные роды Гантимура, влившись со временем в состав поздних агинских бурят. Село Узон находится в Дульдургинском районе бывшего Агинского Бурятского автономного округа с компактным проживанием агинской группы хори-бурят.

Кратко опишем антропонимический состав Узоновского рода, который до ревизии 1823 г. числится одним в составе Урульгинской думы, а потому исправно платящим ясачную повинность. В документе «Список из окладной книги Нерчинского земского суда» от 1828 г. среди 39 родов тунгусов Гантимура встречаем 10-м родом Узонский на Хиле в количестве 82 душ, однако, в Узонском другом роду числится 479 душ. Это означает, что в ранних списках числится Узонский род Оловской управы, Узоновский Кужертаевской управы начинает значиться в ревизиях позже, будучи довольно многочисленным.

В ревизской сказке от 1816 г. за описью Мунгальского следует Узонский род зайсана Галимдивия Серенопа. Первым в списке записан отставной зайсан Василий Васильев сын Васильев, его сын «ныне служащий зайсанъ Галинди-ви Сереновъ сынъ». Таким образом, с одной стороны можно предполагать о прерывании генеалогии определённой фамилии. Однако, с другой стороны, очевидно, что имя у зайсана, записанного уже под новым именем, могло быть записано, как Серен, если его сын занесён в список как Галимдивий/Галинди-ви Серенопъ.

Перечислены такие имена как: Галсан Чуванов, Иринци, Сынге, Доржи, Очирь, Анудари, Шакдурь, Дондупь, «Шакдура Чуванова другой сынъ Очирь, а по принятию ламского названия переименован Шарапомъ», Ирелту, а по крещению Василей Егоропъ сынъ Суботинъ» [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 61].

Приведём имена, которые традиционно считаются бурят-монгольскими, записанными в Узонском роду тунгусов

Гантимура. Мужские имена: Цедень, Галсань, Зодбо, Семпиль, Содбо, Гончикъ, Гонбу, Жимба Мункуевъ, Балсань, Гарма, Ценпиль, Иркету, Сандань, Ирдени, Баярту Зангеевъ сынъ, Доржи, Очирь, Зодбо, Зорикту Лужань Печеев сынъ Цецеков, Серень, Шакдурже (*Шак-Доржо?* – Р. Ж.), Сандань Санжинов сынъ, Сержинъ Чингаев сынъ, Банзаракца [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 61, л. 229–231). Антипъ Халзанов сынъ, Гунге, Гонбу, отставной засоль Санданъ Мылзенев сынъ, Дакбу, Кышикту, Аюша Олкоепъ сынъ, Цывекъ, Шакдуръ Лупсанов сынъ, Абида [Там же, л. 232]; Данбу Доржиев сынъ, Данпиль, Очирь, Аюша, Нима Делгензеев сынъ, Замсу, Дондупъ, Занги, Сампиль [Там же, л. 233]; Ирдени, Дондупъ, Шакдуръ, Ямпиль, Жикмыгъ, Серень, Базаръ, Шакдуръ, Серень, Сампиль [Там же, л. 234]; Мунку, Серень Цеденов сынъ, Саду, Цывекъ, Гонбу, Даранъ, Герелту, Данжинъ, Шултум Зодбоев сынъ, Балданъ Данжинъ а по принятию гылунского ламского названия переименован Добдунъ [Там же, л. 235].

Любопытно отметить наличие иных имён у остальных членов рода, которые имеют мало общего с бурят-монгольскими: Антипъ Халзанов сынъ, отставной засоль Санданъ Мылзенев сынъ, Барамить, Юмъ, Лабанъ Лабанов сынъ, Костякинъ, Аюша Олкоепъ сынъ [Там же, л. 232]; Аранза, Нима Делгензеев сынъ, Анбу, Ванчикъ, Вампиль, Занги, Аранжуръ, Прокотей Буянтуев сынъ, Пронка, Мучалту Белгентеев сынъ, Федоръ [Там же, л. 233]; Еганъ Зургалтуев сынъ, Иванъ, Чиндама, Занбу Шарапов сынъ, Мунку Унердеепъ сынъ, Сундупъ, Лужанъ Унердеепъ сынъ Зондон [Там же, л. 234]; Шарапъ Шултемов сынъ, братанъ Сундуя Шидемовъ сынъ, Делге, Саду, Даранъ, Герелту, Цевекъ Чипиков сынъ, Шултум Зодбоев сынъ [Там же, л. 235]; Балу Нимаевъ сынъ, Крысанко (*Кирсанко?* – Р. Ж.), Бонкоев сынъ, Магнут Турулопъ сынъ, Тунге, Мангута Турулопа другой братъ Чанкирь, Чанкира Турулопа сынъ Очир [Там же, л. 256]; Иркету Инкеулопъ сынъ Баяровъ, Занге Жиятуевъ сынъ, Чонба [Там же, л. 257] и т. д.

Встречаются имена крещёных тунгусов Узонского рода: Алексей Козминъ сынъ Палшинъ, Андрей, Романъ, Константинъ, Иванъ Сергеев сынъ Малковъ, брат Стефанъ Лифантиепъ

сынъ, другой брат Филипъ Потехин, Матвей, Петръ, Григорей, Сергей, Харламышъ [Там же, л. 249]; Дунаула Кодымалова сынъ Аюша, по крещению Антипъ Ивановъ сынъ Новгородовъ [Там же, л. 250]; Василей Астафьев сынъ Вертипраховъ, Влас Астафьев Вертипрахов [Там же, л. 251]; Василей Яковлев сынъ Барановъ, Иванъ, Степан, Федоръ, Иван, Захаръ, Петръ, Феофил, Матвей, Дмитрий, Григорей, Николай Дмитриев сынъ Пляскинъ, Иванъ, Василей, Гаврило, Иванъ [Там же, л. 252]; Филипъ Иванов Богомяжковъ, Андрей, Ефимъ, Елизаръ Леонтьев сынъ Торховъ, Максимъ Лукинъ сынъ Старицын, Терентий, Миронъ, Дмитрей Васильевъ сынъ Бронниковъ, Андрей, Никита, Гаприль, Сергей, Яковъ Дмитриев сынъ Петровъ, Спиридонъ, Илья, Иван Андреев Беломеснов [Там же, л. 254].

Предварительный обзор антропонимов тунгусов Узонского рода (см. рис. 11) даёт основание считать, что превалируют имена бурят-монгольского тибетского языкового происхождения. Однако тунгусы этого рода также не избежали обращения в православие, вследствие чего в ревизии отмечено большое число как мужских, так и женских русских имён (Марина Иванова дочь, Татьяна, Парасковья Антонова дочь, Мария Васильева дочь, Елена, Катерина Григорьева дочь, Дария Федорова дочь, Надежда Иванова дочь, Евдокия, Парасковья Семенова дочь, Мария) [Там же, л. 254].

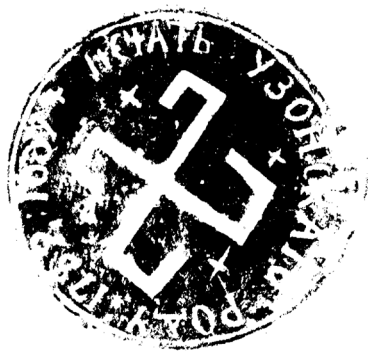

Рис. 11. Тамга-печать зайсана Узоновского рода

Всего «налицо 445 душ мужского (умерших 31 душа) – всего 494 человек в описи, 470 душ женского пола» в Узонском роду.

Особый интерес вызывают имена собственные с так называемым неясным языковым происхождением, анализ которых позволит определить этноязыковой субстрат тунгусского населения князя Гантимура.

2.1.6. Бултегерский род тунгусов

Особый интерес вызывает ревизская опись оленных тунгусов, или ороchon [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 61, л. 452–453].

Из ревизской описи трёх ороchonских родов (см. табл. 20) видно, что два рода (Эгдерельский и Чилчагирский) не встречаются в ревизиях Урульгинской степной думы. Поэтому эти роды могли быть случайно «пойманными» и внесёнными в ревизскую опись.

Таблица 20

Ревизская сказка 1816-го Года февраля 17 дня Иркутской губернии Нерчинского уезда заведывания тунгусских родом Начальника князь 14 класса Гантимура старшины Бакачия Мунгуепа о самом себе и о состоящих мужеска и женска пола оленных тунгусахъ	
<i>Бултегерского роду кочующие по реке Олёкме, Каренге и в других смежных урочищах</i>	
1. Мунгуй Гумуеъ сынъ 66 лет, умер в 1815 г.	
Сынъ 1-й Бакача	Алгунъ Селемкинова дочь
Бакачия Мунгуепа от 1-й жены сынъ Умдани	Дочери Итывуль, Имдунъ, Домжакъ
Его же от 1-й жены сынъ Дамкинка	-
Бакачиеъ от 1-й жены сынъ Элдинга	-
Мунгуя Гумуепа 2-й сынъ Дамбуга	Дамбуги 1-я жена Федонка Келбилмнеепа дочь; 2-я жена Нерукъ Слепоева дочь
Мунгуя Гумуепа 3-й сынъ Вамчигу	Дыека, Барилакъ
У Вамчиги сынъ 1-й сынъ Гамканей	Нюрканъ, Нюгитъ, Орина

У Вамчиги сынъ 2-й сынъ Эмкинга	Энку Акивулова дочь; Элдука, Умталикъ
У Вамчиги сынъ 3-й сынъ Киралту	-
2. Геневуль Талумаепъ сынъ	Дорчинъ Дендевулова дочь
Геневула 1-й сынъ Сопчинга	Геневула дочь Угакъ
Геневула 2-й сынъ Тоепуль	-
Геневула 3-й сынъ Гатавуль	Гимужинъ Бачуева дочь; Гурокъ Дурганаева дочь
3. Гатавуля Геновулова сынъ Декевуль	
<i>Эгдерельскаго роду</i>	
4. Егелту Слепоев сынъ	Дарпилакъ Чимилаева дочь
1-й сынъ Гукдупуль	-
2-й сынъ Зелгевуль	-
Братъ Чагадай	-
Чагадая сынъ Мунनावуль	-
<i>Чилчагирскаго роду</i>	
5. Быркалту Топоргиевъ сынъ	Доголконъ Жулапчаева дочь
От 1-й жены сынъ Илденга; 2-й сынъ Тунипуль	Дочь Сомкикъ
От 2-й жены сынъ Кинденча; 2-й Мыргевуль	2-ая жена Жинтокъ Одуева дочь
	Дочь Улгалакъ
6. Дегивуль Ерепчаева сынъ	Дегивуля Ерепчаева жена Боровокъ Чулевчеева дочь
Сынъ Мигनावуль	-
Брат Годинцей	Ундакъ Ултангаева дочь
7. Тымыла Топоргиевъ сынъ	7. Жена Олгакъ Талумаева дочь
Сынъ Сылдивуль	Дочь Шикалакъ
Сынъ Юлгивуль	Дочь Анка
8. Бавчугна Топоргиевъ сынъ	Чуба Гажинопа дочь
Сылыдерь Тиминиев (32 г.) выбыл в 1813 г. в Баргузинский округ	
<i>Итого</i>	
31 душа мужского пола	29 душ женского пола

Антропонимический состав этих трёх родов можно отнести к тунгусо-маньчжурским, к эвенкийским, в частности, как по типично эвенкийским аффиксам *-(в)уль*, *-ча* и *-ей*, так

и по значению этих имён, не имеющих ничего общего ни с тибет-монгольскими, ни с русскими, как в других родах тунгусов Гантимура.

К тому же фамилия Топоргиевъ служит основанием для того, чтобы членов рода Чилчагирский сопоставить с так называемыми *топорками*. Эти загадочные топораки, или топорки на деле представляют собой подродовые ответвления от родов, приписанных к Тетерскому зимовью в 1699 г. – «чемдали, чондадули и топорки» [Долгих, 1960, с. 175].

2.1.7. Нероновский/Нироновский род тунгусов

Название этого рода в ревизской сказке 1816 г. среди 47 тунгусских родов не записано. В «Списке из окладной книги Нерчинского земского суда» от 1828 г. также отсутствует. Однако в более поздней ревизии от 1857 г. в Оловской инородной управе последним в списке из 8 родов упомянут Нироновский род, состоящий из 21 семьи. Все 73 души мужского и 60 душ женского пола имеют русские имена: 9 семей с фамилией Зотов, 3 семьи с фамилией Нарышкин, 3 семьи с фамилией Миронов, остальные – Бобровниковы, Надеяевы, Новиковы.

Это количество Нероновского рода приведено в документах 1848–1849 гг. о статистических данных о родившихся и умерших в управах Урульгинской степной думы – в Оловской управе в Нероновском роду всего 61 крещёная душа [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 39]. В «Ведомости о вероисповедании» Урульгинской степной думы Нерчинского округа от 1840 г. в ведении Оловской инородной управы отмечены 5 родов вместо прежних 8, за исключением родов Сухановского, Городового и Нероновского.

Данный факт можно понять однозначно, что все крещёные тунгусы Нероновского рода «превратились» в отчетных документах в русское население Даурии XIX в., которых позже стали указывать как государственных крестьян Нерчинска.

2.1.8. Сухановский род тунгусов

Сухановский отдельный род записан по ревизии 1857 г. в составе Оловской инородной управы. Состоит из 101 семьи, судя по фамильному составу, все тунгусы этого рода уже крещёные. Самые распространённые фамилии в этом роду следующие: Суханов, Протопопов, Лоншаков, Литвинцов, Полазов, Березин, Корякин, Епифанцев, Плотников, Тюкавкин, Иконников, Адамов, Деревцов, Иринархов, Мальцов, Епов, Стуков, Попов, Шерстянкин.

Весьма любопытна статья Сергея Кудрявцева «Очерк истории Забайкальской епархии. Миссия среди тунгусов в XVIII столетии» о миссионерской деятельности некоего Кирилла Суханова [Кудрявцев]. Он пишет, что «в начале 70-х годов XVIII в. в Нерчинском округе неожиданно появился некий православный миссионер, развернувший широкую работу с тунгусами, кочевавшими по долинам рек Алеур и Курлыч. Звали его Кирилл Васильевич Суханов. История его такова. Родился он 7 января 1741 г. в городе Яренске. В Яренске он состоял в купеческом сословии и занимался “иконостасным искусством”.

Неизвестно, что заставило его оставить семью в Яренске и бежать в Сибирь. Бежал он вместе с товарищем – иконописцем Василием Березиным. Вместе они дошли до Иркутска, где им пришлось на время расстаться. Березин отправился в Якутск, а Суханов в 1768 г. появился в Нерчинске с паспортом от Яренской ратуши “за купечеством и иконостасным искусством”. В Нерчинск его пригласил ктитор Курлыченской церкви Епифанцев, который приехал в Иркутск в апреле 1769 г. за архиерейским благословением преосвященного Софрония на постройку новой деревянной церкви в селе Курлыч. Епископ постройку благословил и предписал найти кандидата на священническое место при ней. Вместе с Епифанцевым Кирилл Суханов отправился в Курлыч, где принялся за постройку нового храма. В январе 1770 г. курлыченские жители просили освятить новый храм и рекомендовали в священники для своей церкви иконописца Кирилла Суханова. Благословение на освящение нового храма было получено 7 марта 1771 г., но Кирилл Суханов отказался от рукоположения.

Получив деньги за постройку храма, Кирилл Васильевич Суханов, неожиданно для всех отправился проповедовать Христа тунгусам. Через два года, 18 октября 1773 г., в Иркутске было получено его прошение к архиерею. Кирилл Суханов сообщал: «В Нерчинском ведомстве принял я обращающихся в веру православную идоляторов от Святого крещения обоего пола не малое число душ, коих, по усердию, с дозволения Нерчинской воеводской и горной канцелярий, собственным своим коштом поселил домами вверх по реке Алеуру, при устье Бусулея, на пустом месте, ныне именуемом Сухановой слободой, в 40 верстах от Курлыченской церкви. Где для приобывновения оных на молитву и прославлению истинного Бога и утверждения их в вере православной намерение имею построить во имя Пресвятыя Троицы часовню, а на строение и святыми образами и утварью украшение и содержание оной имею употребить свой собственный кошт».

Преосвященный отвечал: «Часовен строить не велено, а когда много будет новокрещённых, то можно будет создать церковь». Можно предположить, что таких новокрещённых было около 100 душ.

27 февраля 1775 г. старшина новокрещённых тунгусов в Сухановой слободе Кирилл Суханов с 60 новокрещёнными инородцами подали прошение иркутскому архиерею о разрешении постройки деревянной церкви во имя Святой Троицы. Иркутский архиерей просил Синод о назначении этой церкви пособия от казны по примеру якутских церквей, а Суханову предписал готовить лес для строительства и искать кандидата в священники.

Такого кандидата Суханов скоро представил преосвященному. Это был его давний приятель Василий Иванович Березин, некоторое время назад приехавший в Нерчинск из Якутска. Епископ немедленно рукоположил Березина и до окончания постройки храма в Сухановой слободе причислил его к причту Курлыченской Спасской церкви «в помощь и для исполнения у ороchon христианских треб». Тогда же Указом Иркутской консистории от 16 мая 1775 г. Кирилл Суханов против его воли был назначен дьячком к храму в Сухановой слободе и рекомендован достойным к принятию священного

сана. В ноябре того же года последовало, согласно Синодальному указу, распоряжение о заложении деревянной церкви во имя Святой Троицы в Сухановой слободе. Кирилл Васильевич был назначен ктитором этой церкви, на строительство и церковную утварь ему предписано было получить из Нерчинского комиссариатства 1000 рублей ассигнациями.

В это самое время Яренская ратуша, считавшая Суханова беглым, потребовала от Иркутского духовного начальства, чтоб он был препровождён на место своего жительства. Кирилла Суханова немедленно уволили от дьяческой должности, но архиерей, высоко ценивший его труды, усердие и способности, не желал с ним расстаться. Он сам представил дело властям, указывая на то, что “Суханов явился в Нерчинских краях в 1768 г. по паспорту Яренской ратуши за купечеством и иконостасным художеством, и из того паспорта видно, что подушную подать и градские службы за него обязались отправлять его братья, здесь же он добровольно поселился в 1772 г. среди новокрещённых тунгусов – восприемников своих, на порожнем месте, по реке Алеуру, при устье Бусулея, где своим коштом дома построил и прочим подлежащим до крестьянской экономии снабдил, и к построению в одной слободе церковь ходатайство имел, жил безотлучно с ними для обучения новокрещённых хлебопашеству, постройке домов, утверждению православной веры, грамоте к иконостасному ремеслу”. Ходатайство преосвященного было уважено, и Кирилл Суханов вновь был утверждён в дьяческой должности при Сухановской церкви. Церковь построили быстро, но вскоре она сгорела. Такова была судьба многих первых забайкальских храмов.

В начале 1779 г. дьячок Кирилл Суханов отправился в Иркутск за благословением на постройку в своей слободе вместо сгоревшей церкви каменный трёхпридельный храм.

Для своих тунгусов отец Кирилл открыл в Сухановой слободе первую в Нерчинском округе школу, в которой сам был учителем. Желая удержать свою кочующую паству при себе, отец Кирилл с самого начала старался привить тунгусам навыки оседлой жизни и научить их земледелию и ремёслам, таким образом избавив их от последствий неудачного промысла и произвола зверопромышленников. Отчасти ему это удалось.

Часть крещёных тунгусов действительно перешла к осёдлой жизни. К несчастью, место, избранное Кириллом Сухановым для постройки слободы, было вовсе непригодно для занятий земледелием – вокруг были тайга и болото. Ранние заморозки и холодные туманы не давали вызреть хлебам. Поселяне не могли обеспечить себя хлебом, и отцу Кириллу постоянно приходилось за свой счёт закупать зерно. Неурожаи заставили отца Кирилла заняться вместе со своими новокрещёнными тунгусами отхожим промыслом. Они брали подряды на строительство храмов. Так, ими были построены, например, большой каменный Сретенский храм в селении Сретенском, каменные церкви в селах Курлыч и Городище» [Кудрявцев].

Распространение фамилии Суханов и выделение отдельного подрода возможно связано с деятельностью Кирилла Суханова.

Также любопытный материал о постройке Курлыченской церкви изложен в статье О. А. Малаховой «Спасская церковь в деревне Курлыч Чернышевского района Забайкальского края» [Малахова], где подробно изложена история постройки и возрождения самой церкви как достойного архитектурного сооружения в Забайкалье (см. рис. 12, 13).

Рис. 12. Церковь в селе Курлыч Чернышевского района
(до реконструкции)

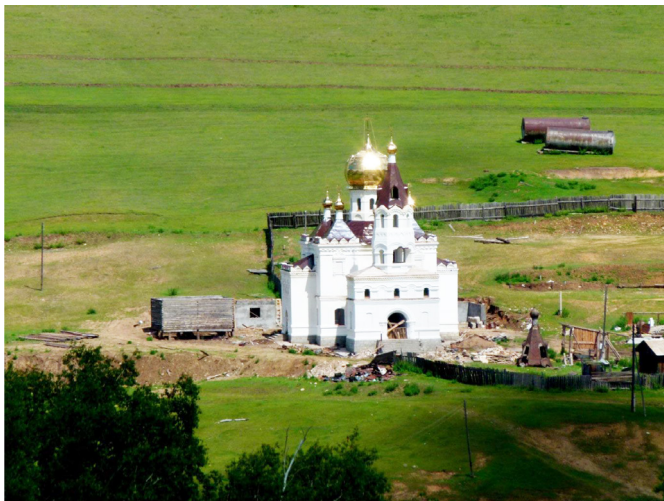

Рис. 13. Церковь в селе Курлыч Чернышевского района
(в период реконструкции)

2.1.9. Конурский род тунгусов

Род Конурский упоминается в документах ГАЧО за 1785 г. в составе родов Курлыченского суглана вместе с Дулигарскими, Баягирским (см. рис. 14), Балягирским, Намясинским и Долотским родами [ГАЧО, ф. 300, оп. 1, д. 4].

По ревизской сказке от 1816 г. в Конурском роду записана Петра Иванова и шуленги Тараса Тюкавкина состояло 108 душ мужского и 94 души женского полов, всего – 202 души. Из этого числа крещёными были 68 душ мужского и 69 женского полов, всего – 137 душ. Некрещёными оставались 65 человек обоёго пола [ГАЧО, ф. 1о, оп. 1/5, д. 17513].

В документе, датированном 1823 г. в ведомстве начальника 15 тунгусских родов Нерчинского уезда в именном списке Конурского рода числятся крещёные тунгусы в количестве 60 душ мужского пола и 61 души кочующих, всего 122 человека мужского пола [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 4].

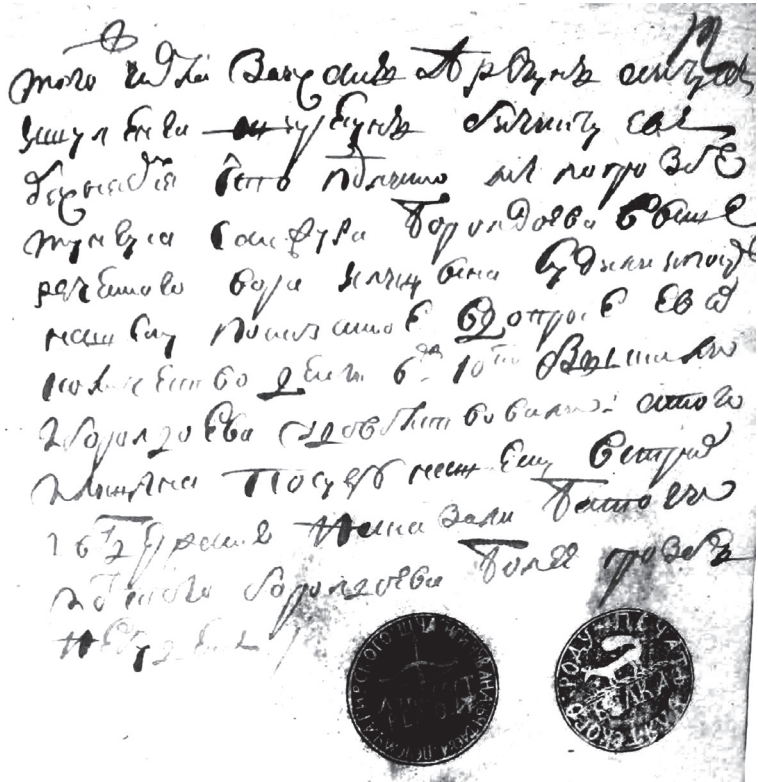

Рис. 14. Печати старшин Улятского и Баягирского родов

По документу от 1828 г. в Конурском роду числится 114 душ [ГАЧО, ф. 55, оп. 3, д. 9]. К этому времени у тунгусов, приписанных к ведению Маньковской инородной управы, оленей не числится, в сведениях дано количество крупного рогатого скота, коз и баранов, которых, по-видимому, и разводили тунгусы Маньковской управы.

В фондах ГАЧО сохранился документ о ревизии 1850 г. «Иркутской губернии, Верхнеудинского уезда, Кучидского острога именной список Киндигирского рода», в котором мужского пола 26 человек, женского – 25, итого 51 человек.

По ревизии, учрежденной в 1857 г., тунгусов Маньковской инородной управы среди тунгусов Конурского рода кре-

щёных мужского пола – 177 душ, женского пола – 170 душ, всего 347 человек считались крещёными. Некрещёными оставались только 40 лиц мужского и 38 женского полов, итого 78 душ обоего пола [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 58].

В результате сравнительно-сопоставительного анализа данных Б. О. Долгих о тунгусах смежного с Нерчинским округом Баргузинского присуда, состоящего из Баргузинского острога, Баунтовского, Верхнеангарского и Кучидского острожков, выявилось, что названия баргузинских родов совпадают с названиями нерчинских родов. Это Баликагирский, Намясинский, Почеганский (Почегорский), Украинский (Вакаройский), Чильчагирский [Долгих, 1960].

Однако при этом выяснилось, что баргузинский род Киндигирский/Кондогирский в документах Нерчинска записан как Конурский. Наше наблюдение основывается на этимологическом анализе этих генонимов, что позволило нам считать эти названия названием одного и того же рода, только на разных территориях.

Как видно из вышеизложенного, название Киндигирский / Кондогирский встречается в документах Баргузинского присуда. Одним из первых упоминаний о Конурском роде является «Список о наличных инородцах Баунтовского острога трёх родов Верхнеудинского округа, состоящих по переписи 1831 г. по настоящее время», датированный декабрём 1850 г. В этом списке с двумя другими родами (Чилчагирскими) упомянут Киндигирский род, состоящий из 49 мужского пола и 39 женского. К этому количеству следует прибавить ещё 19 лиц мужского пола, числящихся умершими, и 60 душ мужского пола, перешедших в Нерчинский округ, что в итоге составляет около 350–400 человек [ГАЧО, ф. 1о, оп. 1, д. 17564].

Имеющиеся во всех острогах Баргузина Киндигирские роды проходят по документам с 1669 по 1701 г. По данным Б. О. Долгих Киндигирский род имелся в самом Баргузинском остроге в количестве 63 мужчин в 1669 г., в 1681 г. – 81 душу, в 1683 г. – 77 душ мужского пола, однако, начиная с 1693 по 1701 г. сведений о количественном составе этого рода, как в самом Баргузинском остроге, так и по другим острогам, нет.

Имелись Киндигирские роды и в Верхнеангарском остроге, где они считались «ламскими тунгусами», число которых в 1669 г. составляло 27 душ ясачных, в 1681 г. – 50 душ, в 1683 – 51 душу. В ведении Баунтовского острога Киндигирский род стоит первым в списке, состоящем из Чильчагирского и Украинского родов, в котором насчитывалось 74 души в 1669 г., 54 души в 1681 г. Был Киндигирский род и в Кучидском острожке в списке с Украинским. В 1669 г. тунгусов-кинди-гиров было записано 17 душ мужского пола, в 1681 – 38 душ [Долгих, 1960, с. 336–337].

К нашему предположению о том, что генонимы Кондогирский/Киндигирский и Конурский Нерчинского уезда – это одни и те же генонимы, а значит и родà, имеется подтверждение. Во-первых, Б. О. Долгих даёт название Киндигирский только в списке родов Баргузинского присуда. В списках тунгусов Нерчинского уезда ни генонима Киндигирский, ни Конурского по данным Б. О. Долгих не числится. В Баргузинском остроге кроме названий Лимагирский, Някугирский остальные названия – Балакагирский, Намясинский, Чильчагирский и Киндигирский – имеются в ведении Нерчинского уезда. Упомянутый Пачеганский род баргузинского острога Б. О. Долгих считает почегорами, которые, по его мнению, «были пришельцами из соседнего Нерчинского уезда, где они являются одним из основных родов». После 1683 г. почегоры в Баргузинском присуде не упоминаются [Долгих, 1960, с. 307]. То же самое можно сказать и о родах Украинских, другим названием которых мы считаем название Вакаройский, и которые в списке с Киндигирским записаны в остальных трёх острожках Баргузинского присуда.

Во-вторых, Б. О. Долгих прямо указывает на главную причину сокращения численности баргузинских тунгусов в конце XVII в. – эпидемию оспы 1691 г., в результате которой тунгусы Баргузина уходили на территории соседних уездов, прежде всего, в Нерчинский. В документах ГАЧО в ревизских описях даётся уточнение, как-то «перешёл в Баргузинский округ» или «перешли в Нерчинский округ». Поэтому, не исключено, что те роды, которые были до 1691 г. в Баргузинском присуде, могли перейти в Нерчинский уезд, спасаясь, в том числе и от эпидемии оспы.

На основании этих фактов мы склонны предполагать, что тунгусы Киндигирского рода, равно как и другие рода, были связаны не только территориальными, но и родственными узами с тунгусами Нерчинска, что могло найти отражение в наличии Киндигирского рода Баргузина и Конурского Нерчинского уезда (см. табл. 21), Пачеганского рода Баргузинского присуда и Почегорского Нерчинска.

Таблица 21

Ревизская сказка 1816-го Года генваря 22 дня Иркутской губернии Нерчинского уезда заведывания тунгусскихх родом Начальника князь 14 класса Гантимурова Конурского роду зайсана Петра Иванова и шуленги Тараса Тюкавкина о самом себе и о состоящих мужеска и женска пола тунгусах		
<i>Тунгусы Конурского рода</i>		
Всего душ ясачных в роду	Мужского пола	Женского пола
202 души	108 душ	94 душ

В ревизии указано крещёных мужчин 68, женщин – 69 человек. Однако если судить о наличии принявших православие по русским именам, то окажется, что таковых довольно много. Попробуем перечислить русские фамилии тунгусов Конурского рода: Иванов, Перминов, Швалов, Малышов, Калининов, Былков, Соснинъ, Тюкавкин, Титов, Шеметов, Галактионов, Лопатин, Козулин, Каверзин, Каргин, Кузнецов, Калашников, Окулов, которые записаны со своими сыновьями и жёнами с дочерьми.

Женские имена типа: Тана, Окуй, Былгыжей, Анзу, Сугай, Духатжинъ, Дожики, Неткужи, Кинжики, Гунанъ, Янзу, Агай, Байла (Буйла?), Кусай, Накса, Насукай, Канзей, Санзу, Гондай, Жулай, Гунай, Гонай, Селгей, Наянтай, Цука и другие явно не бурят-монгольского происхождения.

Имена некрещёных тунгусов также отличны от таковых, записанных в других родах. Приведём часть из них: Завшилтуй Согатеновъ, племянник Уденей Оношкинъ Халзанов, Довилтуй Зотенкинъ, Давалтуев сын Сумутчи, отец Дивилтуев Зотинка Дунгаевъ; Белгей Дилгасов, сын его Василей Наралдаев, Адия, Ковина, Сорголь Дивилтуев, Холзой Оношкинъ,

сын Холзоев Норбу, Левонтей Дмитриев Сивануев, отец Дмитрией Савануев и др. [ГАЧО, ф. 1о, оп. 1, д. 17564, л. 412].

Анализ антропонимикона осложнён погрешностями записи имён, например, когда записано как «Сивануев», так и «Савануев». Однако предварительное ознакомление с именованием Конурского рода говорит об отсутствии бурят-монгольских имён и наличии каких-то иных имён, языковую принадлежность которых ещё предстоит установить.

2.2. Документальное описание тунгусских родов Телембинского соединённого рода: Луникерского, Почегорского, Шунинского, Казейского

Страницы одного из документов фонда ГАЧО посвящены ревизской описи «Телембинского соединённых Луникерского, Почегорского, Сартоцкого, Шунинского и Казейского родов зайсана Нарана Инкеева и шуленги Мычилтуя Бобоепа о самом себе и о состоящей в означенном родах мужеска и женска пола тунгусахъ» [ГАЧО, ф. 1о, оп. 1/5, д. 17513, л. 265–275].

Следует сразу сказать, что согласно Указу об управлении инородцами, предписывалось «каждому стойбищу или улусу, в котором считается не менее 15 семейств, иметь собственное родовое управление». А если в роду было менее 15 семейств, то такие роды предписывалось объединять в одно родовое управление. Поэтому и возникло такое сообщество как Телембинский соединённый род, в состав которого при ревизии были включены такие роды как Луникерский, Почегорский, Сартоцкий, Шунинский и Казейский. Зайсаном был Наран Инкеев, шуленгой Мычилтуй Бобоев. Оба должностных лица входили со своими семействами в состав Луникерского рода, т. к. переписаны в этом роду.

2.2.1. Луникерский род тунгусов

Тунгусов Луникерского рода насчитывалось 16 семей (см. рис. 15). Антропонимический состав разнообразен. Имеются имена бурят-монгольские: зайсань Нарань Инкеев сынъ Зорикту, Намсарай, Наянтай, женские – Галдань Табарчинова дочь, Номинь, Сынжэ, Гунцень Харалчиева дочь [ГАЧО, ф. 10, оп. 1/5, д. 17513, л. 265].

Список личных имён тунгусов Луникерского рода, выписанных нами из ревизской описи 1816 г., обширен. Среди имён женщин тунгусов «теленбинского соединённого луникерского роду» такие тибет-монгольские имена: Галдань, Гунцень (3 р.), Дамжурь, Дангина, Долгорь, Дулма, Дунжи, Дынжинь, Зандань, Номинь (2 р.) [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 16]. Тогда как другие имена, такие как Авдотка (рус.), Аза, Анзыль, Гургу, Гургумь, Демжить, Долго (2 р.), Жирга, Ире, Катачинь, Кулудай, Купа, Оюцань, Паму, Сувужинь, Сумуя, Сынже, Удамжи, Укса, Ширу предстоит ещё изучить на предмет их этноязыковой принадлежности.

Рис. 15. Тамга-печать зайсана Луникерского рода

Следующий документ называется «Ревизская сказка 1816 г. ярапинскихъ тавангутскаго почегорскаго, второбаликагирскаго и третье шунинскаго родопъ зайсана курчагана инкедерова и шуленги ванчика кашиглаепа о самих себе». Из

него выписаны следующие мужские имена: Арбунай, Аргиев, Арья, Аюши, Баримат, Бату (4 р.), Бобоев, Бокда, Болот, Буруль, Бурхагуев, Бурятов, Буянту, Былыкеев, Галчи, Гампилов, Гармаев, Гасаров, Гендун, Горбилтуев, Гуру, Дала, Девикюев, Дегучиев, Дечинь, Дома, Дондукъ, Доржи, Дугаров, Дудь, Дундерь (3 р.), Дурбеев, Дурон, Дылгычинов, Ерентей, Еренцен, Замбалов, Запшилтуев, Золбиева, Икдеев, Инудаев, Итегель, Каионъ, Копаев (2 р.), Кулугуров, Кышиктуев, Лутаев, Мажинов, Мантаев, Машидаев, Микул, Модан, Модбоев, Молонъ, Монинто, Мункуцурь, Мурылту, Мучалтуев, Мынгыту, Наран, Насату, Насунже, Наянтаев (2 р.), Нисуев, Нитучиев (2 р.), Ноенгуев, Норбуев, Окдо, Окдоев, Олзоту, Ользовой, Очир, Пурчиев, Сакиин, Сакия, Самбу (2 р.), Саму, Сандан, Санзай, Сарай, Сенге, Совуриев, Сопкоев, Сундуепь, Тавунь (2 р.), Тапхай, Токтоху, Толилту, Топчилтуев, Тугулов, Туйвынов, Тыкшиев, Тынже, Ульзуй (2 р.), Умноев, Хайдуп (2 р.), Харцага, Ходоро, Ценбун, Цоктунай, Шагдурь (2 р.), Шивилтуев, Шидаев, Шинарь, Шукуртуев, Юмбу, Юмцун (2 р.), Юмь, Яндакъ [ГАЧО, ф. 1о, оп. 1/5, д. 17513].

В этом списке тибет-монгольских имён также немного, включая и те, языковую принадлежность которых ещё предстоит уточнить и выяснить. Таковыми являются следующие имена: Арья, Аюши, Бату, Болот, Буянту, Галчи, Гампилов, Гармаев, Гендун, Дондукъ, Доржи, Дугаров, Замбалов, Итегель, Кышиктуев, Мажинов, Мантаев, Молонъ, Наран, Насату, Наянтаев, Норбуев, Олзоту, Очир, Самбу, Сандан, Санзай, Сундуепь, Тапхай, Токтоху, Тугулов, Туйвынов, Тыкшиев, Ульзуй, Харцага, Шагдурь, Шукуртуев, Юмцунъ, [ГАЧО, ф. 1о, оп. 1/5, д. 17513], от которых в современной антропонимии агинских бурят образованы фамилии типа: Арьяев, Аюшиев, Батуев, Болотов, Буянтуев, Гальчиев, Тапхаев, Шагдуев и т. д.

Заметим, что не все из них являются тибетскими или монгольскими. Личные имена какого-то иного, другого, не тибет-монгольского языкового происхождения преобладают. К примеру: Зургадай Инкеепъ сынъ, Танжи, Сандурь, Суга, Данчинь, Демчукъ Инкеевъ сынъ, Быки; женские: Аза Михайлова дочь, Сынжэ, Ширу, Купа, Дангина Намучиева дочь,

Ире Тумуриева дочь, Гунценъ Харалчиева дочь, Демжитъ, Гургумъ, Номинъ [ГАЧО, ф. 1о, оп. 1/5, д. 17513, л. 265]; Далай Инкеев сынъ, Суранъ, Егоръ, Дмитрий Иванов сынъ Кибирев, Прокопей, Будунъ Уледувчинъ сынъ, Окунчи, Окунчия Будунова сынъ Алексей, 2-й сынъ Бурулдай, Баярту [Там же, л. 266]; женские: Анзыль Чанкиропа, Укса Обоеева дочь, Занданъ Тагапчанова дочь, Сувужинъ, Оюцанъ, Катачинъ Харалчинова, Сумуя, Гургу, Урамжи [Там же, л. 266] и др.

Русские антропонимы единичны, хотя и спорадически встречаются в описи – Алексей, Егоръ, Богатой (*или Ботогой?* – Р. Ж.), Тюгулопъ сынъ Иванов, Семёнъ, Василей Нолголда Нарышкинъ сынъ, Фёдор, Аршинской Мункуев, Пашка Лekomцев сынъ [ГАЧО, ф. 1о, оп. 1/5, д. 17513, л. 267–268].

2.2.2. Почегорский род

Почегорский род тунгусов представлен 15 семьями, остальные роды (Сартоцкий, Шунинский и Казейский) – меньшим числом семей, следовательно, и меньшим числом от общего количества. Видимо поэтому эти малочисленные, некоторые не достигшие установленного законом предела в 15 семейств, и были объединены в один соединённый Телембинский род тунгусов общим числом в 230 душ обоого пола (130 мужских и 119 женских душ).

2.2.3. Шунинский род тунгусов

В описи Шунинского рода встречаются антропонимы, которые примерно в равных долях могут относиться и к бурят-монгольским именам тибетского происхождения, и к русским именникам. Кратко приведём только имена некрещёных тунгусов Шунинского рода: Золту Инкудаинъ сынъ, Олзой, Кышиктуй, дядя Карабашъ Батангинъ сынъ, Карабашия Батангина племянник Сапу(й?) Галачанов, другой племянник Сандуръ, Сенка Бодонгинъ сынъ, Сенки Бодонгина братъ Се-

нюшка, брат Цывыкь, Павел Дмитриевъ сынъ Дмитриевъ, Семён Белбунчинъ сынъ, Замала, Сажинъ, другой брат Василий, Токой Увашиевъ сынъ, Тугултуръ, Тугуть, Буяту Жинаев сынъ, брат Биликту, Григорей Иванов сынъ, Алтанай Жилаепъ сынъ, Бартки, Бардуй, Кышикту Депучинъ сынъ, Митка [ГАЧО, ф. 1о, оп. 1/5, д. 17513, л. 274].

Среди имён женщин Шунинского рода многочисленны имена неясного происхождения, которые нельзя однозначно отнести ни к тунгусо-маньчжурским, ни к бурят-монгольским: Дурбуна, Боцаго Сыпчингеева, Оюдай Молукова, Сенже Сохорова дочь, Номинъ, Оючинъ, Модай, Дарака, Долго [Там же, л. 273–274].

2.2.4. Казейский род тунгусов

Б. О. Долгих относит Кайзойский род к тунгусам-нелюдям, т. е. к первой группе тунгусских родов Урульгинской степной думы, которых по его данным от 1889 г. было 51 душа мужского пола (всего – 255) в ведении Шундуинской инородной управы [Долгих, 1960, с. 351]. О территории занимаемой Кайзойским родом «известно очень мало. В 1699 г. кайзоец Желгучан был в плену у изменника сенкагира Учико. В 1700 г. в верховьях Чикоя, на Ингодинской вершине и Ононских хребтах промышляло пять почегоров, кайзойцев и шунинцев» [Долгих, 1960, с. 351]. Из чего Б. О. Долгих считает, что кайзойцы жили и промышляли на одной территории с шунинцами.

Данные документов ГАЧО о Казейском роде также скупы. Только в ревизии от 1816 г. казейский род записан совместно с Луникерским, Почегорским, Сартоцким и Шунинским в телембинском соединённом под предводительством зайсана Нарана Инкеева, шуленги Мычилтуя Бобоева. Ясачных Казейского рода насчитывалось шесть семей, что примерно составляет около 24 человек обоего пола. Упомянут Казейский род и в документах 1789 г. среди телембинских родов – Сартоцко-го, Шунинского, Почегорского, Луникерского, Мунгальского,

Дулигарского. В документах 1823 г. Казейский род также находится в одном списке с телембинскими родами – Почегорским, Луникерским, Шунинским, Сартоцким.

Следует, по-видимому, предположить, что в более поздних данных род Казейский исчез из списков по причине его малочисленности, что способствовало его «растворению» в среде более многочисленных родовых объединений.

Казейского рода тунгусов самое меньшее число. Часть имён русских – Николай, Пронка, Василей, Васка, Василей Золтуев сынъ, Филат Александров и др. [ГАЧО, ф. 1о, оп. 1/5, д. 17513, л. 275]. Часть имён: Мучелту Домуров сынъ, Тумуръ, Доржи Укеулов Челюгинъ, Есудей Иркенчинъ сынъ Какуев (Нануев?), Мунку, Наянтай, Золтуев, Аракинчи Мункуев сынъ [Там же, л. 274–275].

Женские имена тунгусок Казейского рода – Ивуканъ Наса-туева дочь, Санданъ Аюшиева дочь, Янжима, Санжима и другие – бурят-монгольские, хотя часть имён, такие как Удумжи, Онудари, Сундой, Кензунъ, Зугина, относятся к именам иным языку или языкам, нежели алтайские.

Также следует заметить, что в ревизских описях записано то, чьи это дочери. К примеру, Мункуя Есудеепа жена Санжиму Мунгуева дочь; дочь Былге и др. То есть женой Мункуя Есудеева записана дочь Мунгуева по имени Санжиму.

Телембинскими названо это соединение по месту кочёвок этих родов вокруг озера Телемба и прилегающих к озеру падей и урочищ на время составления описи.

2.3. Документальное описание Ярапинских/ Еравнинских родов: Тавангутского, Почегорского, Второбаликагирского и Третьего Шунинского

Тунгусы Ярапинских родов по списку от 22 февраля 1816 г. «Ярапинскихъ (*Еравненских* – *Р. Ж.*) родов (Тавангутского, Почегорского, Второбаликагирского и Третьего Шунинского родов) зайсана Кургачана Инкедерова и шуленги Ванчика

Кашиглаева о самих себе» кочевали в пределах Еравнинских озёр, потому и названы по месту своей локации – Еравнинские (Яравинские/Ярапинские), как, к примеру, и Телембинские.

2.3.1. Тавнангуцкий/Тавангутский род тунгусов

Первым в списке Ярапинских родов числится Тавангутский род зайсана Кургачана Инкедорова и шуленги Ванчика Кашиглаева (см. рис. 16). Антропонимический состав этого рода также отличается неоднородностью. Среди 33 душ мужского пола Тавангутского рода есть мужчины с такими именами: зайсанъ Кургачанъ Инкедоропъ сынъ Галсунъ, Ганжуръ, брат Кулер, Кулера сыны Марко, Буруль, другой брат Кувиту. Это имена мужчин семьи зайсана Кургачана Инкедорова, среди которых есть имена и бурят-монгольские – Галсунъ, Кувиту (так называемый Хобито). Такие имена, как Кулер (Кулыр), Буруль, Марко неизвестного языкового происхождения. В генеалогиях бурят есть и имена типа Кулыр (производные – Кулыров), однако, эти имена языческие, т. е. не тибет-монгольские.

Особый интерес представляют следующие имена: Балага, Дарибонъ сынъ Удулеепъ, Тулбурия Барчиева сынъ Карасунъ, другой сынъ Жирга, Жияма, Улачинъ кункуров сынъ, Тулбури, Ермолка Акилтуев сынъ, Унаганъ Нагачулаевъ сынъ Герасимъ, Лулей Голеуровъ, а по крещению Семёнъ Павловъ сынъ Белобородовъ, Чоту Очиров сынъ Дашаевъ, дядя Бабаринъ Дашеев сынъ, Каралдай и др. [ГАЧО, ф. 1о, оп. 1/5, д. 17513, л. 278–279].

Всего в роду переписано 69 душ обоего пола, в том числе 36 душ женского пола.

В описи Тавангутского рода уже представлены имена, полученные при крещении, к ним можно отнести: Андрюшко, Герасимъ (3 р.), Белобородов, Демьянов, Егорша, Ермолка, Игнашко, Микола, Якопъ, Аитуева, Бабариева, Бабариканова, Бабаринъ, Балага, Бамбуепъ, Барчиев, Болкударова, Болотов по крещению Трофим Яковлев сын Попков, Ботогоепъ, Бу-

руль, Ванка Егоров сын Дашеев, Галсунь, Ганжурь, Герелту, Голегуров по крещению Семень Павлов сын, Белобородов, Дамаев, Дарибонь, Дашеев, Делгер, Жирга, Жияма, Зангиева, Инкедеропь, Интаев, Ишикенова, Кадасунь, Каралдай, Корчакоева, Кувиту, Кулерь, Кункуров, Курчагань, Лопочанов, Лулей, Марко, Монколоева, Нагачулаев, Очиров, Пурнаепа, Сажинтуева, Сенжиева, Сорикутев, Тетень, Тулбури (2 р.), Удулеепь, Улачинь, Унагань, Хубиту, Чоту, Шакдурь, Этыге-епа – имена пока также не ясные по значению и полностью не изученные.

Рис. 16. Тамга-печать Тавнангуцкого рода(?)

2.3.2. Почегорский род тунгусов

В ревизской описи тунгусов Нерчинского уезда от 1816 г. среди 41 рода числится Почегорский род, состоящий из 184 душ мужского и 123 душ женского пола (см. рис. 17). В 1828 г. в ведении Оловской инородной управы среди пяти других родов записан и Почегорский в количестве 239 душ, «платящих ясак в год 250 рублей 33,5 копеек» [ГАЧО, ф. 55, оп. 3, д. 9]. Имелись родовые названия Почегорский и среди так называемых телембинских (где почегоров было 15 семей) и среди «ярапинских», т. е. еравнинских в количестве 179 душ [ГАЧО, ф. 10, оп. 1/5, д. 17513]. По ревизии 1857 г. Почегор-

ский род был наиболее представительным в количественном отношении – 279 мужского и 231 женского пола душ – всего 85 семей, из коих 9 семей перечислены в Онгоцонскую управу, судя по их именам, в основном, некрещёные [ГАЧО, ф. 300, оп. 1, д. 4]. Постепенно к ревизии 1851–1858 гг. число некрещёных тунгусов-почегоров уменьшается.

Рис. 17. Тамга-печать зайсана Почегорского рода (предположительно)

По своей хозяйственно-бытовой деятельности в начале XVII в. тунгусы Почегорского рода могли быть оленеводами, т. к. согласно документальным свидетельствам кочевали они совместно с другими родами, в том числе и с Вакаройским родом тунгусов. Вакаройский род относился к так называемым «конным тунгусам», о чём можно судить по факту разведения, в основном, коней, тогда как почегоры, вероятно, имели оленей. Следует отметить, что в архивных документах имеются очень скудные сведения о телембинской и еравнинской группах тунгусов Нерчинского округа по сравнению с другими группами тунгусов. Так, по документам 1823 г. отмечается, что почегоры занимаются скотоводством и звероловством. В записке зайсана Почегорского рода Хрисанфа Нарышкина приведены следующие данные: «Некрещёные тунгусы 71 душа хлебопашеством не занимаются, тогда как остальные 168 душ оных хлеб сеют. Кочуют юртами в урочищах, занимают земли родовыми домами. Имеют родовые земли по урочищам по речкам Торге, Козеру, Кучигару...» [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 2].

Следует отметить и то, что тунгусы-почегоры кочевали и «имеют жительство при реке Шилке, по разным рекам, впадающим в оную реку – Олову, Кугиче, Курлыче, Шивье, Кулинде, чаще Олекану, Торге, Торгоконь, Кие, Киекану, при реке Нерче, впадающей в реку Шилку» [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 39].

Второй Почегорский род состоял из 52 душ, из которых 28 душ мужского и 24 души женского пола. Имена также представляют особый интерес: Тонку Кышиглеепъ сынъ брат Ванка (хотя ранее в заглавии было написано Ванчик), ныне управляющий должность шуленги, т. е. Ванчик Кашиглеев или Кашиглаев, сын Тонку Кышиглеева. Абаша Бажингинъ, а по крещению Ипать Яковлев сынъ Бородинъ; Михайло Помпуев сынъ, брат Соливча, Шаканча, Шодорка, Шодоркажъ(?), Ирдыни шуленкинъ (*шуленги?*) сынъ; Былику Пурнаев сынъ, Гугунъ, Зуванъ, Цуванъ, Цулу; Сориту, Кавушинъ, Чанкирь, Сахаропъ, Чияту; Тавуканъ Дежинов сынъ, Галсунъ; Ердыни Баулданов сынъ, Елду; Гарма Монколаепъ сынъ, Монколай Балкунов сынъ; Човоканъ Курулеепъ сынъ, Чуваканъ, Кункудоръ, Галши; Сенка Озеровъ, а по крещению Семёнъ Александровъ Попковъ; Мендепуль Болбоунов сынъ, Гарка [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 39, л. 280–282].

Любопытно, что среди современных бурятских фамилий функционируют такие фамилии, как Ванчиков, Чанкиров, Сахаров, как и среди фамильного состава забайкальских фамилий – Ванчугов, Ченкиров, Сахаров.

Бурят-монгольские имена – Абаша или Убаши, Ирдыни как Эрдэни, Гарма, женские – Гунжин (*устар.*), Ганжур (*устар.*), Дулма – составляют меньшинство в списках мужских и женских имён тунгусов и тунгусок Почегорского рода. Женские имена тунгусок Почегорского рода – Удажинъ Батуева дочь, Сергежинъ Мункутуева дочь, Сирукень, Мангелунъ, Гунжинъ, Номинъ, Лукерья Шидевулова дочь, Ганжуръ Егорова дочь, Зупканъ, Сондуръ, Цагалунъ, Ноголунъ, Ноготконъ, Унукуче Банбахасапа дочь, Панчу, Кадай Тулбуриева дочь, Мекеръ, Кокора, Киражинъ Ботогоева дочь, Менджинъ Нагасулаева дочь Василиска, Унважинъ Санкиева дочь, Дулма Демкенгеапа дочь Шергужинъ [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 39, л. 280–282].

2.3.3. *Баягирский, Второбаликагирские роды тунгусов*

По данным Б. О. Долгих самое первое упоминание о Баликагирском роде имеется в документе за 1654 г. в составе «шилских тунгусов» (*шилкинских – Р. Ж.*) числом в 50 душ мужского пола как о нерчинских тунгусах. В 1697 г. 10 душ Баликагирского рода числятся как телембинские тунгусы. По-видимому, они платили ясак в Телембинский острог.

В 1700 г. их осталось 9 душ, в 1732 г. – 15 человек мужского пола как телембинских тунгусов [Долгих, 1960, с. 336–337]. Сопоставив эти данные, Б. О. Долгих отмечает, что баликагиры Нерчинского уезда являлись «выходцами из Баргузинского присуда. Известно, что в 1656 г. 40 баликагиров (трудоспособные мужчины) ушли от Баргузина за Шилку и Онон. Они были даже на Хайларе, откуда их в 1665 г. «подозвал» нерчинский приказчик Толбузин».

В документах ГАЧО имеется документ за 1791 г. «Ведомость о сборе ясака и недоимок...», где отмечено, что «18 годовных душ Второбаликагирского рода уплатили 51 рубль» [ГАЧО, ф. 31, оп. 4, д. 47, л. 589]. В другом документе от 1793 г. в «Списках жителей Урульгинской степной думы» (*названия отдельных дел, сиштых в один документ, не совпадают с наименованием папки дел – Р. Ж.*) имеются сведения о том, что в 1793 г. в Первобаликагирском роду всего тунгусов было 69 душ, из коих 13 душ считались крещёными, 21 душа – плательщиками ясака, а 48 душ не платили ясак.

Также в этом документе записано о причислении к Яравинским тунгусам Второбаягирского рода в количестве 43 душ, из которых 18 являются плательщиками ясака, а 25 не платят. Не исключено, что в написании имеется ошибка, когда вместо «Второбаликагирский» записано «Второбаягирский». По документам за 1779 г. Баликагирский род уплатил 51 рубль ясака в составе «Яравинских родов Баргузинского округа» с такими родами как Почегорский и Тавангутский.

Та же информация о трёх родах «Яравинских тунгусов» подтверждается данными за 1792 г., где в документе «Ве-

домость об уплате ясака...» записано тунгусов трёх родов 131 душа мужского пола, а ясака было взято с них 50 рублей [ГАЧО, ф. 300, оп. 1, д. 12, л. 53].

В 1793 г. в числе «Яравинских тунгусов» были роды Третьепочегорский, Третьешунинский, Тавангутский и Второбаягирский. Заметим, что Первобаягирский и Второбаягирский роды относились к курлыченскому суглану, что значит, что эти роды были родами иной этнической принадлежности, чем Баликагирские роды.

По ревизии 1816 г. записано три Баликагирских рода: зайсана Сакии Яковлева (121 душа), Баликагирский в сводном соединённом под началом зайсана Кургачана Инкедерова (всех 179 душ) и Второбаликагирского зайсана Цыцылмея Лупсанова (32 души) [ГАЧО, ф. 1, оп. 1/5. д. 17513].

Численный состав 2-го Баликагирского рода тунгусов составляет по ревизии 1816 г. всего 53 человека, из коих 32 мужские и 21 женская душа. Антропонимический состав также разнообразен. В сравнении с предыдущими именами других родов можно отметить только имя Чанкирь, которое встретилось в ревизии этого рода тоже.

Мужские имена тунгусов 2-го Баликагирского рода следующие: Быгай Дакачанов сынъ, Енке (*Инка* – ?), Марка, Сориту, брат Мунгуту Дакачановъ, Буянту, Буянь, Баялтуй; Заскудай Дакачанов сынъ, Ларионъ, Бодой; Одунъ Азаров сынъ, Батуръ, Кодонко; Чулу Машаркинъ сынъ, Дара; Бодай Кускинъ сынъ, Лепогу; Тамаха Шинаров сынъ, Бургу(т?), Бонбо; Цолбонъ Шинаров сынъ, Очиръ, Чанкирь; Тетега Уваровъ сынъ, брат шуленга Уваровъ [ГАЧО, ф. 1, оп. 1/5. д. 17513, л. 282–283].

Микита Арашанов сынъ У(Ц)сарака (*неразборчиво* – *Р. Ж.*); Нагасулка Андрюшкинъ сынъ; Янкеченъ Мангутов сынъ Юдинъ, Осипко; Христофер Терентьев сынъ, Андрей. Женские имена также разнообразны; Чорнуха Илекеева дочь, Жимчукъ, Кендекъ Панпулова дочь, Ганжуръ, Аенжу Долдонаева дочь, Кувунде [Там же, л. 282]; Унунде Буболкиева дочь, Парана Богатова дочь, Маланя Арашенова дочь, Мангахъ Ирмогонова дочь, Намурканъ, Ныкей, Боки Инкедерова дочь,

Шургей, Данжинъ, Шигай, Дулма, Аоканъ Кышиглеепа дочь Содбори, Енкечена Мангутова жена Мосой Намсараева дочь, Урубки Юдина сестра Евфимья [Там же, л. 284].

В ревизии 1823 г. Баликагирский род имел 71 душу. В «Сводной ведомости, учинённой о числе тунгусского народа за 1823 год» в Баликагирском роду записано всего 158 душ, из которых мужского пола – 80, женского 78 душ. В сводном Еравнинском («Яравинском») записано 4 рода – 3-й Почегорский, 3-й Шунинский, Баликагирский и Тавангутский, всего состоящий из 178 душ, из коих мужского 93 души, женского – 85.

Однако в другом документе – «Именные списки эвенков, принявших и не принявших христианство. Сведения о хлебопашестве у эвенков» от 1823 г. в списке Баликагирского рода о числе «некрещёных родовичей» таковых мужского пола 50 душ и женского 50. «Кочуют на занимаемой хоринскими братцкими землях при реке Онон, платят (*ясак* – Р. Ж.) деньгами. Занимаются скотоводством и частью хлебопашеством. На летнее кочевье приходят на речку Бугунтуй, впадающей в Онон, где кочуют также хоринские роды» [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 2].

Общее количество тунгусов Баликагирского рода всего 168 человек (84 мужского и 84 женского), крещёных 23 мужского и 16 женского, итого – 39 человек. Некрещёных – 11 мужского и 18 женского, всего – 29 человек. Восемь семей крещёных тунгусов записаны под фамилиями Баранов, Бородин, Гринёв, Золотухин, Иванов, Некрасов, Номоконов, Субботин. Две семьи заняты хлебопашеством на своих землях, а остальные шесть семей «заняты разными хозяйственными делами».

Среди крещёных ясачных Баликагирского рода в именных списках есть фамилии Барсуков, Кирилов. Тунгусы Баликагирского рода кочевали «на землях, принадлежащих тунгусам по речке Туре, Алакою, и Соктую, Чунгуруку», а «также их юрты были при реке Онон у деревни Шаранай, караула Бухаинского и в Урулгинском селении».

В «Списке из окладной книги Нерчинского земского суда» от 1828 г. тунгусов Баликагирского рода записано 30 душ, Баликагирского – 73 души. Печать старосты Баликагирского рода представляет собой запись на старописьменно-монголь-

ском языке [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 4]. Тамгой Балягирского рода служило изображение лука и колчана со стрелами [ГАЧО, ф. 300, оп. 1, д. 12, л. 543].

К 1840 г. число обращённых в православие тунгусов Баликагирского рода составляло 12 мужского пола и 16 женского. При этом тунгусов, «исповедывавших ламскую веру» было 66 мужского и 99 женского пола. Шаманистов в Кужертаевской управе не зафиксировано [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 16].

По ревизии 1850 г. в перечневой ведомости тунгусов Баликагирского рода по Кужертаевской инородной управе числится 92 души мужского и 77 душ женского пола, всего 169 душ [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 127].

В документе ГАЧО, упомянутом выше, где приводятся подготовленные данные к приезду М. А. Кастрена и датированном апрелем 1848 г. записано, что Баликагирский род состоит в Кужертаевской инородной управе, которая располагалась в 310 верстах к юго-западу от Нерчинска. Тунгусов Баликагирского рода 78 душ, из которых 26 душ были крещёнными, а 52 – некрещёнными. Тунгусы-баликагиры Кужертаевской инородной управы кочевали «при реке Онон на устьях впадающих в оную речкам и урочищам, как-то: Калтыге, Адагулике, Кужертае и Тарбальжею» совместно с Узонским, Тукчинским, Гуновским и Чимчагирским родами. Занимались скотоводством, имея «верблюдов 45 голов, коней 3123, рогатых 3585, коз, баранов 10 481 единица, а всего 17 134 головы скота разного вида». «Юрт в Кужертайской инородной управе 230, ламских кумирен – 4, лам 166 человек, хуvaraков – 37».

В 1857 г. в Баликагирском роду Кужертаевской инородной управы крещёных тунгусов было 27 мужского и 28 женского пола (всего – 55 душ), некрещёных соответственно 70 и 61 душа (всего – 131 душа) [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 61].

2.3.4. Шунинский род тунгусов

Третий Шунинский род в соединённом Яравинском представлен только двумя мужскими душами (Долдоной Засолопъ сынъ и Ботей Илюшкинъ сынъ) и тремя душами женского

пола – жена Долдоная Аюдай Ариценова дочь, Сусундари Ду-
жиепа дочь с дочерью Удумжи, т. е. всего пять душ.

Общее число тунгусов по всей ревизской описи, записанных как Ярапинские (*Еравнинский – Р. Ж.*), составляет всего 179 душ обоего пола. В конце описи переписаны те тунгусы, которые «без наследства умершие» с указанием годов – с 1812 по 1814 г. Вообще анализ ревизских описей за 1816 г. показывает, что именно в этот период – с 1812 по 1815 г. отмечается как дата большей смертности среди тунгусов.

2.4. Документальное описание Дулигатского, Первудулигарского, Дуларского и Долотского родов

2.4.1. Дулигарский/Дулигатский род тунгусов

Первым сообщением о расселении Дуликагирского рода надо считать сообщение аманата Арчеула в 1649г. в Тунгирском зимовье на Олёмке о людях «лелюлях», т. е. *нелюдях*, живущих вверх по Шилке. Как оказалось позднее, это был род дуликагиров, который иногда называли Нелюдским родом, который кочевал в месте слияния Шилки и Аргуни.

Архивы конца XVII в. указывают, что дуликагиры жили на Шилке в устьях рек Бот, Куэнга, Нерча и Курлыч в ведении Оловской управы к востоку от Нерчи. В официальных архивных документах, а именно, в «ревизских сказках» от 12 марта 1831 г. перечислены следующие роды тунгусов [ГАЧО, ф. 29, оп. 1, д. 7]: Кельтегирский – 7 некрещёных и 34 крещёных души (мужского пола) [Там же, л. 5–6]; Мунгальский – 20 и 32 соответственно [Там же, л. 7–8]; Телембинские – 109 и 18 [Там же, л. 9–10]; Еравнинские – 28 и 12 [Там же, л. 12–14]; Князе-Дулигатский – 64 и 35 [Там же, л. 15–17]; Дулигатский – 31 и 12; Бултагерский род бродячих орочонов – 30 некрещёных [Там же, л. 20–21].

К слову, царские чиновники вели скрупулёзный учёт ясачных тунгусов – нельзя было упустить ни одну ясачную душу, а потому имеется в документе пояснение, что «...учинить та-

ковой список из народной переписи составленной 1763 г по таковой переписи как евоной управы так равно, у рода сего староста Букачи Мунгеев из прежде бывших родонаачальников и из числа которых много померло не оказалось и какое количество сотояло в одном роде по той 1763 г. переписи в докладе мужского полу душ ни старосте Мунгуеву, ни родовичам не известно» [Там же, л. 21].

Данный архивный документ оказал неоценимую помощь при этимологизации топонима с основой «Букачи» – ойконим Букачача на реке Куэнга. Вопреки утверждениям некоторых исследователей, что аборигенные народы Сибири не давали названия географическим объектам от имён личных в силу табуированности, нельзя не отметить, что эвенкийскому (*тунгусскому* – Р. Ж.) «их стойбищу присваивалось определенное название или оно называлось именем первого старосты» [ГАЧО, предисл. к оп. ф. 55].

В ревизии 1816 г. описаны родовые сообщества тунгусов князя Гантимура – Дулигатский, Дуларский, Долотский и четыре рода с одинаковым именованием – Первудулигарский. При этом каждый род под управлением своего зайсана и шуленги (см. рис. 18).

Рис. 18. Тамга-печать зайсана Дулигарского рода (возможно, Алексея Истомина – Р. Ж.)

Самым крупным в численном отношении является Дулигарский род с общим числом 964 души обоего пола (538 душ мужского и 426 женского) [Там же, л. 288–324]. Зайсаном записан Алексей Истомин, шуленгой Занги Кашиверов.

подавляющее число тунгусов Дулигарского рода записаны под русскими именами и фамилиями. Подсчёт их показал, что крещёных – 320 душ мужского пола и 249 женского.

Приведём выборочно самые часто встречаемые имена и фамилии крещёных тунгусов Дуликагирского рода. Распространённой оказалась фамилия Истомин: зайсан Алексей Истомин, Василей Истомин, Фёдор Истомин, Аверьян Афанасьев Истомин с сыновьями Никитой и Алексеем, Василей Истомин, Николай Истомин, Гаврило Истомин, ещё один Фёдор Афанасьев Истомин, Власъ Истомин, Иван Ксенофонтов Истомин и их сыновья. Причём следует заметить, что тунгусы с фамилией Истомин записаны в начале ревизской описи, что позволяет полагать об их относительно высоком социальном статусе в роду, а также и обозначает факт их родственных отношений с зайсаном Алексеем Истоминным – «лутшим» человеком рода. Записано несколько разных семей, где встречается данная фамилия.

Следующие фамилии, которые также имеют относительную распространённость среди мужского пола Дулигарского рода – это фамилии Суханов, Иванов, Маслов, Захаров, Кулаков, Ваулин, Степанов, Фёдоров, Корнев, Безъязыков, Надеяев, Таскин, Ксенофонтов, Налединъ, Малышев [ГАЧО, ф. 29, оп. 1, д. 7].

В ревизии имеется приписка о тунгусах «перечисленных в прошедшую ревизию из Сухановской слободы»: Алексей Алексеев, а по тунгуски Мочалшинъ, сын его Макарь, Макара сынъ Михайло; Василей Суханов, а по тунгуски Барилту, сын ево Андрей, Осипъ; Сила Максимов, а по тунгуски Далай, сынъ Афанасей; Гаприло Ефремов Попов, сын Николай, брат Петръ.

Также в ревизской описи Дулигарского рода переписаны отдельными списками тунгусы Шeweинского селения (Себастьян Фёдоров с сыновьями и братом и домочадцами), тунгусы Л(?)амского урочища (Елисей Амосов Оболкинъ, сын

Шарапъ, сын Федот, брат Семён, племянники Еремей и Симон, Ипанъ Степанъ Аксёнов, сыновья Семён и Николай, племянникъ Сидоръ Оксёнов и их дети и жёны), тунгусы Мучилтуевского селения (Афонасей Алексей Шастин, сынъ Никифоръ, сыновья Иван, Алексей, Харлам и их жёны; семья Ивана Суханова – 12 мужского пола и 9 женского с именами Фёкла, Татьяна, Арина, Пелагея, Настасья, Сиклитинья, Секулина, Дарья).

В самой описи есть семья Мычилтуевых: Ивашинъ, Онке, Доржи, Толчи, Павел Тимофеев Высоцкий с сыновьями и племянниками – Ильёй, Филиппом Сосниным, Осипом и Ильёй. Все они записаны под одним и тем же номером в ревизии, что можно понимать как то, что перечисленные являются родственниками, т. е. все из одной семьи, предком которых был некто Мычилтуй. Видимо, по имени Мычилтуя и названо это селение Мычилтуевское как место бывшего стойбища.

В ревизии Первоудлигарского рода есть русские женские имена: Агафья, Елена, Прасковья, Окулина, Лукерья, Авдотья, Наталка Тыгиченова, Анна, Аксиныя, Устинья, Федосья, Марья, Евгения, Катерина, Любовь, Варвара, Мавра, Матрёна, Домна, Окся, Марина, Александра, Аграфена, Ефимья, Февронья, Евдокея и др.

Некрещёных тунгусов имён немного: Кодой Утгундеевъ, Долкиту Намгановъ, Донга, Маучанъ, Мунго, Име, Дедюшко, Влась Онгоев, Власовы сыны Бомбарошка, Митка, Китъ, Васка, Баинтуй, Тошекей, Якунца Иванов, Ерофей Цевушкинъ, Чемдадуй, Самзанай Шилт(?)гысов, Тавуй, Шилта/Шилга, Саким, Кузка Ивашинъ, Онке, Доржи, Толчи Мычилтуев, Шивердей Голжинчинъ, Зангидей, Галсанъ, Яксей, Котунай, шуленга Зангинъ Шивердеев, Лужанъ, Мардай, Бурли, Суворовъ, Залзинъ, Ерцей Данилин, Елге, Олка Дорбонов Очирканов, Ширелдей Болгачанов, Сегелтум, Юнка, Магчанъ, Мунцо Мучелтуев, Бона, Онколай [ГАЧО, ф. 29, оп. 1, д. 7, л. 288–296].

Любопытно, что в конце ревизской описи записано более так называемых тунгусских имён: Токторъ Добгачинов, Занбугай, Шана Бирилдинъ, сын Якунца, Зунза, Толбинга, а по крещению Андрей Малышев, Шалбичанъ Саралдуев, сынъ

Колтусанъ, Соловей, Шунчуга Суралдуев, Шунчугиновы дети Новиковъ, Мынеуль, Андрей, Леско Суралдуев, сыны Якуна, Якшику, Ушаковъ, Новичинъ, Жиролтуй, Лабинъ Ширидеевъ, сыны Солонъ, Алакту, Тимошка Ширилдеев, Неентой, Атырканъ Темелтуев/Чемелтуев, Чашиканов.

Причём любопытно отметить и такой факт, как запись родственников по мужской линии под разными фамилиями, несмотря на то, что это отец и сын. Например, Чашиканов сын Семён Ваулин, Семёнов сынъ Зотей и так далее [Там же, л. 300], Кошилтуй Курганчинъ, сын его Константинъ Кошелтуев по крещению Пётръ Паздников [Там же, л. 304]; Очирко Омкиченов Симаков [Там же, л. 305].

Встречаются в ревизии и такие «гибридные» записи, как, например, Кувилтуй Захаров, Иван Иванов Чикичев, Якунца Иванов, Сергей Капчилтуев Сарандаев, Туморо Иванов, Тимошка Мангичановъ и др.

В описи также приведены и тунгусские и «новые» имена: Кирвина Ентеевъ, а по крещению Кирила Прокопов, сын ево Саватей, Кирила брат Занка Ентеев; Удиганъ Толаев по крещению Иванъ Карелинъ, сын ево Терентей; Петрушка Баричановъ Толаев, сын ево Николай; сын Семкучанъ по крещению Егоръ; Соводей Мучалтуев, сын Яксачай, а по крещению Андрей Еповъ; Курина, а по крещению Генварий Гантимуров [Там же, л. 307–316], Николай Иванов Суханов, а по-тунгусски Микичей Шидуменов [Там же, л. 324] и т. д.

В ревизии записаны «безродно умершие»: Боболей Живаканов, Зайка Инкеев, Иван Журавлёв, Алексей Петров.

Ревизская опись тунгусов Дулигатского рода родового старшины Ивана Николаева представлена личными именами 91 человека, из которых 91 души мужского (5 умерших) и 74 именами женского пола. Всего по ревизии 33 семьи. Тунгусы данного рода почти все записаны под русскими именами: Васей Васильев сынъ, Дмитрий, Лука, Фёдор, Никита, Якопъ, Микулка Шургинопъ сынъ, Филип Козмин сын Захаров, Семён Шестаков, брат Иван [Там же, л. 426]; Иван Тимофеев сын Писарев, сынъ Иван, Николай, написаной в прошлую ревизию Павлом, Хорилтуй, а по крещению Егор Андреев, сынъ ево Влас, Николай [Там же, л. 427] и др.

Тунгусских имён немного: Дежилтуй, Сападай Царуевъ сынъ, сынъ Едропъ, Гопей Карлин сынъ, Бодонкой Данбинъ, Номту Понцоевъ сынъ Девеншинъ, Найралтуй, Былыктуй, Золту Понцовъ сынъ, Шакдуръ, Сундуй Понцоевъ сынъ, Серенпиль, Абидай Тирманов сынъ, сын ево Аюши, Зодбу, брат Суячкинъ, Алексея Суячкина сынъ Павел, Батур Ганжуров сынъ [Там же, л. 426–428].

Анализ этой части описи показал, что с 4-го по 16-й номер записаны семьи, в основном, образовавшиеся от одного предка по имени «Понцок», или по-бурятски «Пунцук», переписанные как Понцоевы.

Интересны другие тунгусские имена: Алгалту Занбактуев сынъ Махулидаев, Одунъ, сын Дутов (*в Забайкалье много Дутовых*), Ванбу Антошин сынъ, Аюши, Ананда Антошин сынъ, Ганбуль, Данба, Данбиль, Биликъ, дядя сродной Авзора Саинцаева сынъ Тулонов, Очир Буянтуев сынъ, Абида, Аюша, Анзыль [Там же, л. 429–432].

Наличие бурят-монгольских антропонимов типа Абида, Аюши, Ананда, Биликъ, Буянту, Данба (Дамба), Очир в ревизской описи Дулигатского рода тунгусов свидетельствует о распространении ламаизма (буддизма) среди населения Даурии намного раньше, чем православие, начиная с XVI в.

Следующие ревизии трёх Перводулигарских родов имеют в составе меньшее число тунгусов. Перводулигарский род отдельного десятника Семёна Суханова состоит из 23 человек 6 семей. Почти все члены рода крещёные: Семён Николаев Суханов, Николай, Константинъ, Григорей Суханов, Иванъ, Антон, Стефан, Василей, Максим Суханов и др. В основном, это семьи от одного предка, которого крестили как Суханова. Отметим, что эта фамилия одна из самых распространённых забайкальских фамилий.

Переписаны тунгусские имена: Токторъ Суханов, сын Takeй, Буянту, Делгеръ, Кундунъ Елдангинъ, сын Чендамуръ, Амарту, Кундун, Оркочонъ, Кундуев [Там же, л. 439]; женские Засук, Кирбе, Ампишка, Маюри Мыргеева, Гомунай/Гомукай, Калземей, Армужинъ помимо частотных русских – Анна, Степанида, Домна, Василиса, Авдотья, Федосья, Марфа, Анна, Настя и др. Некоторые тунгусы из одной семьи перечислены

в Перводулигарский род, поэтому в записи имеется путаница по поводу общей численности родового сообщества.

Другой Перводулигарский род десятника Баканги/Баканчи Домаева состоит из 12 семей, в общем – из 68 человек, из которых 36 душ мужского и 32 женского пола. По сравнению с предыдущим родом в этом роду преобладают тунгусские имена (см. табл. 22).

Таблица 22

Ревизская сказка 1816-го Года февраля 23 дня Иркутской губернии Нерчинского уезда заведывания тунгусских родом Начальника князь 14 класса Гантимурова Перводулигарского роду десятника Баканги Домаева о самом себе и о состоящих мужеска и женска пола тунгусахъ		
<i>Тунгусы Перводулигарского рода</i>		
<i>Мужского пола тунгусы</i>	<i>Лет по прошлой переписи / лет по этой переписи</i>	<i>Женского пола тунгуски</i>
1. Десятник Баканга Домаевъ сынъ	47–51	Жена Баканги Домаева Данжинъ Серенопа дочь – 39; ево же дочери Цампиль – 17; Балсанъ – 14; Балму – 6; Дарака – 5
Баканги Домаева сынъ Балданъ	17–21	Балдана Бакангина жена Байга Цыцыкова дочь
Его же сыновья: сынъ Данжи;	14–18	
Галсанъ	8–12	
Баярту	5–9	
Тынжей	н/в 3	
Сампиль	н/в 1	
2. Жияту Домаев он же и Курулчей	31–35	Жиятуя Домаева жена Сундуй Зурганова дочь – 23

3. Апида Сандакаевъ сынъ Аюшия Апидина (Абидина, т. е. Абидуева) сынъ Биликту	69 умер в 1815 г.; н/в 3	Апиды Сандакаева жена Занданъ Сун- дуева дочь – 51; Аюшия Абидина жена Тывужинъ Илтеева – 22
Абидая Сандакаева сынъ Аюши; другие сыны Бы- ликту; Намучи; Ангиту	15–19	Его же дочери Хан- ду – 24; Бумба- жинъ – 17; Намжи – 10; Анка – 7
4. Васка Лисенков сынъ	34–38	Галиндиви Юнино- ва дочь Ханду
5. Шабарча Барчилтуев сынъ; сынъ Есудей	20–24	
6. Намхай Ешелтуева сынъ; сынъ Сундуй; Ха- раванъ; Кишикуту; Ачиту; Кувиту	24–31	Жена Зулгужинъ Засалтуева дочь – 31; сестра Одумсу
7. Олзохонъ Барчилтуевъ сынъ; сынъ Жирантай	62–64	Жена Сундуй Емке- ева дочь; Купа Максимова дочь;
8. Насункай Мычикее- пъ сынъ Абида; Юрунъ Санжиновъ сынъ; сынъ Танжей	52–56	Сумура Ивулова жена Ою Должено- ва дочь – 45; дочь Барика – 15
9. Микита Мешалкинъ сынъ; сын Мендуй	47–51	
10. Анзаль Ашилтуев сынъ; Анзала Ашилтуева сынъ крещёный Иванъ; Тунгутъ Сонгоепъ сынъ; сынъ Барки; Аргилдей, Данжинъ;	64–68	
11. Тунгута Сонгоепа братъ Куча, а по креще- нию Михайло Иванов сынъ Ивановъ; Михайла Иванова сынъ Дмитрий		Василиса Елизаро- па дочь; дочь Сундуй; жена Саму Амбуева дочь
12. Кишикту Логинов сынъ; Степан Лоншаков	19–23 умер в 1813 г.	Мать Номи Тугул- деева дочь; сестра Сумбури

Всего по списку 40 человек мужского пола, однако ясный сбор собирался с живых, исключая новорождённых и умерших.

В деле имеется любопытная приписка «1817(?) г. февраля 13 дня Перводулигарского роду старшиной Бакангой Домаевым об открывшемся из тунгуской нации прописком (*орфография сохранена – Р. Ж.*) по 6-й и по нынешней 7-й ревизии малолетнем, не имеющем родства, а кто онъ также значится в ревизской сказке.

Рапортъ оному Нерчинскому Нижнему Земскому суду честь имею донести об открывшемся Кондоевскаго селения проживающими указываю Афанасия Епова малолетнем мальчике Иване Ёлкине, который предъявил себя Мунгальского роду зайсану Якову Гантимурову к приписке в томъ, что он нигде как по 6-й, так и по 7-й ревизии по малолетству и недоумению своему не записан и не значится от кого именно рожден и находится в заводском ведомстве в селении Ёлкино с самого младенчества в доме крестьянина Тимофея Ёлкина который давно уже помре прошлого 1816 г. в филиповъ пост... пожелал быть в ведении Перводулигарского рода старшины Баканги Домаева. Имею честь представить на доставление в Иркутскую казённую экспедиция [Там же, л. 450].

Третий по счёту Перводулигарский род шуленги Берекея Масюкова насчитывал всего 203 души обоого пола, из коих 119 душ мужского пола, 84 женского. В ревизии также много русских имён, в количественном отношении так называемых тунгусских немного: шуленга Берекей Масюков, сын Сербучей, Сужилтуй Анжигаев, Сожилтуевъ сынъ Егонъ, Кишикту Анжигаев; Тодапо Калзаевъ, Тодоевъ отец Калза (*Халзан? – бур.*) Гонженгинов; Наима Унжингаев, Даурца, Товоргей, Кашилей; Шакагдёнъ Шелгенеевъ, отец Шелгений, брат Урка Гаврилов; Гришка Маргилтуев, Поспелка Орочонов; Дуначанъ Билгилтуев; Лога Артамонов; Лубинъ Кенчуркинов; Заилага, а по крещению Василей Шастин; Шергей Шулучаев, а по крещению Андрей Хомяков; Тылгачень Улгиниев; Ванка Девилтуев, Дучанъ Демикуевъ, сынъ Кутучинъ, сынъ Кугкчанъ, сынъ Кувалтей; Сиватей Димилаев, а по крещению Иван Якимов/Екимов(?) и др.

2.4.2. Дуларский род тунгусов

В Дуларском роду шуленги Лоншака Степанова и засола Ильи Верхотурова по переписи 1816 г. значатся всего 165 душ, их которых 94 души мужского пола и 71 женского [ГАЧО, ф. 29, оп. 1, д. 7, л. 344–350]. Список начинается с имени отставного шуленги Ивана Князева. Продолжается семьёй засола. «Галучань, а по крещению Осип Верхотуров, брат Гришка, а по крещению Николай Слепцов, Николая дети Михайла, Митрофань; Олотуй Гекелтуев, а по крещению Николай Слепцов, сыны Иван, Петр Гекелтуев; шуленга Лоншако Степков (вместо Степанов), сыновья Иван, Николай Григорьев Нетятин, сын Алексей и т. д.» [Там же, л. 345].

По полевым записям исследователя Б. Д. Цыбенова, среди даурских родов имеется род *дулар* [Цыбенков, 2012, с. 238–246].

2.4.3. Долотский род тунгусов

Ревизская опись Долотского рода зайсана Николая Титова включает перепись 74 душ обоего пола, из которых 48 душ мужского и 26 душ женского пола. Крещёных из этого числа мужского пола 30 человек, женского – 18.

Имена крещёных тунгусов: Данила Простокишинь – отставной шуленга, зайсан Николай Заксалтуев Титов, Жергаль, а по крещению Яков Гарин, Павел Иванов Пыхалов, Илья Чипизубов, Иван Гажилтуев, а по крещению Никита Караваев, Ефрем Шестаков, Карп Каргин, Василей Нечаев, Иван Пляскин, Лука Кузнецов, Евдоким Литвинцев, Никифор Петров Васильев и др.

Имена некрещёных отличны от таковых Перводулигарского рода: Мыргылтуй, Заксалтуев/Заскалтуев, Букилтуй Кургиев, Букучень, Залог, Гитурь Нуминов, Бонги Балтухаев; женские – Гуйве, Гункай, Гунажи, Ганза, Найманзу, Самбу, Багажинь, Девелу и др. [ГАЧО, ф. 29, оп. 1, д. 7, л. 420–423].

Все «тунгусские» имена представляют собой крайне интересный языковой материал как антропонимический суб-

страт в этноязыковом отношении. По анализу и стратификации этих антропонимов есть немного авторских статей, и эта тема на сегодня представляет собой не разработанное исследовательское поле.

2.5. Документальные данные Баягирского, Второбаягирских, Намятского, Намясинского и Намятинского, Кельтегирского, Желтоцкого/Дзалтотского родов

2.5.1. Баягирский и Второбаягирские рода тунгусов

Роды нерчинских тунгусов состояли из улусов. Так, например, род Баягир Нерчинского острога состоял из улуса князца Дыдоки и Жектонова улуса. При этом в Жектонов улус входил и улятский род князца Чечека [Долгих, 1960, с. 338].

Род Баягир был самым большим родом всех нерчинских тунгусов (см. табл. 23, 24). Они жили в XVII – начале XVIII в. в районе города Нерчинска по рекам Куренге, Газимуру, Унде и к северу от Шилки. Их соседями был род дуликагиров (Дулигатский). Оба эти рода имели охотничьи угодья по близлежащим к реке Нерча падям и вверх по рекам Олёкма и Тунгир. Путешественник Г. Миллер⁶ отмечал наличие баягиров в районе озер Иргень и Шакша и реке Кручина, впадающей в реку Ингоду.

В 1672 г. табунуты побили под Иргенским острогом ясачных баягиров «с женами и детьми» человек 40. Телембинские баягиры занимали земли от озера Ирген на юго-запад по Хилку до водораздела с Чикоем (см. рис. 19).

Б. О. Долгих считает, что исконными землями этого рода были урочища по правому берегу Шилки ниже Нерчинска и по Газимуру.

⁶ Гёрхард Фрйдрих Миллер (1705–1783) – историограф Российского государства, которому принадлежит первый научный труд по истории Сибири.

Таблица 23

Ревизская сказка 1816-го Года февраля 24 дня Иркутской губернии Нерчинского уезда заведывания тунгусских родом Начальника князь 14 класса Гантимурова Второбаягирского роду зайсана Бошиктуй а по крещению Костенкина Чашина о самом себе и о состоящих мужеска и женска пола тунгусахъ		
<i>Тунгусы Второбаягирского рода</i>		
Всего душ ясачных в роду	Мужского пола	Женского пола
307 душ	163 души	144 души

Подсчёт антропонимов Второбаягирского рода показал, что русских имён среди принявших православие в роду немало: мужских – 67, женских – 54.

Таблица 24

Ревизская сказка 1816-го Года февраля 24 дня Иркутской губернии Нерчинского уезда заведывания тунгусских родом Начальника князь 14 класса Гантимурова Второбаягирского роду зайсана Николая Протопопова и шуленги Василия Ирбученова, засола Кашиктуйа Васильева о самом себе и о состоящих мужеска и женска пола тунгусахъ		
<i>Тунгусы Второбаягирского рода</i>		
Всего душ ясачных в роду	Мужского пола	Женского пола
749 душ	419 душ	330 душ

В этом Второбаягирском роду крещёных оказалось намного больше по сравнению с предыдущим родов, а именно – 261 душа мужского и 198 душ женского пола. Перечислим наиболее распространённые русские фамилии тунгусов Второбаягирского рода: Егор Фёдоров Протопопов, Жаркичань Петров, брат Сенка Николаев, Пётр Малышев, Василей Феклистов, Осип Корелин, Васка Умулунов, а по крещению Василей Шипунов, Николай Селезнёв, Василей Муратов, Моисей Петров Скобельцын, Григорей Раитин, Матвей Литвинцов, Симон Панов, Николай Семён Галецкой (*Халецкой?*), Кирило Михайлов Епифанцов, Фёдор Ярецкой, Яков Иванов Малышов, Иван Житов, Сава Голобоков, Леонтей Епифанцов, Алексей Потапов Тюкавкин, Федот Игнатъев, Ксенофонт Екимов, Родионов, Дмитрий Пляскин, Владимир Надеяев, Пётр

Шемелин, Тимофей Захаров, Афонасей Стуков, Зиновой Су-ханов, Иван Яковлев, Никифор Данилов [ГАЧО, ф. 29, оп. 1, д. 7, л. 352–384].

Рис. 19. Тамга-печать зайсана Баягирского рода Ивана Васильева

Следует отметить и то, что среди даурских родов имеется род *баягир* [Цыбенков, 2012, с. 238–246].

2.5.2. Намятский, Намясинский, Намятинский роды тунгусов

Роды Намятский, Намясинский составляют, возможно, подродовые ответвления от основного рода – Намятского.

Б. О. Долгих различал в составе тунгусов-намятов Нерчинска роды Синонамят, Харанамят, Долот, Конур, Джалтот, Чипичинут, Поинкин и др. [Долгих, 1960, с. 351]. Основным родом считались, по-видимому, намяты/намясинцы.

Среди архивных документов ГАЧО в «Ведомости об уплате ясака...» за 1792 г. в Намятском роду насчитывалось 135 душ мужского пола, количество всего населения могло достигать до 300–400 душ [ГАЧО, ф. 300, оп. 1. д. 12, л. 55]. Согласно данным «Описания Иркутского наместничества» за 1792 г., в 1790-е гг. тунгусов Нерчинского уезда со старшина-

ми в Намяцком роду было 141 душа мужского пола, в Намясинском 44 души [Константинов, 2002, с. 116, 123, 141].

По ревизской сказке 1816 г. в Намитском роду зайсана Митрофана Нарышкина и шуленги Петра Степанова тунгусов было записано 417 душ (239 мужчин и 178 женского). Крещёными считались 117 мужчин и 85 женщин [ГАЧО, ф. 1о, оп. 1/5, д. 17513]. В Наматском роду общее число составляло 217 человек, из коих 123 мужского и 94 женского пола. В Намясинском роду было 50 мужчин и 44 женщины тунгусов.

В 1823 г. в Намяцком роду насчитывалось 260 человек, из которых крещёными были 82 мужские души, некрещёными – 138 душ. По «Списку из окладной книги Нерчинского земского суда» 1828 г. в Намятско-Намясинском роду записано всего 197 человек, в отдельном Намятском – 260 человек. Намятский род находился в ведении Маньковской инородной управы, и ясаку с этих 260 душ было собрано 387 рублей. В Шундуинской управе с Намятско-Намясинского рода ясаку было собрано со 197 душ в размере 321 рубль [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 4]. По данным документов от 1858 г., в Намятском роду Шундуинской инородной управы насчитывалось всего 546 человек, из коих крещёными были 278 душ, некрещёными – 268 душ (145 мужчин и 123 женщины).

Наличие в ведении разных управ Урульгинской степной думы родов Намитского, Намятского, Намясинского, Наматского означает на деле названия подродовых отделений основного рода – Намятского, что подтверждается косвенно текстом «Дела о представленных сведениях Доктору философии 8-го класса Алекс Хрестьяновичу Кастрену 27 апреля 1848 г.», где Наматский род был под управлением Шундуинской инородной управы совместно с Улятским, Челкагирским и Долотским родами. Помимо прочих статистических данных в документе приводятся цифры о количестве обращенных в православие тунгусов. В Наматском роду из 206 душ крещёными состояло 64 души, некрещёными оставались, судя по их именам, 142 души. Тунгусы Шундуинской управы имели по данным 1848 г. 43 верблюда, 2120 коней, 2955 голов рогатого скота, баран и козлов 2 483 головы, оленей – нет [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 39].

Шундуинская управа Урульгинской степной думы находилась «в юго-восточной стороне от Нерчинска в 104 верстах. Тунгусы Улятского, Челкагирского, Наматского, Долотского имеют жительство и кочуют при урочищах Тургинском, Кашхигуйском, Шундуинском, по реке Онону и сопке Гулаевой по правую сторону Онона с отпадками до устья пади Мухорбулаку и так выше Коточеевского, при речках Бырке и Биликтуу» [Там же].

Наматский/Намятский род тунгусов также был в ведении Маньковской управы, «расположенной в юго-восточной стороне от Нерчинска в 216 верстах. Обитали тунгусы 9 родов Маньковской инородной управы в пади Калгукан, речках Борзя, Алдонда, Биликтуй, Норой, Горолак, Урулюнгуй, Большому Кондую, озерам Цаган Онор и Килусутай, по падым Будияким и Дусурачь, Зурукчинь и Куркыра». Тунгусов Маньковской управы насчитывалось всего 1480 человек. Крещёных в Маньковской управе к 1848 г. насчитывалось 539 душ, некрещёных – 841 душа. Содержалось юрт – 418, домашних животных – верблюдов, коней, крупного рогатого скота, коз и баранов – 19 512 голов [Там же].

В более раннем документе от 1823 г. «В ведомости, учинённой о числе тунгусского народа» в Нататском и Намятском и Долотском родах мужского пола было записано в количестве 259 душ, женского – 191 душа, всего 444 души обоого пола. Эти роды состояли на время учёта «при урульгинском зургане» [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 58]. В Натятском роду мужчин по данным 1823 г. насчитывалось 258 душ, 204 женских соответственно, всего – 462 души обоого пола [Там же].

В других исследованиях приводятся количественные данные о четырёх родах Шундуинской инородной управы по ревизии 1831 г., среди которых был и Намятский род. Общее число тунгусов-намятов составляло 1059 человек. В девяти родах Маньковской управы, в числе которых также был и Намятский род, общее количество составляло 1895 человек [Янков, 1999, с. 99–100].

Одноименный род Намяцкий также был и в Маньковской управе. По ревизии 1857 г. Намяцкий род составлял в количественном отношении всего 493 человека, мужского пола

250 душ и 243 женского (см. табл. 25). Обращённых в православие из этого числа намятов в 1857 г. было 52 мужчин и 46 женщин [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 58].

Из приведённых архивных данных о количественном составе тунгусов-намятов Урульгинской степной думы видно, что наличие подродовых ответвлений основного Намятского рода во многих инородных управах думы свидетельствует об относительной многочисленности тунгусов-намятов, что, по-видимому, определяло их отдельное положение в среде тунгусского населения Нерчинска. Это дало основание считать вслед за исследователем М. А. Кастреном, что «тунгусское население Нерчинского уезда принадлежало в основном к двум племенам. Одним из них были нелюды, или нелюли. Другим племенем ...были намяты или намясинцы» [Долгих, 1960, с. 349].

В архивных документах ГАЧО (ГАЗК), где приведены данные о том или ином роде тунгусов, приводятся тамги, печати старост и старшин. Тамгой старшины Намятского рода было изображение сабли. Личной печатью старосты Намятского рода Козмы Нарышкина в документах используются заглавные инициальные буквы *К. Н.*

Таблица 25

Ревизская сказка 1816-го Года февраля 21 дня Иркутской губернии Нерчинского уезда заведывания тунгусских родом Начальника князь 14 класса Гантимурова Намятского роду зайсана Митрофана Нарышкина и шуленги Петра Степанова о самом себе и о состоящих мужеска и женска пола тунгусахъ		
<i>Тунгусы Намятского рода</i>		
Всего душ ясачных в роду	Мужского пола	Женского пола
417 душ	239 душ	178 душ

Анализ антропонимов тунгусского населения Намятского рода показал число крещёных: 117 душ мужского, 85 душ женского пола, что составляет примерно половину от переписанных в сказке душ.

Приведём список русских фамилий тунгусов Намятского рода: Андреев, Нарышкин, Степанов, Колобов, Александров,

Безъязыков, Пляскин, Епов, Высоцкий, Литвинцев, Шапошников, Чупров, Туров, Аршинский, Драгунов, Осипов, Сажин, Савин, Таскин, Кутенков, Богданов, Переплётнов, Герасимов, Костенкин, Каргин, Гусев, Рогалёв, Тюкавкин, Петрушкин, Михайлов, Карелин, Ворошилов, Мичурин, Капралов [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 58, л. 367–407].

Встречаются в описи также и «двойные» имена: Андрей Домаев Телеуропъ, Алтанай Колобов, а по крещению Степан Александров, Дорконай, а по крещению Филип Епов, Меркучень, а по крещению Устин Переплётнов, Пётръ Кишикту Григорьев, Яковъ Бутангинъ, Абрашка Былчеев, Григорей Ипанов Шапошников.

Список «тунгусских» имён также разнообразен, имена не идентичны именам других родов: Зангунча Андреев, отец Зангинъ Андреев, сын Зангинъ, брат Алтаная Колобова Агарчу, отставной зайсан Мытку Дутангинъ, Адай, Ачутка, Логоръ, Илтуней, Аргу Лагунов, а по крещению Александро Козлов, Бочер Шуркученов, Сунауль Гурилов, Аликанъ Цунцуров, Пекеул Лучанкуев, Мамалтуй Бониев, Васка Винкинъ, Мычелту, Тепкуй и др. [Там же].

2.5.3. Кельтегирский род тунгусов

Б. О. Долгих считает род Колтагир одним из основных тунгусских родоплеменных групп Нерчинского, Телембинского (с Еравнинским) острогов (см. рис. 20). Он опирается на сведения историка Г. Миллера о Колтагирском роде, что «кочует он по рекам Ингоде и Нерче, по левобережью р. Шилки ниже устья Талачи» [Долгих, 1960, с. 341]. Однако Б. Долгих даёт сведения о нерчинских колтагирах, шилских и аргунских по годам. Так, в 1689 г. тунгусов-колтагиров Нерчинского острога было 62 человека, в 1697 г. – 54, в 1700 г. – 53, а в 1732 г. – 39. Аргунских колтагиров в 1689 г. было записано 6 душ, в 1697 г. – 7, в 1700 г. – 7, в 1732 г. – 10. Шилских (*шилкинских* – Р. Ж.) колтагиров было записано 27 душ [Долгих, 1960, с. 336–337].

Рис. 20. Тамга-печать Кельтегирского рода

Несколько иная картина количественного состава тунгусов Кельтегирского рода выявляется по данным ГАЧО. Одно из ранних упоминаний о количественном составе Кельтегирского рода встречается в «Описании Иркутского наместничества 1792 г.», где в документе «О распределении эвенков (*тунгусов – Р. Ж.*) по уездам Нерчинской области (1790-е гг.)» в Картегирском роду тунгусов – 127 душ. Нерчинская область состояла на тот период из трёх уездов – Нерчинского, Доронинского и Стретенского [Константинов, 2002, с. 116, 123, 141].

По данным ГАЧО, в сведениях бывшего Урульгинского суглана в Кельтегирском роду записано 138 душ «по прежней переписи», с которых следовало взыскать ясак в размере 144 рублей. Там же записан Кельтегирский род Курлыченского суглана, однако, данных о количестве нет [ГАЧО, ф. 300, оп. 1, д. 4].

В другом документе, датированном 1823 г., в «Именном списке эвенков, принявших и не принявших христианство. Сведения о хлебопашестве у эвенков» количество тунгусов Кельтегирского рода обоего пола составляет 144 человека, из которых мужского пола – 75 душ. Хлебопашеством занимаются 44 человека, не занимаются хлебопашеством – 64. О тунгусах этого рода сказано, что «кочуют они по реке Зульзя в юртах, стоят юртами по рекам Агите, Горбице, Укырей и Уль-

дурге». Помимо хлебопашества основным их занятием указан «звериный промысел». Скота нет, не содержат.

Из общего числа крещёными считались 66 душ мужского пола и 60 женского, всего – 126 человек. Некрещёными оставалось девять мужчин и девять женщин [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 2].

Следующий документ о решении Комиссии по составлению окладных ясачных книг Восточной Сибири, которая в 1827 г. учредила «вместо подати 1763 г. впредь вносить в доход Его Императорского Величества» деньгами, с Кельтегирского рода взыскать ясак в размере 66 рублей. Означенный размер ясака с родового состава предполагает, по-видимому, численность Кельтегирского рода примерной цифрой в 40–45 душ. Крещёных *кельтегиров* было к 1831 г. 34 души, некрещёных – 7 душ мужского пола. Так, с Князе-Дулигатского рода, который считался одним из наиболее многочисленных родов, ясак составлял 150 рублей, тогда как с бродячих *орочонов* в количестве 14 душ следовало собрать ясак деньгами в 100 рублей! Всего со всех родов – Кельтегирского, Мунгальского с приписными Сартоцкими, Телембинского, Еравнинского, Князе-Дулигатского, Дулигатско-домуева – и 14 душ бродячих *орочон* следовало взять 871 рубль [ГАЧО, ф. 29, оп. 1. д. 7].

Это решение было принято на основании рапортов о том, что тунгусы и инородцы «ныне чувствуют в промысле упадок как пушных, так и надобных большой недостаток, т. к. до 1763 г. инородцы имели лучшее состояние против нынешнего, потому что занимались зверопромышленностью по рекам Олёкме, Витиму, Нерче и Калакану и по впадающим в оные реки по обеим их сторонам. Ныне по тем самым местам промышляют зверей ежегодно в осеннее время в значительном количестве сословия люди как-то Нерчинска купцы и мещане, начальство Горной Экспедиции, заводские купцы и крестьяне, а также станичные казаки. Много народа померло против прежнего числа их...» [ГАЧО, ф. 2, оп. 1. д. 7].

По документам 1828 г. Кельтегирскому роду Урульгинской инородной управы было предписано с 41 ясачной души

вносить ясак в год 54 рубля 85 копеек. С 74 душ Кельтегирского рода Оловской управы взыскивать ясак в количестве 79 рублей 37 копеек [ГАЧО, ф. 55, оп. 3, д. 9, л. 64].

В «Списке из окладной книги Нерчинского земского суда» от 1828 г. число тунгусов Кельтегирского рода Урульгинской управы составляло 41 душу. В Кельтегирско-карпашином роду ведения Оловской инородной управы число ясачных тунгусов составляло 74 души. Головой у этого рода означен Афанасий Карпачинь [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 4, л. 1064–1065].

Согласно данным документов, датированных 1848–1849 гг., в Кельтегирском роду Урульгинской управы некрещёных тунгусов было записано 23 души, крещёных – 74, общим число 97 душ. В Кельтегирском Оловской управы всего тунгусов 68 душ, из них крещёных – 58, некрещёных – 10. Кельтегирский род Урульгинской управы обитал по речкам Аге и Бере, Кельтегирский Оловской – кочевали и имеют жительство при реке Шилке, по разным рекам, впадающим в оную реку, Олову, Курлыче, Шивье, Кулинде, а также Олекану, Торге, Торгоконь, Кие, Киекану, при реке Нерче, впадающей в реку Шилку. Тунгусы живут в юртах войлочных и деревянных [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 39].

По документам 1857 г., в Оловской управе в Кельтегирском роду общее число тунгусов составляло 194 человека, из которых 106 мужчин и 88 женского пола (см. табл. 26).

Таблица 26

<i>1790-е годы</i>	<i>1823 год</i>	<i>1827 год</i>	<i>1828 год</i>	<i>1831 год</i>	<i>1848–1849 годы</i>	<i>1857 год</i>	<i>Управы</i>
127 (138) душ бывше- го Урул- гинского суглана	116 че- ловек	При- мерно 40–45 чело- век	41 че- ловек	41 че- ло- век	97 человек	-	Уруль- гинская
	Всего 144 че- ловека: 75 муж- чин и 69 женщин		74 че- ловека	-	68 человек	194 че- ло- века	Оловская

Все тунгусы в документе записаны под русскими фамилиями и именами с превалированием таких фамилий, как Ванчугов, Пляскин, Забродин, Суханов, Фомин, Мичурин, Щербов, Свиноев, Денежкин, Пономарев, Анцыферов и др. [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 60].

Следует отметить и то, что среди даурских родов имеется род *калтакир* [Цыбенков, 2012, с. 238–246].

2.5.4. Желтоцкий/Дзалтотский род тунгусов

В ревизской сказке 1816 г. среди других упомянут Желтоцкий род старшины Шаралдая Самаева из 50 человек, из коих 24 мужского, 26 женского пола людей. В книге В. Ф. Балабанова «История Земли Даурской» упоминается тунгус Шаралдай, который в апреле 1670 г. выступил в качестве посланника от богдойского царя нерчинскому воеводе Даниле Аршинскому с предложением отправить к нему послов. Проводниками были тот же тунгус Шаралдай «со товарищи». Это был первый полуофициальный визит русских в Китай через Маньчжурию из Нерчинского острога [Балабанов, 2003, с. 94]. Мы склонны предполагать о том, что этим тунгусом Шаралдаем являлся именно старшина Шаралдай Самаев Желтоцкого рода тунгусов. Возможно, он исполнял поручение, данное ему родоначальником Гантимуром.

Самое раннее упоминание о Желтоцком роде имеется в документе за 1793 г. в «Книге записей смотрителей экономических магазинов о расходовании хлеба», где в Желтоцком 8 душ платящих ясак, не платящих 9, итого – 17 душ мужского пола, крещёных среди них нет.

В 1823 г. в документе «Ведомость, учинённая при Урульгинском тунгуском зургане о числе людей обоего пола» в Желтоцком роду указано 27 душ мужского и 26 женского пола, всего – 55 человек. Следует за ним огромный по численности Сартоцкий род из 963 человек. Причём Сартоцкий имелся и среди Телембинских родов. По данным 1840 г. в «Ведомости о вероисповедании Урульгинской степной думы Нерчинского

округа» Желтоцкого рода уже нет среди остальных 32 родов тунгусов Гантимура. Предположительно, что этот род или вошёл в состав более многочисленного рода, к примеру – в Сартоцкий, или же полностью исчез, «растворившись» среди пришлого русского населения.

2.6. Документальное описание Тукчинского, Сартоцкого, Чимчагирского и Гуновского родов

2.6.1. Тукчинский род тунгусов

Родовое название Тукчинский в форме Тупчинский встречается в документе от 1793 г. в «Книге записи смотрителей экономических магазинов о расходовании хлеба» под номером 17 (см. рис. 21). Платящих ясак – 82 души, не платящих – 86 душ мужского пола, всего – 168 душ только мужского пола. Крещёных из этого числа – только 7 душ.

Рис. 21. Тамга-печать зайсана Тукчинского рода

В 1790 г. с тунгусов Тукчинского рода собрали 126 рублей, и приписан был этот род с 16 другими к Урульгинскому суглану. В документе от 1823 г. в Тукчинском уже насчитывается 534 души обоего пола, из этого числа мужских душ – 206.

По ревизии 1816 г. Тукчинский род зайсана Сампила Харалдаева, шуленги Сынжеда Серенова и засола Данжина Кунтуева состоит из 335 душ обоего пола, из которых 191 душа мужского пола и 144 женского.

По ревизии от 1857–1858 гг., Тукчинский род приписан в ведение Кужертаевской инородной управы среди пяти других родов: Чимчагирского, Гучитского, Узонского, Гуновского и Баликагирского. В Тукчинском всего 269 душ, из коих указаны 70 душ крещёных и 228 душ некрещёных кочующих [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 61]. Стоит указать, что уменьшение числа тукчинцев-тунгусов обусловлено, по-видимому, их вхождением в состав агинских бурят и ассимиляцией в среде русскоязычного крещёного населения Нерчинска.

Обзор личных имён тунгусов Тукчинского рода показателен в отношении того, что подавляющая часть имён явно тибет-монгольского происхождения. «Отставной зайсан Харалдай Аранжуровъ, сын зайсай Сампиль Харалдаевъ; сынъ Гынпиль; Гылунъ Балжуръ Аранжуровъ сынъ, Бальжуръ Аранжурова принятой усыновление племянникъ Гындунъ, Никита Аранжурова сынъ Гонбу, Гончикъ, Юмъ, Кунтей Аранжурова сынъ Данжи; кувуракъ Дакбо, Намсарай» [Там же, л. 205].

Так называемых «языческих», т. е. до-тибет-монгольских имён совсем немного: Сакия Намчиевъ сынъ, Кулминъ, Ломбунъ Шилтумова сынъ, Енбу, гецуль Хайдапъ, Турунхай, Бортой Цыценопъ сынъ, Серень Манчуровъ сынъ, Баримать Бурулов сынъ, Давукай [Там же, л. 212], Сундуй, Олзой, Биликъ Маниевъ сынъ Номоров, Шарапъ, Кусинту, Бохолдой Ирдаранов, Бичикту Баргиевъ сынъ, отец Барге Ирдаранов [Там же, л. 218] и др.

В ревизской описи отмечено, что крещёных мужчин девять и одна женщина. В ведомости за 1840 г. указано, что в Тукчинском ламской веры 212 мужчин и 178 женщин, православных – 12 мужчин и 9 женщин.

2.6.2. Сартоцкий род тунгусов

В одном из ранних документов от 1793 г. за подписью Николая Гантимурова в «Книге записи смотрителей экономических магазинов о расходовании хлеба» записаны Перво-сартоцкий род Урульгинского суглана (165 душ ясачных, не платящих ясак – 227 душ, всего – 392 души, из них 72 души – крещёные). Во Второсартоцком всего записаны две души, относящиеся к Телембинским тунгусам.

В другом документе от 1791 г., в «Ведомости о сборе ясак и недоимок, прошения тунгусов по различным вопросам тунгусскому Начальнику князю Гантимурову» наличествуют один Сартоцкий род, с которого собрано ясаку 18 рублей.

В ревизии 1816 г. Сартоцких родов записано два рода. В одном 498 человек (68 умерло), крещёных мужского пола 65 душ, женского – 51 душа. Во втором Сартоцком Телембинского соединенного рода – 230 душ обоего пола.

В другом документе от 1823 г., в «Ведомости, učinённой при Урульгинском тунгусском зургане о числе людей обоего пола» указано, что тунгусов Сартоцкого рода – 963 души обоего пола, потому этот род являлся довольно многочисленным, потому и сильным.

В последующем Сартоцкий род был приписан в ведении Онгоцонской инородной управы, по ревизии 1857–1858 гг. [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 59].

2.6.3. Чимчагирский род тунгусов

По ревизской описи тунгусского населения Нерчинского уезда от 1816 г. в Чимчагирском роду насчитывалось всего 125 человек, из которых – 62 души мужского пола и 63 женского. По документам от 1828 г., Чимчагирский род имел в наличии 61 душу мужского пола ясачных [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 4].

По ревизии 1857 г., в Чимчагирском роду Кужертаевской инородной управы насчитывалось 51 душа мужского пола,

37 женского, всего – 88 человек некрещёных. Мы относим это число к так называемым «некрещёным» потому, что записаны они в основном под языческими именами, среди которых имеются уже имена тибет-монгольского происхождения.

Однако в ревизской сказке отмечено 15 душ мужского и 14 женского под русскими именами [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 61]. На деле записи под русскими именами или другими не означает, что эти души считали себя православными или «ламайцами». Крещёными к 1857 г. из общего числа ясачных тунгусов Чимчагирского рода оказались 32 человека, т. е. записанные под русскими именами [Там же].

Подсчёт антропонимов тунгусов Чимчагирского рода по ревизской сказке 1857–1859 гг. показал, что приписанные к Кужертаевской инородной управе тунгусы Чимчагирского рода записаны под именами: Зуга, Дуро, Кулукъ, Муцалтуев, Иркуту, Иролту и др. Остальные имеют русскую антропонилическую систему.

В документе «Ведомость о вероисповедании тунгусов Урульгинской степной думы Нерчинского округа» от 1840 г. в «Чимчагирском роду Кужиртайской инородной управы исповедующих православие – 11 мужского и 13 женского полу душ. Относятся к ламской вере 33 мужчины и 41 женщина. Шаманистов нет».

Согласно «Перечневой ведомости» за 1850 г., по Кужертаевской управе тунгусов Чимчагирского рода насчитывалось 60 душ мужского и 41 женского пола [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 127]. Имена крещёных кочующих: Дудин, Попов, Эпов (*много*), Носырев, всего из общего числа 28 душ обоего пола крещёные. Имена некрещёных кочующих: Герца, Юмъ, Залбевъ, Мучалту, Галиндивий, Агировъ, Дуро Тимофеевъ, Мужанова, Зуга, Домай, Кулукъ и т. д.

Можно предполагать, что одна часть тунгусов Чимчагирского рода вошла в состав агинской группы бурят, а другая часть стала основой старожильского русскоязычного населения Нерчинска.

2.6.4. Гуновский род тунгусов

Гуновский род тунгусов впервые упоминается в «Ведомости о сборе ясака и недоимок, прошения тунгусов по различным вопросам тунгускому Начальнику князю Гантимуруву» от 1791 г. В роду ясачные уплатили 185 рублей, за 1789 г. – всего 4 рубля 70 копеек.

В «Книге записи смотрителей экономических магазинов о расходовании хлеба» за 1793 г. за номером Гуновский род 14-й среди остальных 38 родов тунгусов. Плательщиков ясака в этом роду – 92 души мужского пола, а 99 душ не платят ясак. Всего душ мужского пола – 191, из них 22 считаются крещёными.

В «Ведомости, učinённой при Урульгинском тунгусском зургане о числе людей обоего пола» это род находится под номером 8 среди 37 родов. Всего душ – 427, из них тунгусы – 231 мужского и 196 женского пола.

Гуновский род по ревизиям поздних лет приписан к Ку-жартаевской инородной управе среди остальных пять родов, большая часть которых органично вошла в состав бурят Агинской степной думы.

По «Ведомости о вероисповедании» за 1840 г. в Гуновском роду 224 души мужского и 283 души женского пола считаются ламаитами, только 17 мужского и 19 душ женского пола православными.

В Агинском Бурятском округе (бывший) есть поселение Гунэй, которое, по нашему мнению, можно отнести к этнопонимам, т. к. основой ойконима стало генонимное «Гуновский». Жителей села считают так называемыми хамнеганями/хамниганями, т. к. в своём прошлом в среде хоринских бурят как тунгусы они считались инородным элементом.

2.7. Документальное описание Гучитского, Челкагирского, Чипчинютского, Кушелюцкого, Мальцовского родов

2.7.1. Гучитский род тунгусов

Гучитский род тунгусов приписан согласно документам ГАЧО к Кужертаевской инородной управе. По ревизии 1850 г. насчитывал в своём составе 51 мужскую душу и 66 женских душ (итого – 117 человек) [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 127]. Всего по управе насчитывалось 1223 души мужского и 1090 душ женского пола.

Имена некрещёных тунгусов Гучитского рода: Тунго, Кусенту, Дара, Анудари, Ононь, Буга, Чанкирь, «Борто Шеломенцовъ руку приложил» (*далее следует подпись на старописьменном монгольском языке – Р. Ж.*). Женские имена – Сому, Дорока.

По «Книге записи смотрителей экономических магазинов о расходовании хлеба» за 1793 г. рода Гучитского нет. Не упоминается этот род и «Ведомости о сборе ясака и недоимок» от 1791 г. Отсутствует род Гучитский и в ревизии 1816 г.

Впервые этот род записан в «Ведомости, учинённой при Урульгинском тунгусском зургане о числе людей обоего пола» под номером 26 среди 37 родов. Всего – душ 81, из них 42 тунгуса мужского и 39 женского пола.

Однако в «Ведомости о вероисповедании» за 1840 г. этого рода уже нет среди остальных 32 родов тунгусов Урульгинской думы.

По данным ревизских описей Урульгинской степной думы в ведении Кужертаевской инородной управы от 1857 г. записан Гучитский род в количестве 53 душ мужского и 61 женского пола, всего 114 человек. В другом архивном документе от 7 ноября 1828 г. дано описание всех инородных управ тунгусов Верхнеудинского округа, в ведении которой находилась и Урульгинская степная дума, с указанием численного состава родов и их местоположения. В Кужертаевской

инородной управе, «состоявшей при реке Онону расстоянием от Маньковской примерно в 300 верстах под управлением которой состоят шесть родов...» от 42 душ Гучитского рода ясаку следовало взять 44 рублей 35 копеек [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 127].

В ревизии 1831 г. Хоринской степной думы Мунгальский род тунгусов, «называемый Гучитским», насчитывал 79 человек, из которых 40 мужчин и 39 женщин.

Переход из одного родового сообщества в другое было, по-видимому, явлением обычным. «Прошу перевести из Гучитского ведомства Усть-Илинской волости в Старокуртатаевское селение, т. к. мать моя по восприятию Святого крещения вышла в замужество за поселенца Усть-Илинской волости Старокуртатаевского селения Алексея Непомнящего, а я принял Святое крещение, чтобы быть неотлучным от родителей» и т. д. Однако такие вещи явно не поощрялись властью. В итоге появляются такие циркуляры как этот: «Согласно “Указу Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского” канцелярии Иркутского Губернского Правления в 1828 г. было предписано “чтоб отнюдь никто из инородцев не осмеливался искать без законных причин переводов из одного рода или ведомства в другое, и что в противном случае, если кто из них будет просить о сем, и просьбы их при точном удостоверении окажутся несправедливыми, виновные в сем, или нарушители общественного спокойствия будут подвергнуты строгому законному взысканию...”» [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 127].

В документах от 1848 г. и ревизии 1858 г. Гучитский род в ведении Урульгинской степной думы уже не числится. Этот факт следует, по-видимому, понимать, что тунгусы-гучиты причислили себя к бурятам, что и обусловило «появление» Гучитского рода, или Гушад в среде инородцев-бурят. В этом немалую роль сыграл и тот факт, что Гучитский род тунгусов был приписан к Кужертаевской инородной управе, земли которой были в Приононье, т. е. на исконных землях монголоязычных племён. Территориальная близость к монгольскому миру, а также то, что тунгусы-кучиты по данным Б. Долгих и документам ГАЧО были записаны вместе с Украинским

(Вакасильским, Вакаройским) родом, обусловила и ускорила ассимиляционный процесс «растворения» тунгусов-кучитов в среде вновь образующейся этнической единицы – хори-бурят. В ревизии 1850 г. в Кучидском остроге Иркутской губернии записано только два рода – Киндигирский и Вакаройский.

В связи с этим попутно заметим, что отсутствие Кучитского (или Гучитского) рода в списках Кучидского острожка вовсе не означает факта его отсутствия вообще. Скорее всего, тунгусы этого рода переместились к этому времени на другие территории, что не представляло особого труда для конных и оленных кучитов, и платили ясак уже в другие остроги.

В историко-этнографической научной литературе при описании племён средневековой Даурии встречаются так называемые территориальные этнонимы, как-то «нерчинские тунгусы», «еравинские», «телембинские» и др. Исходя из этого, полагаем, что название острожка Кучидский образовалось от топонима тунгусов-кучитов. Приведённые данные исследования Б. О. Долгих, а также документов ГАЧО (ГАЗК) свидетельствуют скорее о наличии рода Гучит, записанного в ревизиях нерчинских тунгусов как Кушелюцкий, Кучитский и т. д.

Для определения этнического происхождения Гучитского рода тунгусов, от которого, по всей видимости, и образовался бурятский род Гушад, обратим внимание на то, что среди 11 родов хори-бурят роды Гушад/Гучит и Шарайд замыкают ряд предков – пятерых сыновей мифологического Бурят-Хоридоя от его второй жены Шаралдай хатун. Вероятно, предки этих двух родовых групп помнили о своём былом совместном этнотерриториальном «содружестве», проявляя, таким образом, этническую, или, что правдоподобнее, языковую память [Жамсаранова, 2009].

2.7.2. Челкагирский род тунгусов

Челкагирский род уплатил 125 рублей 50,5 копеек ясака в 1791 г. согласно документу «Ведомость о сборе ясака и недоимок». В другом документе, «Книга записи смотрителей эко-

номических магазинов о расходовании хлеба», от 1793 г. Челкагирский род числится под номером 12 и состоит из 138 душ обоего пола (46 мужского и 92 женского). Из этого числа крещёнными записано всего 10 душ.

По ревизии 1816 г. в Челкагирском роду было записано 170 душ мужского и 161 женского пола, всего – 331 человек, из коих крещёнными можно считать почти всех, т. к. они записаны под русскими именами.

В документе от 1828 г. Челкагирский род всего состоит из 362 душ обоего пола, из коих 187 мужского и 175 женского.

В документе от 1823 г. «Ведомость о вероисповедании» Челкагирский род Шундуинской инородной управы насчитывал 56 душ мужского и 51 женского пола православных, ламайской веры нет, шаманской веры придерживались 125 мужчин и 179 женщин.

Согласно ревизии по Шундуинской инородной управе от 1851 г. [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 136] в Челкагирском роду записаны 178 мужчин и 151 женщина. Есть 23 семьи с русскими фамилиями: Карп Пляскин, Лазорев, Суханов, Асламов, Лапшиков, Сенько Суйлин, а по крещению Яков Богданов, Петров брат не Тынжей, а Пантай, его сынъ Болкой и др. [Там же, л. 54].

Нами выписаны имена некрещёных тунгусов Челкагирского рода: Долбо Долгоулов, а по крещению Матвей Луговской, Жияту, Аюша, Золту, Ныриуль Номчеевъ, Дылгеръ, Мырге, Инкей Анбаров, Ермошко, а по крещению Михайло Аринкинъ, Заманъ, Намсарай, Бакшей, Доржи, Марко Запхав, Гурумбу, Урей Холбоев, Анчия, Цэндэръ Сагалтуев, Тыкши, Сонцой, Бату, Ирдыни, Савадай, Токто, Акшилту, Гэнжэй, Тобо, Очиръ, Кургэй, Ваку, Бадма, Енэлту, Сундуй, Мыгулту, Дэрдэй Тэлтуевъ, Куцанъ, Буя, Дылгеръ, а не Бату, Дэжэ, Дулилту Кабаков, Ныриуль, Мунцуй, Конинту, Суналтуй, Буратанъ, Замаяновъ, Бодоуль, Шемерту, Жиргаль, Цургалтуй, а по крещению Акимъ Балтауевъ, Эрцэ, Данжинъ, Донга Дашиевъ, сынъ его не Еролтуй, а Иркуй, Жура, Эмбуй, Сонтуй, Дунай, Моркуй, Дугаръ, Морко, Гувилту Дунауловъ, Пано, Гуирей, Жияту, Унгужей, Ванчуль он же Шакдуръ, Урей Холбоев, Апия, Кутунца Зололтуевъ, Куя, Кырылдей, Чипкалтуй, Талчинъ, Лепе, Акшилтуй, Сумо Жинкаевъ, Игнэй, Бэки Засал-

туевъ, Оки, Монорай, Балдай, Гындунъ, Насату, Анда, Унгу-жей, Иролту, Кышикту, Цылцей, Гарма, Аюша, Бадма, Бадалу, Шурганов, Барко, Мыргэй он же Морко, Мордай Халзунаевъ, Золтуй, Хуякту, Чивакъ, Савадай Сымуловъ, Башинда Запха-евъ, Василей Вачиганов, Кышеней Авановъ, Насату, Сынай, Ходой, Тулбурей, Кила, Дылбэнь Игнэцэновъ, Зургалдай, а по крещению Алексей Писарев, Лапункаев, Сакиль, Кувитуй, Ирчэй Цурухуевъ, Бая, Мунку.

Тибет-монгольские имена из этого списка очевидны: Аюша, Бадма, Бату, Гындунъ, Очиръ, Намсарай, Доржи, Дан-жинъ, Гарма. Возможно, этот ряд можно расширить за счёт «испорченных» имён типа Шакуръ (Шагдар) или Кувитуй (Хобито), однако, так называемых ламайских имён немного. Подавляющее большинство – это имена с неясной семантикой.

Среди женских имён – Гунжи, Уранза, Саму, Ногонзу, Окся, Думна, Занцухай, Балма, Сомбури, Дунжэ, Сунжить, Кынзе, Толинцу, Донжи, Сомбури, Сугай, Сагалунъ, Собуди, Бальжить, Акшэй, Можить, Ямбо, Анка, Гунай, Камба, Аюта, Бужикай, Намжилъ, Бальжит, Натхуй, Мычей, Толенцу, Один-зу, Мынжыко, Долсонъ, Наганза, Ямбу, Сакинду, Дангуръ, Гыны, Гуна, Илгэй, Ямбо, Бальжима, Дэжить, Контоно, Буйла, Чилма, Дирушка, Юмчэ, Тумыжинъ, Буйла, Тепо, Тогожинъ, Мылэ, Дунжэ, Ембо, Ямбука, Ширужэй, Кувадай, Лугду, Паг-му, Онбо, Золтука, Даганзу, Дольжинъ, Суйла, Зугай, Сонха, Сабожэ, Долгоръ, Цымыкэ, Сайжэ также имеются тибет-монгольские – Балма, Бальжить, Намжилъ, Бальжима, Дэжить, Буйла, Долгор – их так же немного.

Естественно, что представленные имена представляют собой весьма ценный ономастический материал для дальнейших исследований как по этногенезу нерчинских тунгусов, так и хори-бурят.

2.7.3. Чипчинютский род тунгусов

Самое раннее упоминание Чипчинютского рода в документах ГАЧО – это запись в «Книге записи смотрителей экономических магазинов о расходовании хлеба» от 1793 г., где

под номером 31 записан Чипчинютский род числом в 126 душ. Из них «платящих ясак» 30 душ мужского пола, «не платящих ясак» 96 душ мужского пола. Указано число крещёных «из оного числа» – 42 мужчины.

По ревизии 1816 г. в Чипчинютском роду тунгусов было переписано 279 душ обоего пола (см. табл. 27). Зайсаном рода Чипчинют был записан Максим Миткчанов, шуленгой Василий Епов.

В документе от 1823 г., «Ведомость о вероисповедании», Чипчинютский род тунгусов стоит под 30-м номером и состоит из 326 душ обоего пола, т. е. достаточно большой.

По данным от 1828 г. «Списка из окладной книги Нерчинского книги Нерчинского земского суда» Чипчинютский род записан 39-м как Чемчанютский род Урульгинской степной думы и насчитывает 164 души обоего пола [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 4].

Таблица 27

Ревизская сказка 1816-го года февраля 20 дня Иркутской губернии Нерчинского уезда заведывания тунгусских родом Начальника князь 14 класса Гантимурова Чипчинютского роду зайсана Максима Миткчанова, шуленги Василья Епова о самом себе и о состоящих мужеска и женска пола тунгусахъ		
<i>Тунгусы Чипчинютского рода</i>		
Всего душ ясачных в роду	Мужского пола	Женского пола
279 душ	141 душа	138 душ

Согласно ревизской описи 1857 г. в ведении Маньковской инородной управы среди остальных девяти родов числится Чипчинютский род в количестве 497 человек, и все тунгусы записаны под русскими именами и фамилиями, что означает, что тунгусы-чипчинюты стали одним из этнических комплектов в основе русского старожильческого населения Нерчинска.

В ревизской описи Маньковской инородной управы на 1857 г. переписанные имена собственные Чипчинютского рода тунгусов также неординарны и уникальны. Всего душ мужского полу – 249, женских душ 248 душ, итого 497 душ

обоего пола душ ясачных, почти все записаны под русскими именами, что даёт основание считать их православными [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 58]. Семейный состав крещёных это фамилии забайкальцев – Миронов (*много*), Ермолин, Гробов, Корнилов, Ларионов, Топорков, Мироманов, Голобоков, Викулов, Селезнёв, Горбунов, Кондинский, Болшаков и др.

Другой семейный состав Чипчинютского рода – это имена: Дамалов, Залачаль, Чиндамай Котельников, его сын Степан Григорьев, Дутой Кашиктуевъ, Жиятуй, сыновья его: Найданъ, Дансаранъ, Данжинъ, Гальтуй, Анже Кашиктуевъ, Мокия, Мокии Алтанаева сын Чолбонъ, Дарку Максимов, Боянь, Гаральтуй, Суналту Яковлев, Бона, Донбурей, Мункой, Суналту, Гургу Ширелтуев, Кувина Самбаев, Кутой, Магку Каратуев, Зангу, Мала, Солдо Ушканов, Сунбуръ Далаев и др.

Антропонимический анализ перечисляемых в ревизии душ тунгусов Чипчинютского рода позволяет заключить о следующем, а именно, что русских и «тунгусских» имён примерно равное число. В семье записана Максима Микитчанова переписаны сыновья Захар, Баянка, братья Григорей Громов и Мучалту Васильев, «сродный» брат Алексей Сукчин. Женские имена этой семьи – Чулке, Жергамсуй, Анна, Прасковья, Татьяна, Окулина и Анисья.

Данное положение дел объяснимо двумя факторами. Во-первых, более старшие члены семьи имеют свои исконные «тунгусские» имена, тогда как молодёжь вынуждена была принять православную веру, а значит, и принять русские имена. Во-вторых, прагматичность женщины с учётом её влияния на вопросы благосостояния семьи также являлась немаловажным условием для принятия Святого крещения, подкреплённого подарками от властей.

Привлекаемые особыми условиями при крещении тунгусы охотно принимали иную веру, часто только в целях вполне практических.

Записана в первой в списке семья, где мужчины носили фамилию Шастин, начиная с Петра Литвинцева, его сыновей Фетки и Семёна Прокопьева. Примечательно, что при крещении даже родным братьям из одной семьи давались совершенно разные

фамилии, без соблюдения патронимной линии. Далее записан сын Арцеул, а по крещению Пётр, сын Иван, Козма; Алексей Николаев, его сын Иван, племянник Иван Шастин, Козьма Шастин, Осип Николаев, Николай Алексеев Шастин, брат Егор, Иван Алесеев Шастин [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 58, л. 468].

Печатью зайсана Чипчинютского рода служило изображение зайца. На печати написано «ушканъ» [ГАЧО, ф. 300, оп. 1, д. 12, л. 437].

2.7.4. Кушелюцкий род тунгусов

Кушелюцкий род записан в ревизиях ещё как Кунцелютский. Впервые название этого рода находим в документе от 1793 г., согласно которому, род Кунцелицкий приписан к Урулгинскому суглану с числом в шесть ясачных мужчин и трёх, не платящих ясак. Всего – 9 душ, крещёных из этого числа – 4 человека.

Численный состав этого рода по ревизии 1816 г. крайне малый: душ мужского пола переписано 18, женского – 20. Всего – 38 человек. Согласно этому списку почти все имена русские, т. к. крещёными значатся 17 мужчин и 15 женщин. Однако антропонимический состав разнообразен. Есть русские имена мужские (Семён, Петр, Никифор, Васильев, Андрей Коробейников, Роман, Константин, Иван, Андрей, Сергей, Фёдор), а также женские (Пелагея, Настасья, Мария, Ирина, Евдокия, Марфа, Окулина, Анна, Домна, Татьяна, Маланья, Аксинья), и их число более мужских.

«Тунгусских» имён не так много: мужские – Ванчик, Бяров, Дыгина, Аюши, Дылгирь, Тумытей, Улха, Анчуга, Лаба, а по крещению Петрь Березовский и женские – Халю, Аган, Сугай.

В дальнейшем, в поздних ревизиях этот род уже не упоминается.

2.7.5. Мальцовский род тунгусов

Мальцовский род тунгусов, как и Сухановский род тунгусов представляет собой подродовое ответвление от более многочисленного рода. Наименование своё этот подрод, как и Сухановский «получил» по «прозванию» своего «лутшего» человека, который являлся старостой в селении или исполнял обязанности шуленги.

Мальцовский род тунгусов впервые появляется в списке Оловской инородной управы Урульгинской степной думы по ревизии 1857 г. Все фамилии и имена уже русские: Золотухин, Мальцов, Степанов, Простокишин, Арсентьев, Лисичниклов, Путинцев, Морогин, Фомин, Худяков, Комогорцев, Лебедев, Мунгалов, Максимов, Котельников, Золтуев, Золотуев, Золотарёв, Голобоков, Иванов, Надеяев, Крылов.

Численный состав этого рода составляет примерно 215 душ мужского и 213 душ женского пола.

Следует отметить, что фамилии Мальцев и Суханов, наряду с другими вышеперечисленными, являются распространёнными забайкальскими фамилиями.

Крайне любопытный материал – это тамги старост родов, которые представляют собой важный этнографический материал, способный помочь при определении возможного значения генонима (см. рис. 10–11, 14–21). Считаем необходимым кратко описать этот материал. Так, тамгой служило: у зайсана Телембинских родов Налчая Бакангина изображение лисицы; у Еравнинских, в частности Тавангуцкого (Табунутского) родового старосты – изображение рыбы; у старосты Мунгальского рода – круг и неразличимые знаки; у старосты Кушелюцкого рода – неясное изображение и подпись «козел»; у Намятского рода – изображение сабли; у Челкагирского – изображение или лисы или соболя; у Узонского рода – изображение солярного круга в виде свастики; у старосты Тукчинского рода – скачущий конь; у старосты Гуновского символ – три круга в большом круге, знак, напоминающий знак Агни Йоги.

У следующих старост и голов: Оловской инородной управы Афанасия Карпачина – буквы *АГ*, заключённые

в круг; Маньковской инородной управы – буквы *БВ* (*т. е. голова Баянтуй Васильев – Р. Ж.*); у Шундуинской управы головы Хувиту Кунеева – две буквы (*трудноразличимы – Р. Ж.*); у старосты Перводулигарского рода Онко Кузмина – *О. К.*; у старосты Второбаягирского Сырена Ерцына – *ЕЕ*; у Чипчи-нютского рода старосты Буянту Чуманова – *БЧ*; у старосты Намятского рода Козмы Нарышкина – *К. Н.*; у старосты Улятского рода Григория Лиханова – буквы *Г. Л.* (*весьма неразборчивы из-за стёртого частью состояния – Р. Ж.*); у головы Кужертайской управы Цемпила Ванчикова буквы – *Ц. В.*

Любопытны тамги, которые содержат запись на старописьменном монгольском языке: Гучитского, Балакагирского, Головы Онгоцонской управы [ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 32].

Таким образом, краткий численно-родовой обзор тунгусов Гантимура по архивным сведениям позволяет говорить, во-первых, о многочисленности родов, равно как и об этнической пестроте состава Урульгинской степной думы. Во-вторых, по скудным фактам описания бытовой жизни тунгусов Гантимура можно констатировать факт их русификации посредством планомерного обращения в православие. В-третьих, подчас само население Гантимура большей частью охотно перенимало новый образ жизни, язык и культурные нормы русской имперской власти.

Благодаря всем этим социально-политическим изменениям, произошедшим в среде тунгусов Гантимура, сформировалось старожильческое русское население Забайкалья. Основанием этого вывода служит проведённый анализ архивных документов.

Приведём архивные данные по ревизиям крестьянского населения от 1812 г. [ГАЧО, ф. 31, оп. 1, д. 572, т. 2] (см. табл. 28–30). Обнаружены дела, в которых дана не только численность населения (переписаны как крестьяне), но и переписаны все семьи по поселениям/деревням. Дана численность только душ мужского пола. Для примерного определения численности всего населения обычно исходное число умножают на четыре с целью определить общее количество проживающих в данном поселении.

Нерчинское горное правление*		
Ревизская книга приписанных к заводам крестьян в 1812 г. Аргунской волости		
	<i>название деревни</i>	<i>число жителей</i>
1	Аргунского острога переписано только мужское население	186 душ мужского пола
2	Дамасовой	35 мужских душ
3	Камаринской	81 мужская душа
4	Моронской	19 мужских душ
5	Тарасовой	37 мужских душ
6	Средней	115 мужских душ
7	Мулаченской	54 мужские души
8	Илинской	29 мужских душ
9	Затонской	127 мужских душ
10	Верхнебереинской	39 мужских душ
11	Жегдачской	102 мужские души
12	Чекойнской	93 мужские души
13	Башуровой	115 мужских душ
14	Села Усть-Уровского	307 мужских душ
15	Семиряковой	27 мужских душ
16	Кудеинской	28 мужских душ
17	Таловки	22 мужские души
18	Асимунской	9 мужских душ
19	Талаканской	105 мужских душ
20	Маройной(?)	41 мужская душа
21	Кучугайской	47 мужских душ
22	Будемканской	73 мужские души
23	Мотогорской	99 мужских душ
24	Гидаринской	40 мужских душ
25	Кударинской	45 мужских душ
26	Какталгинской	12 мужских душ
Итого в Аргунском участке		1845 душ мужского пола
* – орфография сохранена – Р. Ж.		

Помимо русских имён и фамилий податных крестьян в ревизии зафиксированы такие имена, как Марко, Пудь, Лога, Луппъ, Кононь, Моксунов Андрей и другие, которые никак нельзя отнести к русским именам.

В селении Башурово записано много семей с одинаковой фамилией Башуров.

Таблица 29

Нерчинское горное правление		
Ревизская книга приписанных к заводам крестьян в 1812 г. Аргунской волости Онохойского участка		
<i>название деревни</i>		<i>число жителей</i>
1	Олачинской	186 душ мужского пола
2	Онохойской	179 мужских душ
3	Килгинской	56 мужских душ
4	Булдуруйской	103 мужские души
5	Нижне Борзинской	61 мужская душа
6	Ильдиканской	80 мужских душ
7	Патриной	79 мужских душ
8	Грязновой	70 мужских душ
9	Деревни Ишагинской	234 мужские души
10	Деревни Усть речки Борщевки	9 мужских душ
11	Деревни Усть речки Суровой	10 мужских душ
12	Деревни Луговской	55 мужских душ
13	Деревни Ключевской	115 мужских душ
Итого		1237 мужских душ (неразборчиво – Р. Ж.)
<i>Уровской волости участка Уровского</i>		
14	Деревни Саланешной	114 мужских душ
15	Деревни Тайнинской	69 мужских душ
16	Деревни Макаровой	95 мужских душ
17	Деревни Ушмуновской	94 мужские души
18	Деревни Уктыченской	37 мужских душ
19	Деревни Кунгаринской	41 мужская душа
20	Деревни Курюмдюкановской	31 мужская душа
21	Деревни Буруканской	44 мужские души
22	Деревни Буринской	38 мужских душ
23	Деревни Ёлгиной	26 мужских душ
24	Деревни Актагученьской	47 мужских душ
25	Деревни Атаканской	107 мужских душ
26	Деревни Закаменной	50 мужских душ
27	Деревни Вагиной	44 мужские души

	<i>название деревни</i>	<i>число жителей</i>
28	Деревни Урюмканской она же Шило (неразборчиво – Р. Ж.)	78 мужских душ
29	Деревни Горбуновой	46 мужских душ
30	Деревни Багдацкой	104 мужские души
31	Деревни Зеренской	66 мужских душ
32	Деревни Налимьской	93 мужские души
33	Деревни Хомяковой/Шивачинской	52 мужские души
34	Деревни Ключевской	55 мужских душ
35	Деревни Гагарской	41 мужская душа
36	Деревни Жердовочной	34 мужские души
37	Деревни Ильдиканской	155 мужских душ
38	Деревни Лежанкиной	81 мужская душа
39	Деревни Козулиной	54 мужские души
40	Деревни Поперешной	97 мужских душ
41	Деревни Байкинъской	108 мужских душ
42	Деревни Борзиньской и Дучарского Завода	80 мужских душ
43	Деревни Зерентуйской	200 мужских душ
44	Деревня Сивачинская	53 мужские души
	Итого в Уровском участке	2256 мужских душ

В списке Онахойского (*Онохойского – Р. Ж.*) также встречаются нерусские имена типа Логей [ГАЧО, ф. 31, оп. 1, д. 572, т. 2, л. 146], Лага [Там же, л. 78, 154], Калина, Кононь, Логинь, Пудь, Веденикъ. В переписи населения Уровской волости деревню Тайнинскую населяют преимущественно семьи Муратовых – Левь Муратов, Егор Муратов, Андреян Муратов, Матвей Муратов и др. Муратовы записаны в Уктыченской деревне. В деревне Ёлгиной записано много семей с одинаковой фамилией Ёлгин, в деревне Вагиной много Вагиных и Овчинниковых. В деревне Хомяковой или Шивачинской много Хомяковых, которые записаны и в деревне Сивачинской. В деревне Гагарской нет Гагариных, однако, в деревне Жердовочной много семей Гагариных и Варламовых. В дерев-

не Лежанкиной записано много семей Лежанкиных, которые являются друг другу братьями. Также в деревне Козулино записано очень много Козулиных.

Таблица 30

Нерчинское горное правление		
Ревизская книга приписанных к заводам крестьян в 1812 г. Аргунской волости Донинского участка		
<i>название деревни</i>		<i>число жителей</i>
1	Деревни Донинской	604 души мужского пола
2	Деревни Чупровой	
3	Деревни Хаюмканской	
4	Деревни Ильдиканской	17 мужских душ
5	Деревни Золинской	56 мужских душ
6	Деревни Красноярского	80 мужских душ
7	Деревни Кокуйской	112 мужских душ
8	Деревни Боктинской	139 мужских душ
9	Деревни Шараканской	54 мужские души
10	Деревни Шаринской	112 мужских душ
11	Деревни Чиндагатайской	46 мужских душ
12	Деревни Пуринской	18 мужских душ
13	Деревни Манкечурской	13 мужских душ
14	Деревни Мулинской	8 мужских душ
15	Деревни Быркинской	63 мужские души
Итого в Донинском участке		1360 мужских душ
А всего в Уровской волости		3616 душ мужского пола

Даёт представление о переписанном народонаселении Газимурской волости табл. 31.

Таблица 31

Нерчинское горное правление		
Ревизская книга приписанных к заводам крестьян в 1812 г. Газимурской волости Шелопугинского участка Шелопугинской слободы		
<i>название деревни</i>		<i>число жителей</i>
1	Шелопугинская слобода	222 души мужского пола
2	Деревни Устькавыкучинской	96 мужских душ
3	Деревни Малышевой	120 мужских душ

<i>название деревни</i>		<i>число жителей</i>
4	Деревни Банщиковой	618 мужских душ
5	Деревни Верхьягинской	282 мужские души
6	Деревни Верхильдиканской	80 мужских душ
7	Деревни Грбовой	156 мужских душ
8	Деревни Усть Илдиканской слободы	151 мужская душа
9	Деревни Пельменевой	71 мужская душа
10	Деревни Журавлёвой	95 мужских душ
11	Деревни Маректинской	20 мужских душ
12	Деревни Ушмунской	18 мужских душ
13	Деревни Ложниковой	46 мужских душ
14	Деревни Жепковасой	35 мужских душ
15	Деревни Курунзулайской	26 мужских душ
16	Деревни Ононь Борзинской	48 мужских душ
17	Деревни Верхундинской	13 мужских душ
Итого в Шелопугинском участке		1614 мужских душ
<i>Кавыкучинского участка</i>		
18	Селения Куэнсаго	55 мужских душ
19	Деревни Дагинской	60 мужских душ
20	Деревни Трубачевой	252 мужские души
21	Деревни Устьаленуйской	163 мужские души
22	Деревни Какуйской	101 мужская душа
23	Деревня Игдочинской	42 мужские души
Итого Кавыкучинского участка		679 мужских душ
<i>Газимурской волости Ундинского участка</i>		
24	Деревни Подойницыной	148 мужских душ
25	Деревни Бочкарёвой	162 мужские души
26	Деревни Кокуйской	29 мужских душ
27	Деревни Елиной	423 мужские души
28	Деревни Лесковой	54 мужские души
29	Деревни Казановой	298 мужских душ
30	Деревни Усть Елгинской	97 мужских душ
31	Деревни Тергенской	60 мужских душ
32	Деревни Подозерной	18 мужских душ
33	Деревни Коровиной	29 мужских душ
Итого в Ундинском участке		1328 мужских душ
А всего в Газимурской волости		3621 мужская душа

В описи Газимурской волости с фамильным составом населения наблюдается подобная картина. В деревне много записано мужчин с фамилией Шелопугин, в деревне Пельменёвой – фамилии Пельменёвы и Кокташёвы, в деревне Журавлёвой – семьи Журавлёвых и Пельменёвых. В деревне Бочкарёвой много Бочкарёвых, Золотарёвых, в деревне Лесковой – много Лесковых, в деревне Казановой – Фунтусовы, в деревне Коровиной – две семьи с фамилиями Коровин.

В Стретенском (*Стретенском – Р. Ж.*) участке пофамильный состав по деревням немного отличается от предыдущих поселений тем, что каждая деревня имеет свой пофамильный состав (см. табл. 32–33). Так, в деревне Усть-Чёрной много Барановых и Лоншаковых, тогда как последних нет в деревне Старолоншаково. Вместо этого много Лоншаковых в деревне Ушмунской, а в Старолоншаково – Деревцовых и Кузнецовых. В деревне Ботовской – семьи Вырыпаевых и Кореповых, в Уктычинской – Судаковых и Баженовых. В деревне Фирсовой распространены фамилии Хлудневых, Погадаевых, Чупровых и Бочкарниковых.

Таблица 32

Нерчинское горное правление		
Ревизская книга приписанных к заводам крестьян в 1812 г. Стретенской волости Стретенском участке		
	<i>название деревни</i>	<i>число жителей</i>
1	Деревни Оморойской	63 души мужского пола
2	Деревни Усть Черной	11 мужских душ
3	Деревни Нижне Куларской	19 мужских душ
4	Деревни Верхне Куларской	65 мужских душ
5	Деревни Лунженгинской (<i>неразборчиво – Р. Ж.</i>)	21 мужская душа
6	Деревни Ушмунской	7 мужских душ
7	Деревни Старо Лоншаковой	45 мужских душ
8	Деревни Улегиченской	20 мужских душ
9	Деревни Чалбучинской	36 мужских душ
10	Деревни Ботовской	158 мужских душ
11	Деревни Мангидайской	38 мужских душ

<i>название деревни</i>		<i>число жителей</i>
12	Деревни Уктычинской	31 мужская душа
13	Деревни Боринской	89 мужских душ
14	Деревни Киргинской	25 мужских душ
15	Деревни Фирсовой	63 мужские души
16	Ломовского селения	92 мужские души
17	Деревни Молодой	120 мужских душ
18	Деревни Фарковской	52 мужские души
19	Деревни Утинской	31 мужская душа
20	Деревни Верхнеалейской	48 мужских душ
21	Деревни Нижнеалейской	23 мужские души
22	Деревни Мегжинской	85 мужских душ
23	Деревня Чикической	34 мужские души
24	Деревни Адамской	57 мужских душ
25	Деревни Оркиинской	14 мужских душ
26	Деревни Куланской	10 мужских душ
27	Села Курлыченского	19 мужских душ
28	Деревни Усть Курлыченской	31 мужская душа
29	Деревни Епифанцевой	59 мужских душ
30	Деревни Заозёрской	8 мужских душ
31	Деревни Кокуйской	68 мужских душ
32	Деревни Подозерной	18 мужских душ
33	Деревни Ревякиной	30 мужских душ
34	Деревни Матаканской	34 мужские души
35	Стретенского селения	125 мужских душ
<i>Приписных из ссыльных во крестьянство</i>		
	Иван Старуха	76 лет
	Феофан Савельев	85 лет
	Итого в Стретенском участке	1626 мужских душ

В деревне Молодой – Белоносовы и Кузнецовы, в деревне Фарковской – Пуртовы, Шадрины, Касьяновы и Декины. Фамилия Шайдуров имеется среди фамильного состава деревни Оркиинской, в деревне Усть Курлыченской много Простокышиных, в деревне Епифанцевой – Богдановы, Безносовы,

Истоминных, Почекуниных, Забродиных, Свешников и Чук-
 масовых. В деревне Матаканской распространены фами-
 лии Свешников, Загузин, Кочмарёв, в Заозёрной – Самойлов
 и Лабин.

Таблица 33

Нерчинское горное правление		
Ревизская книга приписанных к заводам крестьян в 1812 г. Стретенской волости Куенского участка Куенской слободы		
	<i>название деревни</i>	<i>число душ мужского пола</i>
1	Куенской слободы	238 душ мужского пола
2	Деревни Бянкиной	50 душ мужского пола
3	Деревни Тарсковой	17 душ мужского пола
4	Деревни Чанкировой	35 душ мужского пола
5	Деревни Шивеинской	40 душ мужского пола
6	Деревни Поповской	19 душ мужского пола
7	Деревни Усть Гаурской	11 душ мужского пола
8	Деревни Икшицы	26 душ мужского пола
9	Деревни Алеурской	32 души мужского пола
10	Деревни Улейской	18 душ мужского пола
11	Деревни Итылейской	10 душ мужского пола
12	Деревни Утанской	30 душ мужского пола
13	Деревни Милгидунской	15 душ мужского пола
14	Зюлзинской слободы	30 душ мужского пола
15	Деревни Крупянской	13 душ мужского пола
16	Деревни Большелуговской	25 душ мужского пола
17	Деревни Алеканской (Олеканской – Р. Ж.)	6 душ мужского пола
18	Деревни Илимской	42 души мужского пола
19	Торгинской слободы	116 душ мужского пола
20	Деревни Бронниковой	14 душ мужского пола
21	Деревни Катаргинской	4 души мужского пола
22	Деревни Кумакинской	29 душ мужского пола
23	Деревни Кокиртайской	69 душ мужского пола
24	Деревни Болотовой	29 душ мужского пола
25	Деревни Дунаевой	65 душ мужского пола
Итого в Куэнском участке		1014 душ мужского пола

Продолжение табл. 33

<i>название деревни</i>		<i>число душ мужского пола</i>
<i>Шивеинского участка</i>		
26	Деревни Лукиной	58 душ мужского пола
27	Деревни Куниканской	37 душ мужского пола
28	Деревни Житкинской	122 души мужского пола
29	Деревни Туровской	102 души мужского пола
30	Деревни Тонтойской	64 души мужского пола
31	Деревни Удычиканской	68 душ мужского пола
32	Деревни Чоньгульской	62 души мужского пола
33	Деревни Удычинской	26 душ мужского пола
34	Деревни Копунской	32 души мужского пола
35	Деревни Даяконской	23 души мужского пола
36	Деревни Даинской	80 душ мужского пола
37	Села Шивеинского	109 душ мужского пола
38	Деревни Ишиканской	57 душ мужского пола
39	Деревни Налгачинской	75 душ мужского пола
<i>Городищенского участка</i>		
40	Деревни Княжевской	25 душ мужского пола
41	Деревни Галкиной	69 душ мужского пола
42	Деревни Зубаревской	67 душ мужского пола
43	Деревни Размахнинской	42 души мужского пола
44	Деревни Красноярской	55 душ мужского пола
45	Деревни Чироновской	26 душ мужского пола
46	Деревни Завитинской	144 души мужского пола
47	Деревни Усть Заноиской и Горбуновской	140 душ мужского пола
48	Городищенской слободы	143 души мужского пола
49	Деревни Челбахтинской	154 души мужского пола
50	Деревни Богомяхковой (Богомякова)	53 души мужского пола
51	Деревни Киинской	45 душ мужского пола
52	Деревни Колмогорцевой	78 душ мужского пола
53	Деревни Опрокидневой	20 душ мужского пола
54	Деревни Самсоновой	43 души мужского пола
55	Деревни Кибасовой	80 душ мужского пола
56	Деревни Мирсановой	78 душ мужского пола
57	Деревни Априлковой	59 душ мужского пола

58	Деревни Солениковой	28 душ мужского пола
59	Деревни Бишигино	65 душ мужского пола
<i>Новотроицкого участка</i>		
60	Деревни Саватеевой	31 душа мужского пола
61	Деревни Пешковой	66 душ мужского пола
62	Деревни Кэлановой	30 душ мужского пола
63	Деревни Лабшиновой или Белокопытовой	18 душ мужского пола
64	Деревни Котельниковой	46 душ мужского пола
65	Деревни Андрониковой	85 душ мужского пола
66	Деревни Сенатрусовой	23 души мужского пола
67	Деревни Теленгуйской	663 души мужского пола
68	Деревни Макаровой	49 душ мужского пола
69	Деревни Жидинской	39 душ мужского пола
70	Деревни Шаранайской	50 душ мужского пола
71	Деревни Улятуевской	98 душ мужского пола
72	Деревни Камкайской	25 душ мужского пола
73	Деревни Матусовой	143 души мужского пола
74	Деревни Семёновой	6 душ мужского пола
75	Деревни Нижнегалгатайской	89 душ мужского пола
76	Новотроицкой слободы	256 душ мужского пола
77	Деревни Верхнегалгатайской	127 душ мужского пола
78	Деревни Ложниковой	52 души мужского пола
79	Деревни Буториной	70 душ мужского пола
80	Деревни Оноховой	95 душ мужского пола
Итого в Новотроицком участке		1482 мужские души
<i>Читинского участка</i>		
81		10 душ мужского пола
82		159 душ мужского пола
83		84 души мужского пола
84		48 душ мужского пола
85		Нет данных по причине отсутствия конечных страниц дела. Всего в документе – 695 листов

Помимо численного состава каждого поселения в ревизской сказке имеется пофамильный состав. В документе пронумерованы семьи, во главе которой записан отец семейства или старший сын. Таким образом, каждая семья записана под отдельным номером, что позволило посредством подсчёта определить (*примерно* – Р. Ж.) число душ мужского населения по каждому из поселений (см. табл. 34).

Пофамильный состав поселений имеет особое значение для установления объективного мотива при даче названий отантропонимного происхождения нерчинским поселениям. В историографии пока негласно закреплено мнение о том, что такие именованья поселений как, например, Савватеево, Бочкарёво или Номоконово – это фамилии «первопоселенцев», под которыми обычно принято подразумевать неких пришлых поселенцев, причём с семьями в 6–10 человек, якобы переселившихся с запада.

Однако записи в ревизии одной и той же фамилии по отдельным поселениям, приведённые в качестве иллюстрации в табл. 34 с графой частотности, дают основание для иного предположения. Замечено, что в некоторых селениях (Пешково, Котельниково, Лабшиново или Онохово) фамильный состав населения состоит из одной и той же фамилии, например, в Пешковой живут одни семьи Пешковы, в деревне Оноховой очень много семей с одной и той же фамилией Онохов и т. д.

Подобного рода наблюдения, обоснованные документальными данными, позволяют заключить, что отдельные одноимённые селения названы по фамилии крещёного тунгуса. Отантропонимные ойконимы Нерчинского уезда – это, собственно, продолжение традиции присваивать поселению (ранее стойбищу или юртам) фамилию крещёного тунгуса, теперь уже православного крестьянина, приписанного уже к Нерчинским заводам.

Таблица 34

Нерчинское горное правление			
Ревизская книга приписанных к заводам крестьян в 1812 г. Стретенской волости Куенского участка Куенской слободы			
<i>название деревни</i>		<i>фамилии, записанные от одного раза и более</i>	<i>фамилии, записанные от трёх раз и более</i>
1	Куенской слободы	Алтабасов, Саламатов	Голобоков, Перебоев
2	Деревни Бянкиной	Оверин	Бянкин (<i>много</i>), Почекунин
3	Деревни Тарсковой		
4	Деревни Чанкировой	Выходцов	Душечкин, Сафонов
5	Деревни Шивеинской		
6	Деревни Поповской		Шипицын
7	Деревни Усть Гаурской		Шипицын
8	Деревни Икшицы		Шипицын, Шемелин
9	Деревни Алеурской		Карякин
10	Деревни Улейской		
11	Деревни Итылейской		
12	Деревни Утанской		Шестаков
13	Деревни Милгидунской		
14	Зюлзинской слободы	Селины братья	Еповы братья: Афон, Дементей
15	Деревни Крупянской		Одни Рязанцевы
16	Деревни Большелуговской	Самодуров	Селин, Бакшеев
17	Деревни Алеканской (<i>Олеканской – Р. Ж.</i>)		
18	Деревни Илимской	Хилинов, Кучинь	Путинцев
19	Торгинской слободы		Шеломенцев, Путинцев, Казанцов, Астраханцов

<i>название деревни</i>		<i>фамилии, записанные от одного раза и более</i>	<i>фамилии, записанные от трёх раз и более</i>
20	Деревни Бронниковой		Шеломенцов, Губин
21	Деревни Катаргинской		
22	Деревни Кумакинской		
23	Деревни Кокиргайской		
24	Деревни Болотовой		Болотов, Вологдин
25	Деревни Дунаевой	Молодых, Портнов, Конев	Дунаев, Дружинин, Рашковский (<i>очень много</i>), Казыринъ
Итого в Куэнском участке – 1014 душ мужского пола			
<i>Шивеинского участка</i>			
26	Деревни Лукиной	Попов, Гранин, Асанов, Колобов	Кузнецов, Шумилов, Малцов
27	Деревни Куниканской	Морозов	Попов (<i>очень много</i>), Глатких, Димов
28	Деревни Житкинской	Кунгуров	Лесков (<i>очень много</i>), Димов, Баранов, Малышев, Шестаков
29	Деревни Туровской	Алемасов, Черных, Глухих, Гаврилов, Белоусов, Загибалов	Гранин (<i>много</i>), Белоголов, Малцов, Филипов
30	Деревни Тонтойской	Грицкой, Муратов, Окунцов, Седякин	Загибалов (<i>много</i>), Кутузов (<i>много</i>), Лопатинъ
31	Деревни Удычканской	Седякин, Белоносов, Гордеев	Деревцов (<i>очень много</i>), Филипов (<i>очень много</i>)
32	Деревни Чоньгульской	Антипьев, Кобызов, Мигунов, Козлов, Голубев	Лоншаков, Горбунов, Кутузов

33	Деревни Удычинской	Зимин, Деревцов	Гордеев (<i>много</i>)
34	Деревни Копунской	Строганов, Лоншаков	Кутузов (<i>много</i>)
35	Деревни Даяконской	Окатов	Бутин, Черенцов
36	Деревни Даинской	Малышев, Корнилов, Чикичев	Соснин (<i>много</i>), Бутин, Проскуряков, Черенцов (<i>много</i>)
37	Села Шивеинского		Чикичев (<i>много</i>), Высоцкий (<i>много</i>), Пыхалов (<i>много</i>), Соснин (<i>много</i>)
38	Деревни Ишиканской		Бянкины (<i>все</i>)
39	Деревни Налгачинской	Седакин, Филипов, Бобровской, Ключевской, Богданов, Деревцов, Свешников	Беланосов (<i>много</i>), Добрынинъ (<i>много</i>), Лоншаков
<i>Городищенского участка</i>			
40	Деревни Княжевской	Дудин	Попов, Суботин, Колмогорцов
41	Деревни Галкиной	Кожевников, Логинов, Стрелков, Курбатов, Зубарев	Забелин, Дедюхин, Пушкарев
42	Деревни Зубаревской		Зубарев (<i>много</i>), Пушкарев (<i>много</i>)
43	Деревни Размахнинской	Бузин, Мыльников	Номоконов, Пичуев, Барсуков
44	Деревни Красноярской	Селин, Пазников, Блохин	Бурдинской (<i>много</i>), Косяков (<i>много</i>)
45	Деревни Чироновской		Все Номоконовы (<i>много</i>)
46	Деревни Завитинской	Колобов, Гладышев	Бурдинской (<i>много</i>)
47	Деревни Усть Зоноиской и Горбуновской	Соловьев, Малцов, Леонтьев, Колобов	Веретенников (<i>много</i>), Дедюхин (<i>много</i>)

<i>название деревни</i>		<i>фамилии, записанные от одного раза и более</i>	<i>фамилии, записанные от трёх раз и более</i>
48	Городищенской слободы	Протасов, Косяков, Лиханов, Седельников, Суворов, Окулов, Аршинской, Томской	Толстоногов (<i>много</i>), Селин (<i>много</i>)
49	Деревни Челбахтинской	Пичуев, Томской, Чирков, Сенотрусов, Аршинской	Селин (<i>много</i>), Казановъ
50	Деревни Богомяхковой (Богомягкова)	Суботинъ, Торховъ	Богомяхков (<i>много</i>)
51	Деревни Киинской	Вертипрахов	Аршинской, Бакшеев
52	Деревни Колмогорцевой	Глатких, Тюменцов, Дедюхин, Шелеметьев, Пичуев, Чирков	Колмогорцев (<i>много</i>)
53	Деревни Опрокиднейвой	Крыласов	Опрокиднев (<i>все; много</i>)
54	Деревни Самсоновой	Аранинъ	Самсонов, Суботинъ
55	Деревни Кибасовой	Измайлов	Черныхъ (<i>много</i>), Абрамов (<i>много</i>), Старицынъ (<i>много</i>)
56	Деревни Мирсановой	Аршинской, Силинский	Мирсанов (<i>много</i>), Номоконов (<i>много</i>), Томской (<i>много</i>)
57	Деревни Апрельковой	Литвинцов, Чебыкинъ, Сенотрусов	Апрелков (<i>много</i>), Номоконов, Метелев
58	Деревни Солениковой	Власьевской, Кургаев, Седелников	Суботин (<i>много</i>)
59	Деревни Бишигино	Исаковский, Шабулов	Подшивалов (<i>очень много</i>), Закурдаев (<i>много</i>), Мясников

<i>Новотроицкого участка</i>			
60	Деревни Саватеевой	Митрофанов, Закурдаев	Сапатеев (<i>много</i>), Колотовкин (<i>много</i>)
61	Деревни Пешковой	Болшаков, Васильев, Калинин	Пешков (<i>много</i>), Обухов (<i>много</i>)
62	Деревни Кэлановой		Кривоносов (<i>все</i>)
63	Деревни Лабшиновой или Белокопытовой	Зайков	Лабшинов (<i>много</i>)
64	Деревни Котельниковой	Зайков, Томской	Котельников (<i>много</i>), Полуполтинных (<i>много</i>)
65	Деревни Андрониковой	Мещерин, Кибирев, Шустов, Гантимуров, Кайдалов, Баранов, Пузырев, Иванов	Филипов (<i>много</i>), Золотухин (<i>много</i>), Литвинцов (<i>много</i>)
66	Деревни Сенатрусовой	Котельников	Сенотрусов (<i>много</i>)
67	Деревни Теленгуйской	Бородин, Мусорин, Проскураков	Золотухин (<i>много</i>), Сенотрусов (<i>много</i>)
68	Деревни Макаровой	Вертипрахов, Шумков	Попов (<i>много</i>)
69	Деревни Жидинской	Васильев, Вертипрахов	Лиханов (<i>много</i>)
70	Деревни Шаранайской	Кривоносов, Баранов, Бодров, Рогачёв	Пешков (<i>много</i>), Кибирев, Шадрин, Гурулев, Калашников
71	Деревни Улятуевской	Рогалев, Золотухин, Литвинцов, Кибирев, Болшаков	Гурулев (<i>много</i>), Филипов (<i>много</i>), Сараев (<i>много</i>)
72	Деревни Камкайской	Васильев, Золотухин	Сараев (<i>много</i>), Болшаков (<i>много</i>)
73	Деревни Матусовой	Никитин, Лабшинов, Першин, Кочнев, Литвинцов, Пузырев, Пешков, Кибирев	Баранов (<i>очень много</i>), Бызов
74	Деревни Семёновой	Войлошников, Антоновской, Нижегородцев, Куликов, Павлов	Дутов (<i>очень много</i>), Баранов (<i>много</i>)

<i>название деревни</i>		<i>фамилии, записанные от одного раза и более</i>	<i>фамилии, записанные от трёх раз и более</i>
75	Деревни Нижнегал- гатайской	Литвинцов	Кибирев (<i>много</i>), Баранов (<i>очень много</i>), Белокры- лов (<i>много</i>)
76	Новотроицкой сло- боды	Чупров, Переводчи- ков, Петухов, Русанов, Пахотной, Спери- донов, Белокрылов, Сверкунов, Налимов, Уланов, Кузнецов, Баранов, Шарыпов	Кибирев (<i>много</i>), Золотарёв (<i>много</i>)
77	Деревни Верхнегал- гатайской	Шадрин, Кибирев, Дьячков, Макарьев, Баранов	Ташлыков (<i>много</i>), Чупров (<i>много</i>), Шишкин (<i>много</i>)
78	Деревни Ложнико- вой	Нечаевской, Булдыге- ров, Морогин	Зимин (<i>много</i>), Литвинцов (<i>много</i>)
79	Деревни Буториной	Суханов, Чмутин, Бу- торин, Дунаев	Булдыгеров (<i>мно- го</i>), Рахманин (<i>много</i>), Голыгин (<i>много</i>)
80	Деревни Оноховой	Логиновской, Юмшин	Подойницын (<i>много</i>), Онохов (<i>много</i>), Чмутин (<i>много</i>)
Итого в Новотроицком участке – 1482 мужские души			
<i>Читинского участка</i>			
81	Деревни Шаранай- ской		Пакулов (<i>все</i>)
82	Деревни Кайдаловой	Проскуряков, Вар- ламов, Пушкарев, Шулгин, Лобанов, Аршинской, Сорокин, Попов	Чистохин (<i>много</i>), Горячкин (<i>много</i>), Кайдалов (<i>много</i>)
83	Деревни Туринской	Бодаев, Ульзутуев	Маковеев (<i>много</i>), Пинегин (<i>много</i>), Леонтьев (<i>много</i>)

84	Деревни Кручинской	Свешников, Попов, Коркин, Русин, Маковеев, Притупов, Лопаницын, Голубев, Шишкин, Труфанов, Пивоваров, Голобоков	
85	Деревни Титовой	<i>Нет данных по причине отсутствия конечных страниц дела. Всего в документе – 695 листов – Р. Ж.</i>	

Любопытен и такой архивный документ уже от 1834 г., как «Ревизская сказка крестьян Городищенской волости» [ГАЧО, ф. 31, оп. 1, д. 1116]. В документе переписаны так называемые крестьяне по деревням общей численностью 1804 души мужского пола и 3741 душа женского пола, т. е. 7545 человек. Причём переписаны те же поселения, которые представлены в таблицах и числах 1812 г., т. е. почти через 22 года.

Анализ фамильного состава крестьянского сословия показал, что фамилии основного состава населения отдельного поселения/деревни практически одинаковы:

1. Городищенская слобода Челбахтинской деревни: фамилии Селин (*много*) и Казанов (*много*) превалируют в численном отношении по сравнению с другими фамилиями: Пичуев, Глатких/Гладких, Томской, Чирков, Шелеметьев.

2. Деревня Митрофаново: Тюменцев (*много*), Дедюхин, Пичуев, Комогорцев, Мясников, Вертипрахов, Суботин, Чупров.

3. Деревни Самсоновой: Чупров, Аранин, Волков, Соловьев, Измайлов, Опрокиднев, Прилысов, Суботин, Селин.

4. Деревни Кибасовой: Черных (*много*), Абрамов (*много*), Измайлов (*много*), Старицын, Лисичников.

5. Деревни Мирсановой: Мирсанов (*много*), Номоконов (*очень много*), Томской (*много*), Аршинский (*много*), Силинской, Метелев.

6. Деревни Опрелковой: Опрелков (*много*), Чебыкин, Суботин.

7. Деревни Бишигиной: почти все семьи с фамилией Подшивалов.

8. Деревни Саватеевой: Саватеев (*много*).

9. Деревни Пешковой: Пешков (*много*), Обухов (*много*).

10. Деревни Кулаковой: все семьи с одной и той же фамилией – Кривоносовы.

11. Деревни Лапшиновой: все семьи с одной и той же фамилией – Лапшиновы.

12. Деревни Котельниковой: все семьи с фамилией – Котельников.

13. Деревни Андрониковой: Филипов (*много*), Золотухин, Мещеряков, Литвинцов, Кибирев, Шустов, Гантимуров, Кайдалов.

14. Урулгинской слободы: Баранов (*много*), Дербин, Пузырев, Кибирев.

15. Деревни Сенотрусовой: все семьи с одной и той же фамилией – Сенотрусов.

16. Деревни Теленгуйской: Мусорин, Золотухин (*много*), Беломеснов.

17. Деревни Макаровой: Попов (*много*), Шунков, Вертипрахов.

18. Деревни Жидинской: Лиханов (*много*), Нефедьев, Васеев, Казанов (*много*), Бобров, Мосеев, Баранов.

19. Деревни Шаранайской: Пешков (*много*), Гурулев (*много*), Шадрин, Кривоносов, Калинин, Баранов, Рогалев (*много*), Усов, Пазников, Болшаков, Мирошников.

20. Деревни Улятуйской: Рогалев (*много*), Золотухин (*много*), Гурулев (*очень много*), Филипов (*много*), Литвинцов, (*много*), Сараев (*много*), Кибирев (*много*), Сенотрусов (*много*), Шустов, Бурдинской, Гладышев.

21. Деревни Камкайской: Сараев (*много*), Золотухин, Васильев, Болшаков.

22. Деревни Матусовой: Баранов (*много*) – почти 10 семей, Никитин, Лапшинов, Першин, Кочнев, Бызов, Литвинцов, Пузырев (*много*), Кибирев, Котельников.

23. Деревни Семёновой: Войлошников, Антоновской (*много* – 3 семьи), Нижегородцев, Якимов, Дутов (*много* – 10 семей), Баранов (*много*), Куликов (*много*).

24. Деревни Нижнегалгатайской: Кибирев (*много* – 5 семей), Баранов (*много* – 7 семей), Белокрылов (*очень много* – 10 семей), Литвинцов.

25. Новотроицкой слободы: Чупров, Чашкин (*очень много* – 13 семей), Перевогичиков, Баранов (*много*), Петухов (*много* – 4 семьи), Кибирев (*очень много*), Пахотной (*много* – 7 семей), Русанов, Сверкунов (*очень много* – 10 семей), Налимов, Лапин, Филипов, Белявин, Кузнецов, Золотарев (*очень много*), Кибирев (*много*), Шарыпов, Чмутин.

26. Деревни Верхнегалгатайской: Кибирев, Дьячков, Чупров (*много* – 10 семей), Макаров, Паршин, Шишкин (*много*), Соловаров (*много*), Кожевников (*много*), Ташлыков (*много* – 8 семей), Лобанов.

27. Деревни Ложниковой: Зимин (*очень много* – 10 семей), Нечаевской, Кожеев, Литвинцов (*много* – 3 семьи), Бултыгеров, Баранов, Морогин, Кибирев.

28. Деревни Буториной: Бултыгеров (*много* – 3 семьи), Окладников, Рахманин (*очень много* – 10 семей), Чмутин (*много* – 5 семей), Петров, Зимин (*много*), Раднаев Лога (3 семьи).

29. Деревни Оноховой: Подойницын (*много* – 7 семей), Иванов, Мещенков (*много* – 4 семьи), Логиновской (*много* – 5 семей), Онохов, Бушмакин (*много* – 3 семьи), Золотарев, Юмшин, Баранов, Чмутин (*много*), Пазников (*много* – 3 семьи), Турков.

30. Деревни Подойницыно: Подойницын (*очень много* – 20 семей), Турков, Саватеев, Каратаев, Щербаков (*много*), Лапшин (*много* – 4 семьи), Малофеев, Тихонких (*много*), Онохов, Усов (*много*), Лога Черенцов, Ларионов (*много*).

31. Деревни Бочкаревой: Фоминых (*много*), Тихонких (*много*), Кочев (*много* – 5 семей), Ушаков, Терентьев, Бочкарев (*очень много*), Золотарев (*очень много*).

32. Деревни Кокуйской: Ушаковы (*много*).

33. Деревни Кумакинской: все семьи с одной и той же фамилией Бянкин (*много*);

34. Деревни Брониковой: все семьи с одной и той же фамилией Броников (*много* – 5 семей).

35. Деревни Катаргинской: Шеломенцов, Губин.

36. Торгинской слободы: Халиков, Шеломенцев (*много*), Путинцев, Астраханцев (*много* – 3 семьи), Казанцов (*много* –

5 семей), Беломеснов (*много* – 5 семей), Лагунов (*много* – 8 семей), Бакшеев (*много* – 3 семьи), Менделеев, Гусевской, Воложанин, Торхов, Кучин, Резанцов.

37. Деревни Большелуговской: Самодуров (*много* – 6 семей), Бакшеев (*много*), Богомяжков, Путинцов, Рязанцов.

38. Деревни Крупянской: Резанцов (*много*), Пестерев, Корякин.

39. Деревни Зюльзинской слободы; Епов (*очень много*) (семьи братьев Еповых – Афанасей, Михайло, Иван, Степан, Прокопей, Ефремъ, Карп, Дементей, Корнило), семьи братьев Селиных – Тимофея и Герасима, Рожнев, Хилинов, Иванов, Наделяев.

40. Деревни Олеканской: Хилинов (*много*), Кучин (*много*), Путинцов (*много*).

41. Деревни Илимской: Беломеснов (*очень много* – всего 27 человек).

42. Деревни Богомяжковой: Богомяжков (*очень много* – 9 семей), Шелеметьев (*много*), Суботин, Торховъ.

43. Деревни Киинской: Вертипрахов, Бакшеев (*много* – 3 семьи), Лисишников (*много* – 8 семей), Таргоев (*много* – 3 семьи), Аршинской.

44. Деревни Комогорцевой: Комогорцев (*много* – семьи трёх братьев: Филипа, Алексея, Степана), Глатких, Богомяжков.

В книге Н. С. Тяжелова «История населённых пунктов Читинской области» описана история части поселений Читинской области, согласно которой, такие деревни, как Богомяжково, Большой Луг, Буторино, Трубачево и другие «были основаны крестьянами, приписанными к Нерчинским заводам», в основном во второй половине XVIII в. Селение Курлыч, согласно Н. С. Тяжелову, «основано обруселыми эвенками», село Лоншаково (Молодовск) «основано выходцами из Албазина после заключения Нерчинского договора 1689 г.» [Тяжелов, б/г, с. 5–6, 15–16].

Деревня Бянкино, по Н. С. Тяжелову, и вовсе названа в честь землепроходцев Бянкина, как именуют первых русских казаков-колонизаторов. Очевидно, что это мнение основывается на устных рассказах старожилов, в которые вкрапле-

ны исторические сведения в виде дат и событий, и которые теперь «переходят» из одного исследования в другое, тогда как эта информация требует основательной проверки.

По архивным сведениям можно полагать, что основана деревня Богомягково семьями Богомяхковых, которых переписано в данном селении довольно много. То же самое можно сказать и в отношении названий Бронниково, Бочкарёво, Подойницыно, Лапшиновой, Котельниково, Сенотрусово. Многие из этих селений уже считаются исчезнувшими, т. к. население разъехалось, особенно отток шёл в 1960-е гг., в период укрупнений сельских поселений.

Отантропонимное начало многих ойконимов Забайкалья очевидно, а исследование архивных документов позволяет высказать предположение о том, что крещёные тунгусы, получившие уже русские фамилии, продолжали жить, конечно, уже не родовыми сообществами, а попросту большими семьями. Эти большие семьи, как видим из документов, состояли из братьев с одним общим предком по мужской линии, и поэтому все члены этой большой семьи имели одну и ту же фамилию.

Заключение

Данное научное издание представляет собой продолжение авторских исследований по ономастике автохтонного населения Восточного Забайкалья.

Тунгусы Гантимура как бывшие дауры в своём далёком историческом прошлом, впрочем, как и предки современных хори-бурят, были так же, как и все племена Северной Азии, вовлечены в орбиту глобальных исторических потрясений. Так же, как и известные истории конфедерации монголов, тюрков, чжурчжэней, предки тунгусов Гантимура представляли собой часть тех кочевые племенных союзов, которые то проявлялись, то исчезали в потоке времени.

В монографии в качестве предварительной гипотезы высказана мысль о преждевременности соотношения тунгусо-маньчжуроязычных эвенков и эвенов с тунгусами Гантимура. Предпринятые в 2004–2010 гг. экспедиционные поездки по краю, в ходе которых происходили встречи с местным населением, пусть смутно, но помнящим своё далёкое «тунгусское» прошлое, противоречат устоявшемуся представлению о тунгусах Гантимура как только этнических эвенках. Кроме этого, позволят подойти читателю к мнению автора и сделанным в данной работе интерпретациям архивных документов Государственного архива Читинской области (ГАЧО), а ныне Забайкальского края (ГАЗК).

Следует сказать, что вторая часть монографии, где будут описаны возможные значения тунгусских генонимов, позволит более доказательно отстоять выдвинутую гипотезу.

Библиографический список

Архивные источники

1. Ведомость о вероисповедании Урульгинской степной думы Нерчинского округа. 1840 г. // ГАЧО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 16. 277 л.

2. Ведомость о родившихся и умерших, подробный отчёт за 1848 г., налоговые документы // ГАЧО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 39. 224 л.

3. Ведомость об уплате ясака, сведения о перевозке казённого свинца. Взаимоотношения русских с эвенками. Тяжёлое материальное положение эвенков. Журнал исходящих документов. 1792 г. // ГАЧО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 12. 602 л.

4. Дело о земельных спорах между эвенками и русскими крестьянами. Материалы о перечислении эвенков в крестьян. Именной список дворян Гантимуровых. Материалы о розыске родившихся и умерших. Материалы о розыске бежавших каторжан, ссыльнопоселенцев, вещей. 1850–1852 гг. // ГАЧО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 48. 388 л.

5. Документы о массовом переселении инородцев Верхнеудинского и Читинского уездов в Монголию. 1915–1917 гг. // ГАЧО. Ф. 13. Оп. 2. Д. 54. 49 л.

6. Документы о мерах по запрещению общения бурятских лам с монголами и обращении инородцев в христианскую веру. 1865–1875 гг. // ГАЧО. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 16353. 53 л.

7. Документы Онон-Тунгусского хошуна // ГААБАО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3–4.

8. Документ о решении спорных земельных вопросов между казаками и инородцами деревни Бургенской и улуса Сахалтуйского. Жалобы жителей (взаимно) Дылюнской и Кокуйского друг на друга о выкашивании падей. 1882 г. // ГАЧО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 224. 19 л.

9. Именные списки на сбор ясака. 1831 г. // ГАЧО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 7. 61 л.

10. Именные списки эвенков, принявших и не принявших христианство. Сведения о хлебопашестве у эвенков // ГАЧО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 2. 111 л.

11. Книги указов Его Императорского Величества. Ведомости о сборе денег с тунгусов. Сведения об избрании в Урульгинскую инородную управу должностных лиц. Докладные регистры для регистрации входящей корреспонденции. 1830 г. // ГАЧО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 6. 719 л.

12. Кужертаевская: налоговые документы. Сведения о родившихся и умерших. Материалы об избрании заседателей в думу. Ведомости об оспопрививании, состоянии хлебозапасных магазинов, взыскание долгов. Материалы по уголовным преступлениям // ГАЧО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 4. 1107 л.

13. Материалы по изучению населения Забайкалья после Нерчинского договора. 1689–1725 гг. // ГАЧО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 27. 144 л.

14. Нерчинское горное правление. Книга записи смотрителей экономических магазинов и расходов хлеба. Сведения о количестве хлеба и скота по Урульгинскому ведомству. Списки жителей Урульгинской степной думы // ГАЧО. Ф. 31. Оп. 4. Д. 48. 692 л.

15. Нерчинское горное правление. Статистические ведомости инородческих управ Нерчинского округа (1839–1840 гг.) // ГАЧО. Ф. 31. Оп. 2. Д. 89. 22 л.

16. О причислении и исключении по распоряжению начальства инородцев по Агинскому ведомству в течение 1886 г. // ГАЧО. Ф. 284. Оп. 1. Д. 37. 98 л.

17. Общерапорядительный отдел. Документы о корреспонденции господина управляющего Иркутской губернией о выдаче денег старожилам за принятие в их дома ссыльных поселенцев. Начато 1848 г. Окончено 1855 г. // ГАЧО. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 15605. 100 л.

18. Общерапорядительный отдел. Перепись инородцев Нерчинского уезда. Ревизские сказки тунгусов Нерчинского уезда Иркутской губернии. 1816 г. // ГАЧО. Ф. 1о. Оп. 1/5. Д. 17513. 475 л.

19. Отношения и заявления золотопромышленников в Урульгинскую степную управу о подрядах на работу // ГАЧО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 140. 14 л.

20. Переписка князя Гантимурова с начальником Нерчинских заводов о закупке шерсти у эвенков. Прошения ясачных князю Гантимуру. Рапорты зайсанов о хлебопашестве у эвенков. Рапорты лекарских учеников о прививке оспы. Сведения о взаимоотношениях русских крестьян с эвенками. Рапорты зайсанов о сдаче ясака князю Гантимуру. Реестр исходящих бумаг думы. Начато 1817 г. Закончено 1818 г. // ГАЧО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 30. 926 л.

21. Переписка с Иркутским губернским управлением о высылке копий карт Забайкальской области и Верхнеудинского округа. Документы о выдаче пособий баргузинскому мещанину Бернеру (по крещению Андреев) за принятие православной веры. 1854–1855 гг. // ГАЧО. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 15928. 14 л.

22. Переписка с Урульгинской степной думой о сборе податей. Обращения инородцев в православную веру, об осповивании. 1841 г. // ГАЧО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 17. 524 л.

23. Переписка со степными думами и инородными username о предоставлении трёхлетних льгот бурятам и тунгусам за принятие ими Святого крещения. 1859–1860 гг. // ГАЧО. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 11870. 82 л.

24. Перепись девятая народная. Документы о принятии эвенками христианства. Списки деревень по инородным username с количеством жителей, скота, десятин земли и другие сведения для военно-статистического описания Нерчинского округа; ведомства о числе жителей в селениях Урульгинского ведомства по девятой народной переписи, материалы о принятии христианства эвенками. 1852 г. // ГАЧО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 56. 337 л.

25. Перепись кочевых инородцев Баунтовского и Кучитского острогов Верхнеудинского округа. 1850 г. // ГАЧО. Ф. 1. Оп. 1о. Д. 17564. 60 л.

26. Предписание Военного губернатора Забайкальской области о выселении инородцев в предназначенные для них места. 1881 г. // ГАЧО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 180. 2 л.

27. Предписания Урульгинской степной думы и Урульгинской инородной управы. 1859 г. // ГАЧО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 38. 87 л.

28. Рапорты шуленг и зайсанов о принятии христианства эвенками. Материалы об уплате ясака. Ведомости родившихся и умерших. Список шуленг и зайсанов. 1786 г. // ГАЧО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 4. 431 л.

29. Ревизская книга крестьян, приписанных к Нерчинским горным заводам. 1812 г. // ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 571, т. 1. 1105 л.

30. Ревизская книга приписанных к заводам крестьян в 1812 г. // ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 572, т. 2. 695 л.

31. Ревизская сказка Бултегерского рода. Список бродячих эвенков Бултегерского рода, обложенных налогами с 1867 по 1873 г. // ГАЧО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 65. 11 л.

32. Ревизская сказка крестьян Городищенской волости // ГАЧО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1116. 275 л.

33. Ревизская сказка Кужертаевской инородной управы // ГАЧО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 61. 122 л.

34. Ревизская сказка Кужертаевской инородной управы. 1850 г. // ГАЧО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 127. 145 л.

35. Ревизская сказка Маньковской инородной управы. 1857 г. // ГАЧО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 58. 164 л.

36. Ревизская сказка национальных меньшинств Хоринской степной думы Верхнеудинского округа за 1858 г. // ГАЧО. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 17621. 1139 л.

37. Ревизская сказка Оловской инородной управы // ГАЧО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 60. 156 л.

38. Ревизская сказка Оловской инородной управы. 1858 г. // ГАЧО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 66. 72 л.

39. Ревизская сказка Онгоцонской инородной управы о трёх тунгусских родах. 1857 г. // ГАЧО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 59. 93 л.

40. Ревизская сказка Урульгинской инородной управы. 1858 г. // ГАЧО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 67. 97 л.

41. Ревизская сказка Шундуинской инородной управы. 1851 г. // ГАЧО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 136. 95 л.

42. Ревизская сказка Шундуинской инородной управы. 1858–1859 гг. // ГАЧО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 64. 21 л.

43. Ревизские сказки бродячих эвенков Никаганского и Никагирского родов // ГАЧО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 62. 19 л.

44. Сведения о выборе сугланного места. Материалы по земельным спорам между русскими и эвенками. 175–1779 гг. // ГАЧО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

45. Сведения о числе бурят, принявших христианство, и выделенных деньгах на обращение бурят в христиан // ГАЧО. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 156. 80 л.

46. Статистическая отчётность по ведомству Урульгинской думы. Налоговые документы // ГАЧО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 32. 202 л.

47. Топографический журнал геодезиста Шелковникова о проведении геодезического измерения местности при составлении плана земель по реке Кручина. 1811 г. // ГАЧО. Ф. 52. Оп. 3. Д. 41. 32 л.

48. Топографический журнал геодезиста Шелковникова о проведении геодезического измерения местности при составлении плана земель бурят Хоринского ведомства. 1811 г. // ГАЧО. Ф. 52. Оп. 3. Д. 42. 23 л.

49. Указы императора о сборе ясака и недоимок, прошенная тунгусов по различным вопросам тунгусскому начальнику князю Гантимуру. 1791 г. // ГАЧО. Ф. 31. Оп. 4. Д. 47. 598 л.

50. Урульгинская степная дума. Перечневая ведомость о количестве земель, жителей, сборе повинностей, промыслов. Книга входящих и исходящих бумаг. Списки инородцев. 1828–1831 гг. // ГАЧО. Ф. 55. Оп. 3. Д. 9. 64 л.

Основная литература

51. Алексеев, М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII–XVII вв. / М. П. Алексеев. – Иркутск: КрайГИЗ, 1932. – Т. 1. – 368 с.

52. Алексеев, М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XII–XVII вв. / М. П. Алексеев. – 2-е изд. – Иркутск: Иркутское обл. изд-во, 1941. – 610 с.

53. Андреев, А. Где искать ревизские сказки по переписи населения / А. Андреев, М. Андреев Ревизские сказки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.livemem.ru> (дата обращения: 20.09.2018).

54. Балабанов, В. Ф. История земли Даурской / В. Ф. Балабанов. – Чита: Эффект, 2003. – 400 с.

55. Бичурин, Н. Я. Статистическое описание Маньчжурии, Монголии, Восточного Тюркистана и Тибета / Н. Я. Бичурин // Статистическое описание Китайской империи: в 2 ч. – Москва: Вост. дом, 2002. – Ч. 1. – 464 с.

56. Бураева, О. В. Межэтническая миксация в Байкальском регионе XVIII–XIX вв. / О. В. Бураева // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. – Иркутск: ИрГУ, 2016. – Т. 17. – С. 59–67.

57. Василевич, Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – нач. XX в.) / Г. М. Василевич. – Ленинград: Наука, 1969. – 304 с.

58. Георги, И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопримечательностей / И. Г. Георги; предисл. и прим. В. А. Дмитриева. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург: Русская симфония, 2007. – 818 с.

59. Долгих, Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке / Б. О. Долгих. – Москва: Изд-во АН СССР, 1960. – 622 с.

60. Дыжитова, Е. Ч. Русскоязычная топонимия Восточного Забайкалья: учеб. пособие / Е. Ч. Дыжитова. – Чита: ЗабГУ, 2018. – 122 с.

61. Жамсаранова, Р. Г. К вопросу об этнической принадлежности «конных тунгусов» Восточного Забайкалья (по материалам полевой летней практики) / Р. Г. Жамсаранова // Аспирант. – 2006. – № 1. – С. 27–31.

62. Жамсаранова, Р. Г. Этнонимы тюрко-самодийского происхождения в топонимии Восточного Забайкалья (к вопросу об этнической принадлежности «конных тунгусов» Восточного Забайкалья) / Р. Г. Жамсаранова // Кулагинские чтения: сб. ст. VI Всерос. науч.-практ. конф. – Чита: ЧитГУ, 2006. – С. 207–211.

63. Жамсаранова, Р. Г. Субстратная этнонимия Восточного Забайкалья / Р. Г. Жамсаранова // Немецкие исследо-

ватели на Алтае: материалы науч. конф. с междунар. участием, посв. 170-летию со дня рождения В. В. Радлова. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2007. – С. 109–112.

64. Жамсаранова, Р. Г. Этнонимы и генонимы хори-бурят: лингво-историческое исследование / Р. Г. Жамсаранова. – Чита: ЧитГУ, 2009. – 228 с.

65. Жамсаранова, Р. Г. Региональная модель этнического общества (диахронный аспект) / Р. Г. Жамсаранова // Социальная теория и антропологические вызовы XXI века: социальная антропология в научных и образовательных практиках современного общества: сб. науч. ст. I Междисциплинарного науч. симпозиума с междунар. участием. – Чита: ЧитГУ, 2010. – С. 204–207.

66. Жамсаранова, Р. Г. Генонимы тунгусов и инородцев-бурят тюркского языкового происхождения (на материале ревизских описей XVIII–XIX вв.) / Р. Г. Жамсаранова // Сибирский филологический журнал. – 2011. – № 1. – С. 142–150.

67. Жамсаранова, Р. Г. О генониме тунгусов Дулигарский/Дулигатский / Р. Г. Жамсаранова // Вестник СВФУ им. М. К. Аммосова. – 2011. – № 1. – С. 123–129.

68. Жамсаранова, Р. Г. Нелюдский острог (Нерчинский острог), Нелюдский род тунгусов: этноязыковая принадлежность онимов в аспекте цивилизационных процессов Северной Азии / Р. Г. Жамсаранова // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. – Санкт-Петербург: Периферия, 2012. – Кн. 2. – С. 555–561.

69. Жамсаранова, Р. Г. Вероисповедание и численно-родовой состав тунгусов Урульгинской степной думы XIX в. / Р. Г. Жамсаранова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – № 19. – С. 11–17.

70. Жамсаранова, Р. Г. Концептосфера средневековой монгольской этнонимии / Р. Г. Жамсаранова. – Чита: Экспресс-издательство, 2013. – 288 с.

71. Жамсаранова, Р. Г. Ойконимы Хоринской степной думы / Р. Г. Жамсаранова. – Чита: ЗабГУ, 2017. – 274 с.

72. Жирнов, Е. Бурятам внушали, что переход в православие – самый лёгкий способ обогащения [Электронный ре-

сурс] / Е. Жирнов. – Режим доступа: <http://asiarussia.ru/articles/15509> (дата обращения: 12.12.2018).

73. История Баргузинской степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824–1903 гг.): сб. и перечень документов / сост. Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас; науч. ред. Б. В. Базаров. – Иркутск: Отгиск, 2012. – 351 с.

74. История Восточного Забайкалья. Читинская область: учеб. пособие для учащихся средней школы / отв. ред. И. И. Кириллов. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2001. – 283 с.

75. Константинов, А. В. История Забайкалья (с древнейших времён до 1917 года) / А. В. Константинов, Н. Н. Константинова. – Чита: АНО ЦНОП: ЗабГПУ, 2002. – 248 с.

76. Котов, П. П. Хлебные запасные магазины по законодательным источникам России XVIII – первой половины XIX века / П. П. Котов // Научные ведомости. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. – 2013. – № 1, вып. 25. – С. 90–96.

77. Кудрявцев, С. Очерк истории Забайкальской епархии. Миссия среди тунгусов в XVIII столетии [Электронный ресурс] / С. Кудрявцев. – Режим доступа: <http://www.chita-eparhia.ru/eparh/hist/nov/kydr/missia> (дата обращения: 10.12.2018).

78. Литвинцев, А. Сельские хроники. Урульга / А. Литвинцев // Земля. – 2013. – № 49. – С. 18.

79. Малахова, О. А. Спасская церковь в деревне Курлыч Чернышевского района Забайкальского края [Электронный ресурс] / О. А. Малахова. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/download> (дата обращения: 14.12.2018).

80. Магидович, В. И. Очерки по истории географических открытий. Эпоха великих открытий / В. И. Магидович, И. П. Магидович. – Курск: Центрполиграф, 2003. – 639 с.

81. Музгин, Н. Д. К истории основания Читы и Нерчинска / Н. Д. Музгин. – Нерчинск: Нерчинский краеведческий музей, 2011. – 22 с.

82. Патканов, С. К. Опыт географии и статистики тунгусских племён Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников / С. К. Патканов. – Санкт-Петербург: Слово, 1906. – Ч. 1/2. – С. 80.

83. Патканов, С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.) / С. К. Патканов // Записки Императорского Русского географического общества: в 3 т. – Санкт-Петербург: Тип. Императорской АН, 1911–1912.

84. Потанин, Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии / Г. Н. Потанин. – Санкт-Петербург: Тип. В. Киришбаума, 1883. – Вып. 4. – 1024 с.

85. Радлов, В. В. Из Сибири / В. В. Радлов. – Москва: Гл. ред. вост. литературы, 1989. – 749 с.

86. Сведения о выборе сугланного места, материалы по земельным спорам между русскими и эвенками. 1752–1779 гг. // ГАЧО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

87. Свод законов Российской империи, дополненный по приложениям 1906, 1908, 1909 и 1910 гг. и позднейшим Указам 1911 и 1912 гг.: в 8 кн. – Санкт-Петербург: Законоведение, 1913.

88. Соломин, А. В. Князя Гантимуровы / А. В. Соломин. – Москва: Старая Басманная, 2013. – 268 с.

89. Сыртыпова, Н. Д. Административное управление Байкальского региона: перекрёсток традиций [Электронный ресурс] / С. Д. Сыртыпова. – Режим доступа: <http://www.rb03.ru> (дата обращения: 14.11.2018).

90. Туголуков, В. А. Главнейшие этнонимы тунгусов (эвенков и эвенов) / В. А. Туголуков // Этнонимы. – Москва: Наука, 1970. – С. 214–215.

91. Туголуков, В. А. Конные тунгусы (этническая история и этногенез) / В. А. Туголуков // Этногенез и этническая история народов Севера. – Москва: Наука, 1975. – С. 78–110.

92. Туголуков, В. А. Эвены / В. А. Туголуков // Этническая история народов Севера. – Москва: Наука, 1982. – С. 155.

93. Туголуков, В. А. Тунгусы и ламуты на северо-востоке Сибири / В. А. Туголуков // Этническая ономастика / отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова, В. А. Никонов. – Москва: Наука, 1984. – С. 35–38.

94. Туголуков, В. А. Эвенки и эвены // Системы личных имён у народов мира / В. А. Туголуков. – Москва: Гл. ред. вост. литературы, 1989. – С. 344–346.

95. Туиров, М. Г. Хозяйство эвенков таёжной зоны Средней Сибири в конце XIX – начале XX в. (принципы освоения угодий) / М. Г. Туиров. – Иркутск: Изд-во ИрГУ, 1990. – 176 с.

96. Тяжелов, Н. С. История населённых пунктов Читинской области (рукопись) / Н. С. Тяжелов. – Чита [б/г]. – С. 5–16.

97. Уварова, Т. Б. Нерчинские эвенки в XVIII–XX веках / Т. Б. Уварова. – 2-е изд. доп. – Москва: ИНИОН РАН, 2006. – 172 с.

98. Ухтомский, Э. Э. Путешествие по Забайкалью / Э. Э. Ухтомский // Путешествие государя императора Николая II на Восток (1980–1891 гг.). – Репр. изд. – Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1992. – 39 с.

99. Хартанович, М. Ф. Тунгусские князья Гантимуровы [Электронный ресурс] / М. Ф. Хартанович, М. В. Хартанович // Наука из первых рук. – 2011. – № 3. – Режим доступа: <https://www.scfh.ru/papers/tungusskie-knyazyu-gantimurovu> (дата обращения: 10.11.2018).

100. Цыбенков, Б. Д. Даурские роды в 17 веке / Б. Д. Цыбенков // Вестник БГУ. – 2011. – № 8. – С. 238–246.

101. Цыбенков, Б. Д. История и культура дауров Китая. Историко-этнографические очерки / Б. Д. Цыбенков. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2012. – 252 с.

102. Цыдендамбаев, Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные (историко-лингвистическое исследование) / Ц. Б. Цыдендамбаев. – Улан-Удэ: Ин-т общ. наук БФ СО АН СССР, 1972. – 662 с.

103. Читинская и Краснокаменская епархии Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chita-eparhia.ru> (дата обращения: 10.12.2018).

104. Шренк, Л. Об инородцах Амурского края / Л. Шренк. – Репр. изд. – Санкт-Петербург, 1863. – Т. 1. – С. 195–196.

105. Эвенки [Электронный ресурс] // Забытые истории: авт. сайт С. Цветкова. – Режим доступа: <http://www.zaist.ru> (дата обращения: 14.10.2018).

106. Экспедиции А. А. Макаренко к эвенкам Подкаменной Тунгуски в 1907–1908 гг. [Электронный ресурс] // Сибирская заимка. – Режим доступа: <http://www.zaimka.ru/klitsenkokatanga> (дата обращения: 14.11.2018).

107. Элерт, А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири / А. Х. Элерт. – Новосибирск: Наука, 1990. – 247 с.

108. Энциклопедия Забайкалья. Читинская область: в 2 т. Т. 1. Общий очерк / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2000. – 302 с.

109. Янков, А. Г. Эвенки Урульгинской степной думы / А. Г. Янков // Молодая археология и этнология Сибири XXXIX РАЭСК. – Чита: ЗГПУ, 1999. – Ч. 2I. – С. 99–100.

110. ARD – AsiaRussiaDaily. Новости Монголии, Бурятии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.asiarussia.ru> (дата обращения: 10.06.2018).

Научное издание

Жамсаранова Раиса Гандыбаловна

ТУНГУСЫ КНЯЗЯ ГАНТИМУРА

Часть 1

Редактор Е. В. Валюкова
Вёрстка Н. Ю. Добрецкой

Подписано в печать 29.12.2018.
Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Способ печати цифровой.
Усл. печ. л. 14,6. Уч.-изд. л. 10,7.
Заказ № 18261. Тираж 500 экз.
(1-й з-д 1–47 экз.)

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30

